

Хроники
Ника
6

инстинкт

ШЕРРИЛИН КЕНЬОН

#1 NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

Зомби, демоны, перевертыши — еще один обычный день в жизни Ника Готье, и их еще можно отнести к его друзьям. Но теперь, когда он принял демона внутри себя, то должен научиться контролировать его и каждую свою эмоцию, потому что угрожает жизням всех, кого любит. Это тяжело делать, когда пытаешься не попасть в меню тех, кто жаждет твоей головы. И никто так не хочет заполучить его, как темные боги, создавшие его расу. Теперь они знают где он и будут пытаться заявить на него свои права. И Ник доверился человеку, которому верить бы не стоило. Тому, кто сдаст его врагам, для того, чтобы вернуть свою жизнь.

Ник наконец принял свою судьбу, теперь он должен научиться бороться с будущим, а темные силы не перед чем не остановятся, чтобы уничтожить всех, кого он любит, вернуться в человеческий мир и завладеть им.

Шеррилин Кеньон

Инстинкт

Хроники Ника — 6

Переводчик: sveshka

Бета: Триадочка

Однажды друг сказал мне не страшиться будущего. Так или иначе, оно наступит. Задача в том, чтобы встретить его с распростёртыми объятиями, чтобы оно ничего не сломало, когда налетит на тебя.

— Ренегэйт Вайя Мойн, Темный охотник.

Пролог

Не легко быть смертью, тяжело заводить друзей. И еще тяжелее их удержать. Никто не рад видеть тебя. Когда ты рядом, все подпрыгивают и нервничают. Отстойно.

И в частности сегодня Грим был... ну... Гримом.

Тяжело вздохнув, он посмотрел на своих громадных миньонов Боль и Стрдание. Явно напуганные намерениями Грима и его настроением, они вылетели из комнаты, как тараканы, пойманные за попыткой стащить кусочек торта. Как будто он собирался убить их, когда они убирались у него в офисе.

Можно решиться на это позже. Но он редко убивал тех, кто делал что-то для него.

Еще больше раздраженный их страхом, он провел рукой по большому хрустальному черепу на столе.

Пора было выместить на ком-то злость. Но пока он не знал на ком и за что.

Что-то было не так. Происходило нечто неестественное. И этот дурацкий прозрачный череп никак не помогал разрешить задачку. Он ничего не видел, и это подогревало его еще больше. Ему не нравилось находиться в неведении, и он проклинал то, что родился без дара провидения.

Грим поднял череп, собираясь разбить его о стену.

— Пытаешься найти нашего пропавшего всадника?

Успокоившись достаточно, чтобы поставить череп на место, Грим склонил голову на бок, прислушиваясь к женскому голосу. Лагерр со своими кудрявыми темными волосами и совершенным лицом была прекрасна. Честно говоря, она была его самым любимым существом. В ее сердце не было неопределённостей, предубеждений. Она ненавидела всех одинаково.

И без колебаний убивала.

Именно поэтому в течении многих веков они были лучшими друзьями. Вздохнув от скуки, Грим сел и печально посмотрел на нее.

— Нет смысла охотиться на Ирре. К несчастью, Готье закрыл для нас дверь охоты за человеческими вредителями. С этим ничего не поделаешь.

— Ага, но все всадники остались на человеческой стороне, за дверью, которую он так грубо захлопнул перед нашими лицами. Но в этот раз не все заперты в другой реальности.

В ее словах был смысл. Но все же...

— Бейн связался с нашими врагами. Сказал, хватит с него интриг. Остались только мы с тобой.

— А Ирре тот, кто хочет присоединиться к нам. У него ярость в крови, которая нужна нам, чтобы доставить древних богов в этот мир и освободить их. Они останутся навечно благодарны за нашу услугу и отблагодарят за смелость. Хотя четыре, не семь, но четыре всадника смогут создать сильную команду... остальных нам надо призвать к ответу и забрать то, что было украдено у нас.

Грим приподнял бровь.

— Прости, что?

— Я нашла нашего потерянного всадника, как никогда готового съесть сердце Малачая и привести нас к Победе. Вместе мы сможем сделать нашего демона Малачая-Готье тем, кем он должен быть. Или убьем его, если откажется, и заменим его братом, в котором тоже течет кровь Малачаев.

Грим улыбнулся, впервые с того момента, как Ник Готье пробился в свое измерение и решил, что не станет устраивать конец света или умирать у его ног.

Снова выглянуло солнце. В этот раз их ничто не остановит. Особенно языкастый уличный мальчишка со своей пестрой бандой дружков. И тогда маленький Ник узнает, каких нужно заводить друзей.

Глава 1

«Никусечка? Поторопись, малыш! Ты опоздаешь в школу!»

Ник Готье скинул полотенце, которым сушил волосы, и посмотрел на часы на тумбочке еще раз убедившись, что его мать была самым бдительным и аккуратным хронометристом. По крайней мере, когда это касалось его дома, школы и работы.

Как странно... мгновение назад, когда он только вышел из ванной, у него оставалось почти сорок минут.

Тогда сколько по времени можно натягивать пару джинсов и одну жутко уродливую гавайскую рубашку?

Очевидно, тридцать пять минут.

«Блин, я торможу по утрам». Хорошо, что его заклятые враги не знали об этом. Иначе его бы зажарили на завтрак. Кинув полотенце в ванную, он поспешил на кухню и почти споткнулся о их новое меховое прибавление. Ксевикан протестующе зашипел и метнувшись к стене, выгнул спину.

Ник уже было собрался передразнить кота, но не стал, так как его мама не знала, что их новый питомец на самом деле древний перевертыш, которого Ник с друзьями освободили из адского измерения. К счастью, она решила, что у него чумка или что-то подобное и взяла его ненадолго.

«Прости, Пушистые ботиночки».

Ксев посмотрел на него, затем телепатически выразил ему все свое негодование:

«Я всей душой ненавижу имя, которое ты дал моему кошачьему воплощению, Готье».

Ник широко улыбнулся большому белому Египетскому мау, который возмущенно смотрел на него.

«А как ты думаешь, зачем я его использую?»

Ксев выпустил когти, чтобы почистить их, и Ник перехватил лапу, направленную на него.

Добродушно посмеиваясь над незатейливым оскорблением, который Ксев получил от Калеба, Ник потянулся к бекону и понял, что его пушистый гость обошел его. Снова. Да, хорошо, что он жалел Ксева.

И это правда. Древнее существо было заключено в реальности без друзей и семьи тысячу лет. А сейчас Ксев был напуган миром, которого не знал, да и с остальными не очень-то ладил, так что они решили, что лучше всего ему спать в доме у Ника, пока тот в школе или на работе. И так как Ксев переживал посттравматический стресс, обладая при этом огромными силами и малым терпением, то избежать конца света удастся лишь, если Ксев будет держаться подальше от событий, повышающих уровень его стресса и побуждающих к массовым убийствам.

— Да ты издеваешься, Ник? Да?

Ник повернулся и обнаружил, что его крошечная светловолосая мама уставилась на него. Господи, он никак не мог понять, как такая маленькая, как Чирайз Готье женщина, может быть так страшна в гневе. Хотя от его девушки, Никоды Кеннеди тоже бросало в пот.

И все, что ей нужно было сделать, всего лишь надуть губки.

— Что?

Закрыв дверь холодильника, мама помахала перед ним бутылкой молока.

— Во-первых, зачем ты выпил все молоко прошлой ночью, когда я ушла спать? Во-вторых, затем ты поставил пустую бутылку в холодильник?

Он сжал челюсть и посмотрел на настоящего преступника, который, наверное, выпил всю бутылку до капли. Но мама посчитает его чокнутым, если он обвинит в этом ловко открывающего бутылки кота. Так что он повел себя как мужчина и взял вину друга на себя.

— Вопиющая тупость? Я считаю ее виновной в большинстве глупостей, которые совершаю ненамеренно.

Она закатила глаза и швырнула бутылку в мусорное ведро.

— Иди, пока не опоздал. Люблю тебя, даже когда ты меня бесишь.

— Я тоже, — он схватил рюкзак с пола, поцеловал ее в щеку и посмотрел на кота. — Увидимся, Пушистые ботиночки.

«И не оскверняй мое постельное белье!»

Поздно. Ксев уже направился в комнату Ника, чтобы занять его кровать.

Вздыхнув от того, что Ксева бесполезно предупреждать о чем-либо, Ник посмотрел на маму.

— Куплю молока, когда буду возвращаться с работы.

— Спасибо, Страшилка. Хорошего дня.

— И тебе, не слишком трудись, — Ник пошел к черному входу, и пересек парковку дома к кирпичной стене, которая отделяла ее от школьного двора. Хотя с реки надвигались грозные облака, он задержался на мгновение, чтобы насладиться деньком.

Застегнув куртку, он вдохнул витающий в воздухе знакомый запах бенне и кофе, который исходил от Рынка и ресторанов. Если честно, он был рад оказаться дома, во Французском квартале, среди друзей и семьи.

Оказаться в самом прекрасном городе на земле.

Хороший денек, чтобы почувствовать себя живым. Его друг, Ашерон, древний атлант, был прав — каждый день нужно встречать с целями и благодарностью. Ник после того, как его заставили какое-то время жить жизнью другого человека, решил, что какой бы запутанной и опасной ни была его жизнь, он предпочитает ее. Пусть этот мир не совершенен, но не для него. Единственное, что он бы поменял — число паранормальных существ, жаждущих убить его.

Или пленить.

Ага, иногда неплохо было бы побыть не целью номер один. Жаловаться он бы не стал.

Ну, *са с'est bon*. Такова жизнь. Иногда ешь оборотня, а иногда оборотень пожирает тебя.

Добежав до ступеней Старшей школы Св. Ричарда, он вошел в двухэтажное здание и направился к шкафчику, чтобы взять книги, и начать день правильно, как можно сильнее сократив число проблем. Неплохо бы для разнообразия.

— Чего лыбишься, Готье?

Ник улыбнулся еще шире, закрыл шкафчик и повернулся к упрямому демону-телохранителю.

— Уже почти восемь утра, а меня еще никто не пытался убить или съесть. Чертовски хороший день, если спросите.

Закатив глаза, Калев обошел его, чтобы открыть свой шкафчик.

— Ненавижу жаворонков. Надо было скормить тебя прошлой ночью твоим врагам.

Ник рассмеялся.

— Но ты этого не сделал, — он, плюнув на чувство самосохранения, дразнил его певучим голосом, которому научился от одного демона чаронте по имени Сими, пока Калев доставал книги и закидывал их в дорогой дизайнерский рюкзак. — И значит ты меня считаешь милым и пушистым. Да и к тому же будешь скучать, если меня не станет.

Грубо фыркнув, Калев застегнул сумку.

— Осторожнее, Каджун. Я бы на твоём месте не проверял эту теорию.

Ник прислонился к шкафчику и постарался не завидовать темному, отличному голливудскому облику Калеба, который заставлял бросать горячие взгляды каждое проходящее мимо существо женского пола в школе. Не важно, студентку или учительницу.

— Без тебя было бы тяжелее.

— В смысле?

— Ты сказал, если твой господин, он же мой отец-демон умрет, ты больше не будешь охранять меня в школе. Его нет, а ты все равно остался здесь... мой верный, сногсшибательный защитник, — он игриво похлопал ресницами. Игнорируя наигранный флирт Ника, Калев закрыл шкафчик и провел рукой по идеально уложенным темным волосам. Его глаза сверкнули оранжевым, и он твердо посмотрел на Ника.

— Ага, сработали мое чувство сохранения и разум. Если кто-то съест тебя, то унаследует мою свободу и душу. Пусть ты чаще всего раздражаешь, я уж лучше останусь с тобой. Потому что признаем правду, моя удача и прошлый опыт говорят, что это не будет сексуальная суккобочка, которая большинство дней работает супермоделью в бикини, уж скорее покрытый чешуей мужик постарше, любящий отрывать крылышки даева, сажать нас в банки или прибивать к стене.

Он пихнул Нику в руку книгу по химии.

— Уже проходили. Того, кто придумал петлю жизни, нужно отнести к самому низшему

существо из особой ямы Торна.

Ник цыкнул на него.

— Бедный Калев. Тебе тысячи лет, а ты все еще в старших классах. Тебе нужно поговорить с консультантом о твоих оценках.

— Не усугубляй, Готье. Мои материнские инстинкты не работают до обеда.

Ник, засмеявшись, отошел от шкафчика, чтобы ЛаШонда могла открыть свой. Она было одета в морской костюмчик в стиле J-рор, ее кудряшки затянуты бантом в тон.

— Доброе утро, Мисс Счастье.

ЛаШонда хмуро посмотрела на него, доставая книги на первый урок.

— Кто-то сегодня в настроении.

Ник подмигнул ей.

— Ну что я могу сказать? Вид твоего красивого личика исправил мое кислое настроение.

— Надеюсь, ее парень или твоя Коди не услышали эту реплику, Готье, или у меня будет жареный каджун на обед.

Улыбаясь, Ник дал пройти Брайнне Адамс, лучшей подруге ЛаШонды и одной из немногих, на кого он мог всегда рассчитывать. В отличие от ЛаШонды с ее вызывающим стилем, Брайнна подходила к выбору гардероба гораздо строже — на ней были коричневые брюки с белой рубашкой.

— Доброе утро, еще одна Мисс Счастье. Всегда рад тебя видеть.

— Ты в хорошем настроении, — посмотрев мимо него, Брайнна нахмурилась. Его инстинкты подсказали ему, что сзади приближался кто-то с высокими сверхъестественными способностями. Кто-то, кто мог убить его за секунду. И он узнал его, даже не глядя. Одаренное небесное создание, с чьими способностями он был очень даже близко знаком.

На душе стало еще светлее, он повернулся, и откровенно игнорируя правила поведения в школе, обнял Никоду, чтобы вдохнуть ее уникальный легкий запах ванили. Ее каштановые волосы были заплетены в растрепанные косы, обрамляющие красивое лицо. Лицо с парой ярких зеленых глаз, от которых всегда кипела его кровь. Хотя изначально ее послали убить его до того, как он примет свою судьбу, и Калев все еще сомневался в ее преданности, Ник не мог сдержать своих чувств.

Она была его первой любовью.

Если честно, он и представить не мог, что будет испытывать такие чувства к кому-то. И уж если ему суждено умереть, то уж лучше от ее руки, чем от руки врага. Его сердце всегда будет принадлежать лишь ей.

Он крепко сжал ее.

— И это самая лучшая часть дня. Доброе утро, милая.

Хмурая Никода убрала темные волосы с его лица.

— Ты в порядке?

Брайнна ухмыльнулась, открывая шкафчик.

— Подруга, он сегодня очень странный. Я тут задумалась, не программирует ли Мадуг игры снова.

Никода нервно рассмеялась, вспомнив о том, как Мадуг Сэнт Джеймс создал нечто, случайно превратившее половину их футбольной команды в безмозглых зомби и заставившее бывшего тренера сожрать их предыдущего директора.

— Но он же этого не делал?

— Нет, точно нет. Он с того дня даже в пасьянс на компьютере не играет, — Ник забрал у Коди ее рюкзак, чтобы понести его. — Я жив, в Новом Орлеане, где и должен быть. С самой красивой девушкой во всей вселенной.

Он поцеловал ее в щеку, затем мотнул головой в сторону Калеба.

— И тут Король Хандры хмуро пялится на нас и планирует мою смерть и расчленение. Все в мире правильно. И я правда очень рад быть в школе, во времени, которому принадлежу, хоть все вы и считаете, что я сошел с ума.

Калев фыркнул.

— Ради всего святого, ты уже перестанешь нести чушь? — процедил он сквозь сжатые зубы. — Лично я бы не стал испытывать Судьбу. У нее есть гадкая привычка запихивать эти приятные мысли тебе в глотку и заставлять рыдать из-за них.

На мгновение Ник задумался. Затем, сократив расстояние между ним и Калевом, не смог удержаться и прошептал комментарий, который напрашивался сам собой.

— Кто победит в битве между Малачаем и Судьбой?

Положив руку на плечо Ника, Калев мягко отпихнул его.

— Бойся заносчивости, Готье. Это гадкая, опасная штука.

— Я всего лишь задал вопрос.

Напряженный взгляд Калеба охлаждал пыл.

— Молись, чтобы никогда не узнать ответа. Цена войны всегда в итоге гораздо выше, чем думаешь, когда только вступаешь в бой.

Ну да ладно...

Неожиданно, по спине Ника побежали мурашки. От чего, не понятно. На мгновение он покинул холл школы.

Вместо этого Ник смотрел на самого себя посреди руин греческого храма. Храма, который он посещал перед тем, как спас Никоду, когда она почти умерла при нападении на него.

Дом таинственной Артемиды, богини охоты.

Только в этот раз греческой богини там не было. Ему не надо было говорить, что он опять видит ужасное будущее.

Будущий пост Апокалипсис, когда он уничтожит все и всех. Когда он и его армия разнесет на кусочки весь мир.

Вокруг него горел Олимп, все храмы разрушены. Ник, в своем истинном облике с черно-красной мраморной кожей и светящимися глазами вызывающе стоял, расправив крылья. Его армия парила рядом, ожидая приказов. С его доспехов стекала кровь древних богов.

И его кровь.

Время замедлилось, пока он смотрел на себя в руинах, разыскивающего что-то потерянное.

Все звуки исчезли. Он слышал лишь громкое биение своего сердца.

Непокорного сердца.

«Амброуз...»

Он поморщился от незнакомого голоса в голове.

Ну, блин, незнакомые голоса в голове никогда не сулили ничего хорошего. Особенно, когда они требовали к себе внимания и знали имя, которое не должны были знать.

И все закончилось так же быстро, как и началось.

Все вернулось к реальному времени, будто в ускоренной перемотке. Он снова был в школе в холле с Калемом, Брайнной, Коди и ЛаШондой, уставившихся на него.

— Ник?

Он открыл рот, чтобы ответить Коди, но не смог. У него снова появилось пугающее нереальное ощущение, что все вокруг замедлилось.

Неожиданно он услышал странный зловещий цокот копыт, приближающихся к нему. Звук ржания лошади. Он перебивал все школьные звуки. Ник против своей воли повернулся к коридору и увидел всадника в белых развивающихся одеждах, верхом на черной лошади, скачущего по северному коридору, проходя сквозь студентов и преподавателей. Конь выдыхал огонь, в кроваво-красных глазах полыхала ненависть.

В руках у всадника были старомодные весы.

«Амброуз!».

Голос был ни женскими и ни мужским, демонически холодным, пугающим. Всадник без промедлений помчался на него.

Ник замер, не способный двигаться, тот пролетел сквозь него и оставил его замерзшим и неспособным дышать.

— Ник!

Глядя на Коди и моргая, он покачал головой, чтобы прояснить зрение. Всадник, которого мог видеть только он, распахнул двери главного входа.

Даже Калем и Коди не заметили его. Они уставились на него, одинаково нахмурившись, а учителя поспешили к двери, которую, как они решили, открыл ветер.

Как такое возможно? Они всегда видели подобные вещи одновременно с ним. И чаще всего даже раньше него.

Он открыл рот, чтобы ответить Коди, но прозвенел звонок. Да что за?

Ник моргал, оглядывая людей в холле. Теперь все торопились попасть в кабинеты. Но мгновение назад у него оставалось еще целых пятнадцать минут, чтобы попасть в класс.

Разве нет?

Он посмотрел на часы в холле, которые подтверждали начало занятий. Так не должно быть.

— Готье? — рявкнул Калем из дверей класса. Как он туда так быстро добрался? Конечно же он не стал бы телепортироваться на глазах у людей. — Снова хочешь остаться после уроков?

А вот это вряд ли. Он и так провел достаточно времени в этом здании. Последнее, чего он хотел — добавить к нему еще времени, особенно когда это было необязательно. Сбросив ощущение того, что он попал в обратный кадр Нинтендо, Ник пошел в кабинет, где рассаживались по местам Никогда, Брайнна и Калем.

Но все же что-то было не так. Он будто шел сквозь густую пену... Он нагнулся и прошептал Никоду.

— Я же на своем месте?

Она нахмурилась так же, как и он.

— Ты мой Ник?

Господи, как он на это надеялся. Кто еще мог одеваться в кошмарную гавайскую рубашку лососевого цвета? В прошлый раз в другом измерении и теле у него был гардеробчик получше. А еще он был ниже ростом, неуклюжим, врезающимся во все пареньком.

Он засомневался.

— А ты моя Коди? — спросил он ее.

— Да, — выдавила она ответ. — Почему спрашиваешь?

Ник потер шею.

— Нет знаю, неожиданно появилось какое-то странное ощущение.

— И оно называется наказанием, Мистер Готие, — Ричардсон вырвала страницу со временем и кабинетов вышеупомянутого, и положила на парту перед ним. — Увидимся после уроков.

Восхитительно.

Ник не был уверен, что взбесило его больше. Наказание или тролль, который даже имя его не может произнести нормально. Она всегда говорила «Го-ти-е», хотя прекрасно знала, что оно каджунское и произносится «Готье».

«Молчи».

Он поморщился от голоса Калеба у себя в голове. Обычно он не послушался бы. Но в кое-то веки он был так благодарен за то, что ничего необычного не случилось, что решил последовать разумному совету Калеба. Не нужно злить начальство. По крайней мере сегодня. Он просто хотел, чтобы остаток дня прошел нормально, без страшных приведений в холле и неизвестных голосов в голове.

Обычно.

Пожалуйста, Господи, сделай так, чтобы мой день в кои-то веки прошел нормально...

— Что? — рявкнула Ричардсон. — Нечего ответить, Мистер Готие? Язык кошка съела?

Ник очаровательно улыбнулся, хотя не был в настроении для этого.

— Нет, мэм. Хищник, которого чаще всего называют Разум.

Усмехнувшись, она поковыляла к столу, чтобы оскорбить кого-нибудь еще и испортить ему день.

Калеб раздраженно вздохнул. Славно, он достучался до Ника.

«А теперь мне тоже надо получить наказание. Ненавижу тебя, Готье».

Ник похлопал ресницами.

«А я от тебя тащусь, Калибчик».

Это вызвало стон Калеба.

— Что это было, Мистер Малфас? — спросила Ричардсон.

— Переживаю кишечное расстройство, связанное с геморроем, который, кажется растет у меня справа, — он послал многозначительный взгляд на Ника.

Класс рассмеялся, Ричардсон вскочила.

— Хватит! — она ударила рукой по столу. — За это, Мистер Малфас, можете присоединиться к Мистеру Готие после уроков.

Калеб раздражённо вздохнул.

«Дополнительное время с моим геморроем. Как раз то, о чем я мечтал на Рождество. Ух ты ж».

Ник заставил себя не реагировать на услышанное саркастическое высказывание. Если бы он не знал, что по правде за чувствами Калеба скрывается беспокойство за него, то враждебность его бы задела. Но пока он был заперт в чужом теле в другом измерении, то услышал из первых уст, что Калеб в действительности думал о нем.

Они были семьей.

Братьями по оружию.

Да, они часто пререкались. Но в итоге бы умерли друг за друга. Они оба это доказали. В этом у него не было сомнений.

Так что он простил язвительного демона и постарался подумать о том, какая у Калеба была тяжелая жизнь. Он потерял всех, кого любил. Он видел, как враги жестоко убили его жену, и многие века провел в рабстве у жестокого хозяина-демона, который от всей души ненавидел его. Который использовал каждую возможность, чтобы оскорбить и поиздеваться над ним. Да, отец Ника был той еще скотиной для всех вокруг. У Калеба были все причины ненавидеть Ника, но вместо этого он стал его лучшим другом.

«Эй, приятель», — передал Ник Калебу мысленно. — «Спасибо».

Калеб нахмурился.

— За что?

Ник улыбнулся, потому что Калеб проговорил это вслух.

«За то, что не даешь умереть. Борешься со мной, когда я в тебе нуждаюсь, и за то, что просыпаешься по утрам, хотя я знаю, что предпочитаешь спать до обеда».

Тот нахмурился еще сильнее.

«Ты такой странный».

Учитывая факт, что Ник был ненавистным сыном демона, единственным предназначением которого было положить конец свету, который был рожден для того, чтобы начать Апокалипсис или Завоевание, если уж быть конкретным, а еще встречался с привидением воительницы, которую убьет в будущем, «странный» — было даже принижением.

По этой причине, если бы существовал учебник по нормальности, Ник бы стоял первый в очереди за ним. Его жизнь была законом Мерфи[1] для законченных экстремалов.

Все, что должно пойти не так, шло не так. И как можно более худшим образом, в самое худшее время.

Да, это прекрасно описывало его обычный день. И самое грустное, что он уже к этому привык.

Когда прозвенел звонок, Калеб чихнул.

Затем чихнул еще раз, и еще.

Ник замер от звука, который никогда раньше не слышал. Никогда. А еще плюс к тому Калеб побледнел.

— Ты в порядке, приятель?

Калеб потер бровь, как бы говоря, что у Малфаса сегодня не лучший день.

— Как-то мне подурнело.

— Да и выглядишь ты плохо.

— Блин, Ник! Ты тормозишь! — отругала его Коди и обошла, чтобы проверить Калеба. Она положила руку ему на лоб. — Поздравляю, милый. У тебя жар.

Калеб покачал головой.

— Нет, невозможно. Я не болею, — он начал сильно кашлять.

Ник отступил с огромными глазами.

— Я, конечно, не доктор и не медсестра, но звучит, как будто ты болеешь. И болеешь сильно. Болеешь, так болеешь. Как позвоните-маме-мне-нужен-суп-и-аспирин.

Коди хлопала Калеба по спине.

— Ты в порядке, милый?

Кивнув, он прерывисто вдохнул. Затем снова закашлялся.

Ричардс подошла к ним с раздражающей ухмылкой на лице.

— Какие-то проблемы?

Ник обменялся с Коди обеспокоенными взглядами, затем ответил:

— Думаю, Калев заболел.

Усмехнувшись, Ричардсон скривила губы.

— А по мне он очень даже...

Тирану оборвал Калев, которого вырвало на ее ноги. Вскрикнув, она отпрыгнула, но он все равно попал на ее уродливые коричневые ортодонтические туфли.

Ник сморщил нос.

— Чувак, это гадко! — но в то же время так чудесно! Здорово, что Калев ко всему подходит серьезно. — Приятель, что ты ел на завтрак? Выглядит не очень. Это батончики из котят?

Позеленев, Ричардсон кляла их на чем свет стоит. Если бы они так выражались, директор бы их исключил.

— Отведите его в офис, немедленно!

— Да, мэ, — Ник сжал губы, чтобы не рассмеяться над гадким возмездием, перекинул руку Калева через плечо и повел его к главной части школы. Коди последовала за ними.

Как только они вышли из кабинета, Ник остановился, чтобы прошептать:

— Хочешь, чтобы я отвел тебя в туалет, и ты телепортировался домой?

Калев прохрипел:

— Я-я-я не могу телепортироваться.

Внутри Ника все похолодело.

— Что?

Глаза Калева затопил ужас.

— Мои силы исчезли, Ник. Я человек.

[1] — Закон Мёрфи (англ. Murphy's law) — шуточный философский принцип, который формулируется следующим образом: если есть вероятность того, что какая-нибудь неприятность может случиться, то она обязательно произойдет (англ. Anything that can go wrong will go wrong). Иностраный аналог русского «закона подлости», «закона бутерброда» и «генеральского эффекта».

Глава 2

Ник открыл рот, чтобы сказать Калебу, что это не смешно, но Калев метнулся в туалет и его снова стошнило в кабинке. К счастью, он не успел сделать это на Ника.

Или его ботинки.

Плюсик за это. Хотя, если честно, если бы Калев стошнило на его уродливую рубашку, Ник не стал бы слишком жаловаться.

Поморщившись от звуков расставания с гастрономическими изысками, исходивших от его друга, Ник ждал у раковин, пока Калев не закончит. Через несколько минут появился бледный и трясущийся Калев. Черт, для демона он чувствовал себя очень плохо.

Ник включил для него воду и стоял рядом, пока Калев умывался.

— Справишься?

Колени Калева подкосились до того, как он успел ответить.

Серьезно встревоженный Ник подхватил его.

— Калев? — Коди была права. Он весь пылал, жар шел даже от его одежды. — Ты меня

слышишь?

Он начал бормотать на демоническом. Что-то о полях и посевах? Слова были тихими и бессмысленными. Какое дело демону даева до засева полей?

— Калев! — рявкнул Ник. — Чувак! Оставайся со мной. Ну же. Не делай этого. Ты мне нужен в сознании.

Бесполезно. Калев покинул эту комнату.

Причина в призрачном всаднике? Кажется невозможным, но кто еще мог сделать такое? До этого с ним все было хорошо.

Ник, прикусив губу, размышлял, что делать и к кому обратиться за помощью.

Ясно одно. Никому в школе не следует знать об этом или слышать, как Калев говорит на этом языке. Могут возникнуть ненужные вопросы о нем, о том, откуда Калев его знает. И еще хуже, может всплыть, что Калев и Ник далеко не люди. Хотя большинство в их маленькой школе были людьми, но все еще оставалось достаточно сверхъестественных существ, которые могли создать проблемы маленькой группе Ника. Особенно если это дойдет до духовенства, который захочет изгнать их, как нечистую силу.

Или сделать что-то еще хуже...

Исключить.

И хотя здесь были несколько человек, которые знали о сверхъестественных в школе и защищали их, но никто не знал о небольшой кучке демонов, и они хотели так это и оставить.

Чем меньше людей знало о Нике и Калеве, тем лучше. Многие считали демонов злом и хотели залить их святой водой, чтобы они испарились в аду, так что ничего хорошего не выйдет, если о них узнают. Нику вовсе не нужно было внимание и негативное стереотипное мышление. Ему и так хватало периода полового созревания и отношений с девушками. Не хватало еще, чтобы сестра Катерина бегала за ними с четками и кадилом.

Демоны, как и люди, были разных кровей, и сами выбирали на какой стороне сражаться. Сейчас он и Калев укрепились на хорошей стороне, и оба так и планировали это оставить. Но из-за гадкой привычки людей нападать с вопросами, в это не поверят. Он был согласен с тем, что у демонов дурная репутация. Большинство заслужило ее, но все же Ник не хотел, чтобы его судили по предшественникам.

Он сам должен найти свой путь в мире. И он спасется или погибнет по собственному выбору, а не из-за поступков остальных.

Но сейчас проблема в другом. Нужно подумать, что делать с Калевом. Как лучше защитить друга и помочь ему.

Ник посмотрел, чтобы в туалете больше никого не было, и перенес их с Калевом в его дом, единственное безопасное место, где можно было оставить его лечиться, куда не доберутся ни его враги, ни враги Калеба.

— Завид!

Рядом с ним немедленно появился демон аамон Завид, живший с Калевом, и отшатнулся, как только увидел, что Калев очень слаб, и услышал его бормотание. У Завида, как и у Калеба были темные волосы, тело и привлекательность, которой, как казалось Нику, ему не хватало.

— Что ты с ним сделал, Малачай?

— Ничего. Он заболел.

Это не изменило настороженности Завида, лишь усилило его подозрительность.

— Мы не бодем.

Калев начал кашлять кровью, по звуку было похоже, что из самых почек, и пополз прочь. Он смог добраться лишь до лестницы, сел и прислонился к стене.

Ник поморщился от того, как ужасно выглядел его друг. Это был сильный, бронхиальный кашель, который был у Ника в детстве. Он не знал, что делать и сомневался, что ингалятор поможет.

— Такое чувство, что я должен предложить тебе куриного супчика.

Калев уставился на него, тяжело дыша.

— Как такое выносят?

— Обычно? Рыдая и умоляя мамочку понянчиться.

Завид нахмурился.

— Это не шутка? Он правда болен?

— Ага.

Завид переводил взгляд с Калеба на Ника.

— Не ранен? Болен?

— Болен, — повторил Ник.

Завид стоял подбоченившись, выражая полное недоверие, а Калев сидел на ступенях, положив голову на руки.

— Как такое возможно?

— Не знаю. У демонов бывают врачи или еще кто-то, к кому я могу отвести его? Что вы делаете, когда болеете?

— МЫ НЕ БОЛЕЕМ, — Завид выделил каждое слово. — Никогда. У нас бывают ранения, мы умираем. Но никогда не бодем.

Ник указал на Калеба.

— Очевидно, тебя проинформировали неверно.

Завид закатил глаза.

— Лив! — рявкнул он, что, учитывая, что он был гончей Хэл в другой ипостаси, говорило о многом. Ливия со своими темными волосами, одетая в летящую ночную рубашку, немедленно появилась рядом с Завидом. Помимо невероятной красоты, она еще была и генералом демонов, более кровожадным, чем парни. Поэтому Ник радовался, что она на их стороне.

Она терла глаза, зевая. Очевидно, она видела десятый сон, когда он позвал ее.

— Что? — спросила она раздраженно.

— Ты когда-нибудь слышала, чтобы демонов тошнило? — спросил Завид.

Она поджала губы.

— От людей? Все время. Так и живем.

Завид засмеялся.

— Нет. Из-за того, что они простудились.

— А... — она потерла голову, снова зевнув. — Не говори глупостей. У демонов иммунитет к бактериям.

— Итак, мы вернулись к тому, с чего начали. Такое ощущение, что я кручусь, как хомяк в колесе, — Ник отпрыгнул, когда Калев начал издавать булькающие звуки, как перед тем, как испортить туфли Ричардсон. — Наверное, стоит упомянуть, что у Кея нет его сил, поэтому вы, наверное, захотите переместить его поближе к ванной. Кто знает, вдруг он опять захочет поговорить с унитазом.

Завид переключил внимание на Ливию.

Та, раскрыв рот, переводила взгляд с Завида на Ника.

— Что? Если я женщина, то значит и нянька?

— Ну... у тебя для этого есть анатомические особенности, которых нет у нас, — произнес Завид фальшивым тоном.

Ник пожал плечами.

— И не смотри на меня. Как уже было замечено, у меня не хватает некоторых женских анатомических частей, чтобы быть нянькой. И я однажды загубил кактус и золотую рыбку Баббы, когда присматривал за ними. Без обид, но я не хочу убивать Малфаса или смывать его в унитазе. Плюс не знаю, как его поливать и кормить. Даже не припомню, чтобы он что-то ел рядом со мной. Никогда. Прошлый раз, когда ему было плохо, он сказал, что для восстановления нужна кровь, а я сдаю ее только для Красного Креста.

Калевб скривил губы, глядя на Ника, но никак не прокомментировал это.

— Пожалуйста, можете отвести меня в постель? Не думаю, что смогу сам подняться. И за это ты должен быть благодарен, Готье. Если бы я мог встать, то скорее всего придушил бы тебя. Или попил бы кровушки из твоей яремной вены.

Он неожиданно побледнел.

Завид подошел к Нику.

— Я отведу его в постель. Но правда, что происходит? Как Малфас может заболеть и лишиться сил?

— Не знаю. На нас охотятся какие-нибудь демоны?

— Куча, — ответили они в унисон.

Ник застонал.

— Отлично. Рад это слышать, — Калевб был прав. Не стоило ему говорить, что день будет хорошим. Все тут же полетело к чертям.

— Но, — прервал его мысленные стенания Завид, — о подобном я еще не слышал.

Он посмотрел на Ливию.

— А ты?

Она покачала головой.

— Не про таких сильных и старых демонов, как Малфас. Если у них есть способности украсть его силы, то тогда они вначале напали бы на Малачая.

— Да, но в кои-то веки на меня никто не нападал.

Калевб издал жуткий болезненный стон. Напуганный тем, что какой-то новый враг пытается убить или съесть его друга, Ник побежал по лестнице в спальню, где на черных простынях без сознания лежал Калевб.

Его сердце остановилось. Калевб казался мертвым. Его кожа, которая обычно была темно-оливкового цвета, казалась сине-серой.

«Пожалуйста, пожалуйста, не умирай».

Он не был готов попрощаться с другом.

Не так.

Ник медленно, осторожно приблизился к кровати. Невозможно было сказать, что происходит. Напуганный, он протянул руку и проверил, дышит ли Калевб. Дыхание было слабым, но все же было.

Ника затопило облегчение, он опустился на колени и прошептал благодарную молитву.

— Держись, приятель. Я выясню, что происходит и поставлю тебя на ноги, обещаю.

Ему нужно вылечить его, хотя пока неизвестно как. Как-то привести Калеба в порядок.

Это могло вызвать заклинание, проклятие, волос бешеной собаки или еще что-то странное. Если так и было, то все можно переделать.

Он встал и повернулся к Ливии и Завиду, стоявшим в дверях спальни.

— Приглядите за ним, не дайте еще чему-нибудь случиться.

Завид схватил Ника за руку.

— Ты куда?

— Найти лекарство.

— А если не сможешь? — спросила Ливия.

Ник посмотрел на Калеба и снова увидел будущее, в котором потерял всех, кого любил. Он увидел, как стоит в одиночестве, в окружении пламени и разрухи. Он отказывался от такого будущего.

Его гены и семья никогда не определяют его судьбу. Лишь он может ее контролировать, а не боги и какое-то тупое пророчество.

Он посмотрел Ливии в глаза и ответил со всем своим каджунским упрямством.

— Я спасу его, не важно, как. Калек столько раз сражался за меня, теперь пора вернуть ему долг.

Завид уважительно кивнул.

— Буду охранять, не жалея себя.

— Спасибо, вернусь как можно скорее.

Ник уверенно направился в школу. Он прошел мимо туалета и увидел, что Коди все еще ждет его в коридоре.

Она посмотрела на Ника, на дверь, затем нахмурилась.

— Ты оставил его там?

— Перенес домой.

Она облегченно выдохнула.

— Как он?

— Не очень. Он вроде как в коме.

Она ахнула и побледнела.

— Что? Как такое возможно?

Ник пожал плечами.

— Не знаю. Что нам делать, Коди? Я понятия не имею, с чего начать.

— Я тоже. Никогда о таком не слышала. Что говорят Завид и Лив?

— Демоны не болеют.

— Они правы.

Ник посмотрел на дверь, через которую исчез всадник.

— Ты ничего не заметила утром?

— Ты о чем?

— Перед началом уроков? Когда ты пыталась привлечь мое внимание, я увидел всадника на черном чешуйчатом коне, пронесшегося по коридору. Он проехал прямо сквозь меня и вылетел через дверь, которая открылась без видимой на то причины.

Она приподняла бровь.

— Ирре? Ты видел Ирре? В коридоре?

Он пожал плечами.

— Думаю, да. А кто такой Ирре?

— В белой одежде?

— Ага.

Она медленно кивнула.

— Но Ирре не мужчина. Это женщина.

— Не знал. Не было понятно по одежде или телу. Все, что я видел — коня, одежду и чешую. Думаешь, она имеет к этому отношение?

Коди молчала целую минуту, прежде чем ответить:

— Вы с Калобом заперли врата, да? Вы все опечатали?

— Калоб так сказал.

— Тогда Ирре не может быть на свободе. Усумгаллу не могут выбираться и разъезжать без Малачая. Ты их голова, и им нужна твоя кровь для восстания. Думаю, это просто видение. Наверное, поэтому ты не понял, что она женщина и не увидел ее лица. Может, она пыталась достучаться до тебя, чтобы ты ее освободил?

Похоже на правду. В прошлом Ник всегда видел всадников в их истинном обличье. Бейн, Лагерр и он были на короткой ноге с Гримом. Они приходили к нему во плоти, а не как Призрачный всадник без головы.

Но что-то напало на Калоба. Что-то, что желало навредить им всем.

— Не думаешь, что это болезнь, насланная арелимами, чтобы ослабить его и добраться до меня? — задачей древнего сообщества защитников человечества было не дать пробудиться демону Малачая. К сожалению, некоторые из них решили, что лучше всего убить Ника, прежде чем он войдет в силу. Именно они наняли Никоду после ее смерти в битве будущего и послали ее назад в прошлое, чтобы убить его до того, как он вырастет.

Теперь он унаследовал силы отца, и они хотели убить его, прежде чем он превзойдет их. Из-за того, что Коди твердо отказалась привести в исполнение приказ убить его, то тоже была не в лучших отношениях с ними.

Секта повстанцев желала ее смерти так же, как и его.

Коди покачала головой.

— Если бы они могли сделать такое с Калобом, то в первую очередь взяли бы за тебя.

Все постоянно возвращалось к этому неприятному факту. У арелимов был разгар кровавой гражданской войны, и поэтому Ник был целью номер один для повстанцев. Они бы все отдали, чтобы добраться до него.

Коди права. Если бы они могли сломить такого, как Калоб, то не стали бы тратить время на защитника Ника.

Они бы обрушили всю силу на Ника и принесли его голову в качестве трофея.

— Не могу представить более странный день, — как только эти слова слетели с его губ, в школе погас свет и здание сотрясло, раздался гром и звук града.

Сильного.

— Ник... ты слишком часто это повторяешь.

— Ага. Если...

Коди прикрыла его рот ладошкой, прежде чем он произнес еще слово.

— Я не шучу. Ты один из немногих существ, способных призвать Армагеддон, и похоже, ты это только что сделал. Поздравляю. Лучше помолчи, пока мы не раздобудем больше информации.

Хороший совет.

В кое-то веки он ему последует.

Вначале Ник решил, что к ним добралась буря, которую он заметил раньше. Но в ней

было что-то зловещее. Воздух был каким-то странно тяжелым. Каждая частичка его чувствовала это. И не только он. Казалось, вся школа застыла на краю пропасти.

Буря набирала обороты, град начал стучать по старым кирпичам с силой, способной разбить окна. Учителя быстро вывели всех учеников в холл.

Ник посмотрел на Коди.

— Ты знаешь, я пережил кучу ураганов и торнадо, но никогда не слышал о подобном. А ты?

— Похоже на Апокалипсис.

И уж она-та знала, так как пережила один или два.

Она твердо посмотрела на него.

— Когда вы с Калемом закрыли адские врата и освободили силы твоего отца, заверились, что закрыли их как надо? Да? — снова спросила она.

Он посмотрел на нее, как на дурочку.

— Ты серьезно спрашиваешь, произнес ли я все нужные слова? Да, я их сказал. Да. Почти в нужном порядке, по всем правилам.

Она закатила глаза, когда он начал цитировать свой любимый фильм «Армия тьмы», который он заставил пересмотреть ее столько раз, что она стонала от малейшего его упоминания.

— Ага, там точно было слов на Н... нектар... никель.

— Никода.

— Не смешно... Ник.

— Ага, знаю. Я отстойный парень.

Коди фыркнула.

— Нет, это не так. Я бы назвала это иначе... — она махнула на него рукой.

— Спасибо.

Она ярко улыбнулась и подмигнула.

— Всегда пожалуйста, малыш.

Неожиданно Стоун, стоявший у противоположной стены, низко завыл. И не он один: Мейсон, Алекс, Джастин, все оборотни. Они выли и тявкали.

Плохой знак. Особенно учитывая все, что уже произошло. Как-будто они реагировали на что-то, различимое их животными инстинктами, как когда животные спасались бегством или паниковали перед природными катаклизмами.

Дела все лучше и лучше.

Учителя и персонал — Оруженосцы, знавшие о сверхъестественных учениках, начали нервничать, что оборотни выдадут себя «олухам» или нормальным ученикам, которые знать не знали, что рядом с ними в Св. Ричардсе существовал сверхъестественный мир. Оруженосцы должны были защищать и скрывать существование Вер-Охотников.

— Внимание, студенты! — крикнул Мистер Хэд в мегафон, войдя в холл. — Учителя разделят вас на группы и отведут в кафетерий или спортзал, пока мы не наладим электричество. Пожалуйста быстро и бесшумно перейдите в обозначенные места.

Мило. Хорошая идея разделить учеников, чтобы «олухи» ничего не заметили. Если что-то заставит оборотней перекинуться в животные формы, это может напугать или подвергнуть опасности непосвященных. Или выдать существование Вер-Охотников.

К сожалению, школьные работники не знали, что Коди была приведением с телом, поэтому ее отправили в группу «олухов». Ника, работавшего по совместительству

Оруженосцем бессмертного воина, отправили в спортзал с оборотнями и другими людьми, знавшими о них. Тяжело было хранить секреты. Но люди даже и не знали, что в этом мире существовало гораздо больше, чем они подозревали.

И никому нельзя было знать, кем был Ник, особенно когда за его головой охотились. Даже Оруженосец может попытаться напасть на него. Так что доверять он мог немногим.

Когда Ник вошел в спортзал, за ним туда скользнула Брайнна, чья семья поколениями была среди Оруженосцев.

— Страшно, да?

— Очень тревожно, — Ник посмотрел на Стоуна, который, казалось, сражался с человеческой формой. Он обливался потом, трясся и побледнел. Хотя они не ладили, но Ник почти почувствовал жалость к оборотню. Хотя, нет. Стоун для этого был слишком гадким хулиганом. Ему нравилось использовать сверхъестественные способности и физическую силу, чтобы давить на других.

Как будто прочитав его мысли, Стоун отпихнул свою девушку, Кейси, когда она подошла проверить его, и зло посмотрел на нее.

Кейси поморщилась, пытаясь вырвать руку из его стальной хватки.

— Ай! Надеюсь ты умрешь от бешенства, Стоун!

Стоун зашипел на нее, затем посмотрел на Ника.

— На что уставился, бродяжка?

Вообще не жалко.

Ник задумался кое о чем.

— Эй, Брайн? Если Вер-Охотники перекидываются, сколько человеческого остается в них?

Она посмотрел на Стоуна.

— Теоретический, особенно учитывая случай Стоуна, те, у кого человеческие тела, будут осознавать свои поступки и контролировать себя, — она посмотрела на Алекса Пельтье. — А Катагария...

У них сердца животных, они отличаются от своих двоюродных братьев Аркадиан.

— Дай, угадаю. Мы будем в их меню?

— Как Брайн и Скотт, — сказала она, воспользовавшись именем футболиста, который укусил своего лучшего друга, поиграв в заколдованную игру Мадуга про охоту на зомби. — Но здесь должно быть достаточно Оруженосцев, чтобы удержать их до того, как это случится.

— Не очень-то меня убеждает «должно быть».

Она засмеялась и повернулась к ЛаШонде, обсудить домашнюю работу.

Демон внутри Ника почувствовал что-то. Пока непонятно что. Но после прошлых стычек он научился обращать внимание на обострившиеся чувства, оно того стоило.

Особенно, когда за окном такая неестественная погода, что даже он это чувствовал. Это как та, что была, когда демона аамон Завида послали за ним. И не для того, чтобы поиграть в шашки или посмотреть кино.

И снова он почувствовал, что время странно замедлилось, а затем снова ускорило, как в компьютерной игре.

Какого черта?

Перед глазами потемнело, и значит, он больше не смотрел на мир, как человек.

Сработал дар провидения.

Обычное дело.

Хотя, нет. Его пугал вид странных существ, которые проходили сквозь его одноклассников и двигались вокруг них, выискивая кого-то особенного. Они были огромные, похожие на птиц, и напоминали ему докторов, лечивших чуму, со стальными серпами, в черных широкополых шляпах, покрытых кровью.

Невидимые для учеников и учителей, они одновременно повернулись в его направлении и сразу же устремились к нему.

Глава 3

Ник стоял на открытом месте, приготовившись сражаться с двумя сатанинскими лекарями чумы, которые подходили к нему, принимаясь. Остальные четверо незаметно держались сзади, парили вокруг одноклассников, как уродливые танцоры кабуки. За несколько прошедших лет он выучил, что имея дело с хищниками, надо быть готовым ко всему.

Но не стоит ничего предпринимать, пока не вынудят.

Хотя, если честно, было тяжело не отшвырнуть их от себя. Особенно, когда они едва не зарылись своими уродливыми окровавленными клювами ему в подмышки. Чего уж говорить о зоне «посторонним вход воспрещен», на которую они нацелились.

— Ник, не двигайся.

Рядом он увидел бестелесную Коди.

«Что это?» — передал он ей мысленно.

«Зайттигеры».

«Милая, обожаю, когда ты говоришь так, будто я должен это знать».

Один из них грубо тыкнул его в плечо.

Он едва сдержался, чтобы не поучить эту образину хорошим манерам.

«Расслабься, Ник. Не думаю, что они пришли за тобой».

«Не думаешь или не знаешь?»

Прежде чем Коди успела ответить, Мисс Пенталл встала с низкой скамьи, чтобы посмотреть на него.

— Ник, у тебя проблемы?

Он скользнул взглядом по огромному серпу, все еще покрытому кровью прошлой жертвы, которую обезглавили демоны рядом с ним. Кровь, покрывающая их повязки и одежду, капала на пол.

«Да, у меня две большие, уродливые проблемы».

К сожалению, их учительница не могла видеть их и серпы. Наверное, к лучшему, что она не замечала крови. Ник старался стоять как можно спокойнее. Может, они как быки нападали на все, что движется.

— Нет, мэм. Просто болезнь роста, стараюсь немного размяться.

— Сядь, Готье, или будешь бегать круги во время тренировки, пока не свалишься!

Ник поморщился от рева тренера Хеффрона.

— Да, сэр.

Один из демонов указал на кошмарную оранжевую рубашку Ника и издал нечто вроде смешка, затем отступил от него. Отлично, даже ожившие герои фильмов ужасов издевались над его гардеробом.

«Спасибо, мам. Мой будущий психолог это оценит».

Ник сел, разрываясь между обидой и облегчением.

Астральная проекция Коди приблизилась к нему.

«Ты в порядке?»

Он слегка кивнул.

«Ничего, просто немного обидно. Так, что такое зайттигеры? И имеют ли они какое-то отношение к потоку рвоты, извергаемому Калебом?»

«Сомневаюсь, что они причастны к болезни Калеба. Я боюсь, что они пришли за тобой, но пока об этом не знают».

«Что это значит?»

«Ник, они стоят на страже времени. Охраняют его, следят за ним, защищают и наказывают тех, кто им злоупотребляет».

После ее слов возникло неприятное ощущение.

«Именно поэтому я давно не получал вестей от Амброуза?»

Амброуз был его будущим я, который обманул и убил демона, чтобы украсть достаточно силы, способной помочь ему вернуться назад во времени, попытаться спасти жизнь матери, изменить его судьбу и не дать ему уничтожить мир.

Но вышло так, что Амброуз только сделал все хуже.

Они должны были вместе распутать дурацкую неразбериху, которая была жизнью и будущим Ника. Но Амброуз давно не появлялся. Последний раз, когда Ник видел его, тот был убежден, что на волоске от того, чтобы стать демоном Малачаем, который уничтожит мир и положит всему конец.

Даже себе.

Дни без вестей от Амброуза, заставляли его задуматься, что же случилось с его будущим я.

Поддался ли он своей ужасной судьбе.

Ник посмотрел в окна под потолком, мелькали молнии, гром гремел как пушечные выстрелы. Сегодня это казалось дурным предзнаменованием для всех них.

И ему не доставляла удовольствие мысль о том, что однажды он станет причиной Армагеддона и выпустит армию взбешенных демонов в невинный мир. Армию, которая заберет жизни всех, кого любила Никода...

Да и ее самой.

То, что он мог стать этим монстром, пугало и отрезвляло. Когда он смотрел в зеркало, то видел вовсе не это, и в будущем ему хотелось поместить в резюме нечто другое.

Неожиданно Мейсон завыл и превратился из человека в волка. Ученики рядом с Мейсоном закричали и попадали со скамеек на пол.

Стоун и Алекс встали между ними и волком, а учителя пытались решить, как справиться с этим.

Лично Ник проголосовал бы за то, чтобы убежать с воплями, как черлидеры в фильмах ужасов. Но они явно были выше этого.

— Оруженосцы! — Мисс Пенталл хлопнула в ладоши, привлекая внимание. — Мне нужно, чтобы вы разошлись по домам. Не думайте о школе до завтра. Брайнна? Можешь сходить в кафетерий и сказать Мистеру Хэду и сестре Катерине распустить студентов и вызвать автобусы? Расскажи, что происходит, а мы поддержим Веров здесь, пока за ними не приедут родители. Учитывая риск, мы не станем сажать их в автобусы. С ними будет все хорошо и здесь, пока не прибудут родители.

Прикусив губу, она посмотрела на Мейсона, который рычал и пытался укусить Стоуна, и выдохнула:

— Надеюсь.

Ник не стал терять времени и поспешил в кафетерий, чтобы забрать материальную форму Коди. Она уже вернулась в свое тело и ждала его около двери, пока остальная часть их класса пробегала мимо них, желая покинуть здание, пока директор не передумал.

Или что еще хуже, дал им домашнее задание.

Он поморщился, услышав, как шторм снаружи набирает обороты.

— Не думаю, что это хорошая идея, выходить отсюда.

— Ага, — согласилась Коди. — Но еще я не уверена, что разумно оставаться здесь, когда Мейсон сменил форму и другие не далеки от этого.

Как только она закончила предложение, в холл вылетела кучка волков.

Они были в кафетерии, вне поля зрения, так что волки пробежали мимо них, к ученикам у шкафчиков.

Вот дерьмо.

Волки напали без промедления. Люди кричали и изо всех сил бежали в поисках укрытия. Кто-то даже попытался взобраться на шкафчики.

Ник вздрогнул, зная, что не сможет остаться в стороне. Прежде чем он успел пошевелиться, Коди схватила брошенную клюшку для лакросса[1] и побежала защищать людей.

Когда Ник догнал ее, ей едва удавалось сдерживать волков. Стоун, Ник понял это по его размеру, цвету и злобному нраву, с которым он раньше нападал на него, держал клюшку в массивных челюстях и пытался выбросить ее, чтобы укусить Коди. Так хотелось ударить его током, и посмотреть, как он превращается в голого человека посреди холла. Ника сдерживали лишь кричащие, убегающие олухи. Пусть он и хотел отомстить Стоуну за прошлые унижения, но все же не стоило отправлять невинных людей к терапевту.

Или ослепнуть от вида гадкого обнаженного тела Стоуна.

Вместо этого он свистнул волкам и побежал, чтобы те последовали за ним в спортзал. Они времени не теряли, как будто он был последней оставшейся вкусной косточкой. Бежать приходилось не жалея сил. Когда Ник проскользнул в спортзал и Мейсон вцепился ему в руку, он пожалел о принятом решении, ведь комната была наполнена свидетелями, при которых он не может применить демоническую силу, чтобы скинуть его.

Черт бы тебя побрал, здравомыслие! Да чтоб тебя!

Мейсон заставил его упасть. Ник пытался вырвать руку, а остальная кучка волков с яростью накинулась на него.

Да, в теории это выглядело лучше. Реальность же была гораздо болезненнее, чем он мог себе представить, и ему по-настоящему не хватало Калеба. Был бы он рядом, и у врагов по крайней мере была бы другая цель, которую можно преследовать и жевать.

— Отошли от него! — Коди швырнула сеть в Мейсона, которую, видимо создала незаметно для остальных. Она оттащила его от Ника.

Стоун попытался вцепиться ей в горло. Реагируя чисто инстинктивно, забыв о правиле не использовать магию у всех на виду, Ник выставил руку и выстрелил в него. Заряд отшвырнул Стоуна на середину зала, где он начал меняться из волка в человека и обратно.

Ник запаниковал, что выдал себя, но Коди отвлекла зрителей криком. Когда учителя и взрослые Веры разобрались со стадом волков, он заметил, что вернулись зайтиттеры и стали

наблюдать внимательнее.

Слишком внимательно для спокойствия Ника.

Не говоря ни слова, Коди вытащила его в холл, подальше от линии огня.

Ник убедился, что никто их не подслушивает.

— А может быть такое, что один из Вер-Охотников, неправильно переместился во времени, и именно поэтому сюда пришли уродливые гигантские лекари чумы?

— К несчастью, юные Веры все время делают это. Нет, здесь происходит нечто более тяжелое.

— Как...

— Не знаю, но что-то плохое. Я слышала, что зайттигеры появлялись лишь пару раз перед катастрофами.

И учитывая то, что она была воительницей, которую убили во время Армегеддона и отправили в прошлое предотвратить его, это говорило о многом.

Они опять натворили дел.

Ник, вздохнув, посмотрел на потолок.

— Клянусь, если я переживу это, то никогда, никогда больше в жизни не скажу больше, что день идет хорошо. Я выучил урок, с сегодняшнего дня, все мои дни отстой.

Когда в школу для эвакуации прибыли взрослые Оруженосцы, Ник увидел среди них Баббу Бердетта. Бабба был бывшим футбольным полузащитником в колледже, шесть футов четыре дюйма роста, превратившимся в борца с зомби, который выделялся даже среди толпы. Он был странным сочетанием качка из фильма ужасов и деревенщины, в комплекте с ухоженной бородой и темными волосами.

Но всем был известен один факт о Баббе Бердетте — он всей душой ненавидел утро. То, что он проснулся и здесь в столь ранний час, как ничто иное подтверждало, что близится конец света.

Ник с громко стучащим сердцем, заметил изумленное выражение лица Коди.

— Какая адская обезьяна тебя укусила?

Бабба фыркнул.

— После прошлых дней и того, что возник странный шторм, сыпались градины размером с бейсбольный мяч, мы с Марком решили убедиться, что вы с мамой в безопасности. Я оставил его с Чирайз и пообещал, что приведу тебя домой, — он нахмурился, заметив кровь на руке Ника в том месте, где Мейсон откусил от него кусок. — Что случилось? Отвезти тебя в больницу?

Смесь страха и беспокойства в глазах Баббы выбила Ника из колен. Когда его засосало в параллельную реальность, Бабба там был его отцом. Часть его не хотела признавать, как ему нравилось это. Так как настоящий отец Ника провел большую часть в тюрьме или пытался убить его, то Бабба был единственным отцом, которого он знал.

По крайней мере до того, как два года назад бессмертный Темный Охотник Кириан спас ему жизнь и дал работу. Теперь Кириан был ему, как второй отец, пусть и иногда раздражающий, но все же добрый.

Для них двоих Ник сделает что угодно.

— Все нормально, небольшая ранка.

Бабба сузил глаза, затем посмотрел на Коди.

— Он мне врет, Мисс Коди?

Она игриво улыбнулась.

— Сомневаюсь. Ты же знаешь Ника. Если бы все было плохо, он бы хныкал, как младенец и умолял привести мамочку с леденцом и наклейками.

Бабба рассмеялся и взял рюкзак Ника.

— Пошли, мелкий, отведу тебя к маме. Она жутко беспокоится, — он огляделся. — А где остальная банда? Не поверю, что Калерб оставил тебя одного. Он столько времени отирается рядом с тобой, что я жду приглашения на свадьбу.

Ник фыркнул.

— Отвели домой, чтобы тошнило там.

— Миленко.

— Не очень. Не считая того момента, когда его стошнило на туфли моей самой нелюбимой учительницы. Это было расчудесно.

Бабба покачал головой.

— Ты на машине?

— Неа. После того, как меня избили, мама на этом настаивает, но зачем? — Ник заставил себя не закатить глаза, потому что он жил в полторах кварталах от школы. — Дольше искать место, чтобы припарковаться, чем дойти пешком.

В этот раз Бабба заржал.

— Быть единственным сыночком помешанной на опеке южной матери. Понимаю, как никто другой. Они те еще создания.

— Создания... Это ты хорошо сказал. Особенно учитывая их длинные мощные щупальца, которые обвиваются и не дают дышать.

— Аминь, братец. Аминь.

Коди широко улыбнулась.

— Твоя мама все еще в городе? — спросила она Баббу.

— Неа, вчера уехала. Слава богу. Та еще обстановочка для путешествия. Я бы чокнулся, если бы она поехала в аэропорт сегодня.

— Вы двое, — сказала Коди, смеясь. — Не пойму, чего вы жалуетесь на матерей, когда сами еще больше беспокоитесь об их безопасности, чем они. Ник, твоя мама моложе Баббы, а ты ее под локоток держишь, когда она спускается или поднимается по лестнице.

— Эй, да ты не понимаешь. Я много раз видел, как она летела на землю. Она может упасть, поранить руку. И тогда мне самому придется мыть посуду. Ох уж эти люди! Да я не знаю, как пользоваться раковиной. Могу случайно упасть и утонуть.

Коди рассмеялась еще сильнее, качая головой, так как знала, что это неправда. Чаще всего, когда мама работала, Ник сам мыл посуду.

— Как я и сказала. Нечего вам жаловаться на лишнюю заботливость.

Ник остановился у двери, глядя на шторм снаружи. Небо было черным. Дождь и град так сильно стучали по зданию, что казалось, что палили из пушек. Он нахмурился, заметив красные брызги дождя.

— Это...

— Кровь, — закончила за него Коди. — Кровавый дождь.

Ник встретился с испуганным взглядом Баббы.

— Зомби?

Бабба отпихнул его, поморщившись.

— Не умничай, мальчик. Ты не настолько милый.

По спине Ника побежали мурашки, когда он повернулся и увидел рядом с собой

зайттигера, внимательно наблюдавшего за ним. Они остановили Апокалипсис. Вместе с Калемом запечатали портал, прежде чем усумгаллу сумели собраться и призвать свои армии для нападения.

Но почему все продолжалось?

Чушь какая-то. Что еще может вызывать это?

Он посмотрел на Коди.

«Уверена, что это не из-за гражданской войны арелимов?»

«Нет, Ник. У меня предчувствие, что происходит нечто похуже».

Желудок сжался, страх захлестнул его.

— Что может быть хуже? — спросил Ник, не подумав.

Как только эти слова сорвались с его губ, появились москиты размером с летучих мышей и загнали родителей, учеников и Оруженосцев назад в здание. Они кричали и бежали от кровососов в поисках убежища. Никогда гневно посмотрела на него.

— Что я тебе об этом говорила, Ник?

Не быть тупицей. Но это, как попросить его не дышать. Чаще всего у него это выходило естественно.

— Ну хоть не саран...

Она закрыла ему рот, прежде чем он успел договорить слово «саранча», что, наверное, к лучшему, учитывая все происходящее. Но...

Ник споткнулся, ощущая себя странно. В одну секунду все стало необычным.

В следующую, наступила тьма. Он старался вдохнуть, борясь с ледяным спокойствием, овладевшим им. Оно парализовало каждую его частичку, он не мог ни слышать, ни видеть.

Его глаза закатились, колени подогнулись.

— Ник! — крикнула Коди, когда он полетел на землю. Его кожа была неестественно бледной. Напуганная и трясущаяся, она встретила с пораженным взглядом Баббы, когда Ник упал на колени рядом с ними.

Бабба тоже начал паниковать.

— Ник? Ну, же. Поговори со мной! Скажи хоть что-нибудь, глупый мальчишка!

Но слишком поздно. Глаза Коди наполнили слезы горя. Она не могла нащупать у него пульс ни на шее, ни на запястье. Он не шевелился.

Не дышал. Нет, невозможно.

Но все же это так.

Ник умер.

[1] — Лакр́осс (Lacrosse) — контактная спортивная игра между двумя командами, с использованием небольшого резинового мяча (62.8-64.77 мм, 140–146 грамм) и клюшки с длинной рукояткой, называющейся стик (lacrosse stick или crosse).

Глава 4

Ник закашлялся и захрипел, когда кто-то сделал ему искусственное дыхание.

— Надеюсь, что это ты, Коди. Если это Бабба, мне нужна цистерна ополаскивателя для рта.

Бабба показал Нику Коди.

— Для галочки, это была она. Повторюсь, мальчик, ты не настолько милый. Хотя, думаю, я сделал бы это, если бы пришлось. Но лишь потому, что твоя мама заколола бы меня, если бы я позволил чему-нибудь случиться с тобой, мелочь ты пузатая.

Засмеявшись, Коди убрала волосы с лица Ника.

— Ты в порядке?

— Ага, что случилось?

Она взволнованно приподняла брови, положив руку на его щеку.

— Ты прекратил дышать и стал такого синего цвета, который я хочу видеть только в твоих глазах, а не на коже и губах.

Радуюсь, что не забыл побриться этим утром, Ник перекатился на спину и хмуро посмотрел на друзей, когда понял, какая вокруг них собралась толпа. Отлично. Зрители его унижения, как раз то, чего не хватало...

Видимо, ему не было достаточно проблем с половым созреванием.

«Убейте меня».

Бабба удержал его, когда тот попытался встать.

— Я позвонил в скорую, никуда не пойдешь, пока тебя не проверят, особенно учитывая состояние твоего сердца. Моя и твоя мамы убьют меня.

— Он прав, — сказал Мистер Хэд, протискиваясь сквозь толпу любопытных. — Не двигайся, Ник. Лежи, пока они не приедут. Нам не нужны судебные разбирательства.

Вдвойне чудесно. Еще счета из больницы. Так он будет должен страховой компании до конца своей жизни.

Сжав зубы, он встретился с взволнованным взглядом Коди. Они оба знали, что у него не было проблем с сердцем. Его детские болезни были вызваны тем, что его тело принимало демоническое ДНК. Он был уродом, который не должен был выжить после биологических подарков отца.

— Ребята, со мной все хорошо, — он встретился взглядом с Баббой. — Ну же, Тройная Угроза, отпусти Ники.

— Без вариантов. Не хочу встречаться с твоей мамой, пока тебя не осмотрит врач. Меня как-то устраивает местонахождение частей моего тела.

Ник застонал, пожалев о том, что разрешил Баббе пригласить маму на свидание. Они сходили на него лишь один раз, но Бабба вцепился в роль охранника Ника.

— Тогда, пожалуйста, не звони ей. Иди, отвези ее ко мне в больницу. Мама будет слишком расстроена, чтобы вести машину, и я не хочу, чтобы она переживала это одна. Она итак плохо водит.

— С ней Марк. Я заставлю его отвезти ее, а сам поеду за скорой.

От этого предложения Ник ахнул.

— Ты совсем дурной? Ты видел, как он водит? Да он еще хуже ее. Я не знаю, какой чокнутый дал ему права, но блин, клянусь, он нашел их в коробке с хлопьями! А водить учился у братьев Марио.

Бабба фыркнул и достал телефон, чтобы позвонить Марку и рассказать, что случилось.

Прежде чем Ник продолжил протестовать, прибыла скорая. Коди отошла, чтобы они могли проверить его состояние. Те сообщили, что кроме температуры с ним все хорошо. Но из-за проблем с сердцем, они настаивали на тестировании.

Это раздражало.

А еще пугало, потому что у него всегда могли обнаружить нечто «ненормальное». Что-то, из-за чего его могли запереть в лаборатории для тестирования, потому что он был таким же необычным, как Люди-Икс.

И конечно не помогало то, что у него появился новый закадычный дружок — один из

зайттигеров решил прокатиться с ними, когда двери скорой закрылись.

Ну почему это должно быть его новым чокнутым преследователем? Почему бы не супермодель, помешанная на неуклюжих подростках с ужасным гардеробом и тяжелыми отношениями с матерью?

Да что ему надо вообще? И почему другие его не видят?

Он уставился на адскую обезьяну.

Адская обезьяна зайттигера покрутил серп в руке и уставился в ответ.

Раздражает.

Пока фельдшер следила за его жизненными показателями, Ник продолжал смотреть за молчаливым предвестником. Коди осторожно проскользнула мимо него и села в углу подальше.

Ник многозначительно посмотрел на зайттигера.

«Почему он все еще с нами?»

Коди пожала плечами.

«Я же не могу спросить, почему у нас компания. Если я так сделаю, нас обоих могут отвезти в психушку».

Ему даже хотелось попробовать это. Хотя что-нибудь, чтобы добраться до сути.

— Погодка повлияла, а? — спросила санитарша, когда машина тронулась.

— Ага, — Ник наблюдал, как женщина снова проверяла его давление. — Все еще обычный подросток, да? Я не мутировал в Мстителя?

Она рассмеялась.

— Пока нет, Тони Старк[1]. А пытаешься?

— Иногда. Неплохо было бы побыть в шкуре плейбоя-биллионера.

Она покачала головой.

— Ну, может тебе еще выпадет шанс. Учитывая размер комаров, с которыми нам пришлось сражаться, чтобы попасть в школу, не удивлюсь, что в каком-нибудь ближайшем научном центре произошла утечка радиации.

— Наверное, это из-за самогона с болот маминого дядюшки. Она всегда говорит, что эта штука мертвого поднимет. И растворит все что угодно, включая машины и почки. Не удивлюсь, если от него мутировала парочка комаров.

Фельдшер рассмеялась так громко, что закашлялась.

— Он всегда такой? — спросила она Коди.

— Да.

— Девочка, тебе крупно повезло, да?

— Вы и представить не можете.

А зайттигер продолжал пялиться на них, словно должно было произойти нечто нечестивое.

Это пугало и раздражало. Хотя и не так, как шторм, продолжавший биться о скорую, пока ей не пришлось притормозить, чтобы пробираться по улицам, на которых началось наводнение. Даже фельдшер начала потеть.

А еще на их нервы давили комары, которые собирались снаружи машины, пока эти адские чудовища не покрыли окна.

Фельдшер громко сглотнула.

— Это как в фильмах ужасов, да?

— Ага, — выдохнул Ник. — А я не играл с уиджа[2]... в этот раз.

Коди фыркнула.

— Может, это один из тех штормов, который случается раз в сто лет и заставляет всех жучков-паучков повылезать из нор. Ну знаете, из тех, о которых рассказывают внукам?

Лицо фельдшера побледнело, когда еще больше комаров ударилось о машину.

— Наверное, о таком я еще не слышала, — как только она договорила, что-то ударилось о скорую и та накренилась.

Ник схватил Коди и наложил щит на нее и фельдшера, а скорая перевернулась на бок и ее потащило по улице. Мимо них летели разные предметы, ударяясь о его тело и отскакивая от них. Фельдшер кричала, Коди вцепилась в него, а он воспользовался своей силой, чтобы держать женщину в безопасном коконе, пока машина не остановится, и все не успокоится.

Он не двигался целую минуту, пока дверь не вырвало с неестественной силой. Фельдшер завопила, а Коди встала, чтобы разобраться с новой угрозой.

Завывал ветер. В скорую, как гигантские когти, ворвался черный дым, замораживая все, до чего прикасался. Фельдшер взвизгнула и поползла от него. Она изо всех сил старалась спрятаться.

Иней покрывал скорую, делая все хрупким и белым, но горячим, если прикоснуться. Поднявшись вверх, дым принял форму тела с крыльями, как черный туманный ангел. Его лицо скрывал колпак.

— Страж Грани? — спросил Ник Коди, предположив, что это одно из яростных созданий, защищавших границы между миром людей и сверхъестественных существ.

Она покачала головой.

— Он демон, и явно пришел за тобой. Возможно охотник за головами, но не Страж.

Зайттигер зашипел и отскочил от преследователя Ника.

Да, плохой знак...

Ник воспользовался способностями, чтобы оглушить фельдшера и не дать понять, что происходит и не позволить четко разглядеть это. Им не надо было, чтобы олух увидел, что происходит и сошел с ума. Люди не могут вынести то, что выбивается из обычного порядка вещей.

Он медленно отодвинулся от Коди.

— Почему зайттигер боится моего нового друга?

— Не думаю, что это так.

Возможно, она права. Похоже, зайттигер ждал, когда Ник умрет.

Жаль разочаровывать. Сегодня он не собирался умирать, не от этой уродливой бестии. И не из-за каких-то дурацких денег.

Встав, он откинул демона волной и ударил того в челюсть. Мда, больно-то как. Но поплачет он позже...

Если выживет.

С яростным криком существо достало меч, развернулось и едва не снесло Нику голову.

Ник пригнулся, а Коди перехватила меч своим, прежде чем существо успело убить его, затем ударом ноги отбросила демона назад из скорой под проливной дождь. Ник и Коди пошли на него. Он собрался было помочь, но остановил себя, зная, что она справится и не оценит его вмешательства. Кроме того, с мечом Коди управлялась лучше него, ведь у нее был многовековой опыт, и они заключили соглашение никогда не сомневаться в боевых способностях друг друга. Он уважал ее умения, а она его.

Вместо этого он подошел к фельдшеру убедиться, что с ней все в порядке, и что к ним

выехала помощь.

Когда он прошел мимо зайттигера, тот склонил голову на бок и уставился на него.

— Что? — спросил Ник задиристым тоном.

Тот немедленно исчез.

Как и комары с дождем. Так, это было странно, как Марди Гра в июне или снег в августе, или Бабба в костюме с галстуком. В общем чепуха.

Стараясь не думать об этом, он подошел к фельдшеру, которая ухаживала за ним, чтобы помочь. Она тряслась и все еще была оглушена, но в физическом плане все было нормально. Он покинул заднюю часть скорой, чтобы проверить водителя, который был без сознания. Что хуже, тот пострадал в аварии и застрял между сиденьем и рулем. Так как Ник не мог достать его, то вернулся назад, чтобы найти что-то, чтобы перерезать ремень безопасности, и убрать руль от его тела.

Пока Ник искал, Коди быстренько справилась с демоном. Как только она закончила, то вернулась к нему, но они никак не могли освободить водителя, так что они по очереди давили на повязку на ране, полученной водителем в аварии. Еще один фельдшер проверял время прибытия другой скорой.

Коди хмуро осматривала улицу, прислушиваясь к переговорам скорой по радио.

«Я думала, Бабба поехал за нами?»

«Наверное, отстал из-за дождя».

Коди с помощью своих сил замаскировала меч под зонт, который держала над ним и двумя фельдшерами.

«Что случилось с зайттигером?»

«Не знаю, испарился».

Она тряслась, скрестив руки на груди.

«Это плохо, Ник, очень плохо».

«Знаю, милая, я чувствую».

Она указала головой на останки уничтоженного демона.

— Они идут за тобой, Ник. Настойчивее, чем раньше, — она задрожала. — Не только Нойр. Это... не знаю, не нормально. Не похоже на все, что я чувствовала раньше.

Божечки, как раз то, что он хотел услышать. День стал еще лучше.

Ник замолчал, когда услышал следующее сообщение по радио и адрес в нем. Он знал его слишком хорошо.

Его сердце остановилось от ужаса, когда он встретился с испуганным взглядом Коди.

— Это моя мама!

Лагерре улыбнулась Гриму, входя в его офис, где обнаружила его сидящим за столом.

— Наш друг вернулся домой с подарком для нас. Король готов поставить шах.

На его лице появилась медленная улыбка.

— И когда?

— Легко, когда сложатся все кусочки мозаики. Говорила тебе, Малачай верит нашему новому союзнику. Он этого даже не ждал. Он не знал, что его испытывали, и если он провалит испытание, то потеряет все.

Очень даже очевидно.

— Где его мать?

С ее губ сорвался злой смешок.

— В безопасном месте.

Грим поморщился, подумав о последнем месте, в котором станут искать Чирайз Готье.

— Фу, ненавижу эту дыру.

— Большинство ненавидит, именно поэтому ее и выбрали в качестве тюрьмы. Он ее там никогда не найдет.

Грим одобрил холодный, расчетливый выбор Лагерре.

— А что, если наш король решит пожертвовать королевой?

— Нет. Он живет ради нее. Ник отдаст нам своего любимого арелима, но не позволит матери умереть. Тот, кто контролирует Чирайз, контролирует Ника. И ты это знаешь.

— Но ты задумывалась почему?

Лагерре нахмурилась.

— Зачем?

— Подумай вот о чем — вначале Адариан отдал свою жизнь за нее, теперь Ник. Что такого особенного в обычном человеке, что два Малачая готовы умереть, чтобы спасти ее?

Она пожала плечами.

— Любовь. Бесполезное, назойливое чувство. Адариан влюбился в нее, и по этой жалкой причине отдал свою жизнь. А Ник из-за того, что та его мать, и он боготворит ее. Еще более нелепая причина, если интересно мое мнение.

Но все же это казалось для Грима слишком простым объяснением. Какая разница Адариану? Что может заставить такое жестокое, безразличное к другим, эгоистичное и холодное создание заметить крошечную хрупкую женщину? Хотя Чирайз была привлекательна, но существовали миллионы других женщин. Миллионы привлекательных для Малачая женщин. Что в ней было особенного, что Адариан, который соблюдал осторожность многие века, выбрал ее матерью своего наследника?

А затем, защищая ее, умер? Чушь какая-то. Здесь что-то большее, точно.

Чирайз Готье была не просто хрупкой человеческой матерью.

Когда Грим угрожал навредить или даже хотя бы приблизиться к Чирайз, Адариан взрывался. В этой игре за жизнь или смерть, за власть над миром, она была неприкасаема. Никто не мог разыграть эту карту.

Единственный туз, который сможет согнуть Ника.

И теперь...

Грим наконец-то заполучил ее в свои руки, и у него было время изучить эту женщину, которая в одиночку завладела двумя самыми могущественными Малачаями.

Она уже стала причиной смерти одного.

И скоро станет причиной смерти другого.

[1] — Энтони Эдвард "Тони" Старк (англ. Anthony Edward Stark) — владелец «Старк Индастриз» и по совместительству супергерой, известный под псевдонимом Железный человек (англ. Iron man). Участник команды Мстители.

[2] — «Говорящая доска» или «уиджа» (англ. Ouija board) — доска для спиритических сеансов с нанесёнными на неё буквами алфавита, цифрами от 1 до 9 и нулём, словами «да» и «нет» и со специальной планшеткой-указателем.

Глава 5

Ник воспользовался силой, чтобы скрыть свое присутствие от полицейских, которые заполонили маленькую парковку у его дома. Бледный и потрясенный Бабба сидел под

большим черным зонтом у мокрой двери черного входа, через которую Ник недавно вылетел в школу. Он держал окровавленную бейсбольную кепку Технического Университета Джорджии, которая, как Ник знал, принадлежала Марку, и отвечал на вопросы полиции.

Ник вслушивался в произошедшее, испытывая тошноту.

«Не могу поверить», — Бабба надел черную кепку на кулак, оглядывая парковку.

— Мне можно идти? — спросил он копа, допрашивавшего его. — Марку не нравятся больницы, и я не хочу, чтобы он очнулся один. А еще не хочу, чтобы Ник узнал о матери от незнакомца. Мальчик итак пережил много горя. Не так давно он потерял отца, и он боготворит мать. Не хватало еще, чтобы он узнал, что остался сам по себе, он же всего лишь ребенок. Я не хочу, чтобы Ник считал, что остался один на белом свете, когда это не так. Ему нужен кто-то рядом, чтобы помочь все осознать.

Полицейский кивнул.

— Мы уже узнали все, что нужно. Можете идти.

Когда Бабба направился к своему внедорожнику, его остановил офицер Дейвис.

— Бердетт, позволь нам выполнять нашу работу, не надо в это вмешиваться. Мы найдем ее.

Глаза Баббы потемнели от гнева.

— Уж постарайтесь. Ведь это будет не просто отчет об уличном ограблении или пропащем человеке. Это расследование убийства, и уверяю вас, тела вы не найдете.

— Мальчик, не забывай, что говоришь с представителем закона.

Губы Баббы скривила зловещая ухмылка.

— Ага, знаю. Того самого закона, который так и не поймал убийц моей жены и сына. Но с Ником так не будет, он этого не заслужил. И я готов это остановить. Так что лучше найдите преступника раньше меня, потому что, обещаю, от него мало что останется, когда я доберусь первым. А теперь, если вы не возражаете, я пойду проверю друзей, побуду с ними рядом.

Напуганный и трясущийся Ник не мог дышать, наблюдая за тем, как Бабба садится во внедорожник и уезжает.

Кто-то забрал его маму? Правда?

— Мне жаль, Ник.

Не способный справиться с этим, он едва заметил сочувствующие слова Коди. Мысли крутились слишком быстро. В отличие от полиции и Баббы, он знал, что не стоит искать обычных преступников. Люди бы мимо Марка не прошли. Его друг был слишком хорошо натренирован для этого.

Нет, тут пахнет сверхъестественным.

Может, поэтому Калев заболел? Поэтому испортилась погода? Поэтому в скорую за ним явился какой-то чокнутый демон и атаковали комары-убийцы?

Его отвлекали? Кто-то старался удержать их подальше от дома Ника, чтобы враги смогли пробиться в защищенную квартиру и похитить его маму?

Но разве тот бы осмелился, зная, что как только Ник вырвется из хватки, то разорвет на части?

Связываться с Малачаем было опасно. Особенно, пока Ник плохо контролировал себя. Скорее уж Малачай контролировал его, что роднило его с Куджо[1] на стероидах, скрещенным с Годзиллой.

Когда Малачай вырывался наружу, всегда был шанс, что Ник не оправится от него

полностью или тот вообще захватит контроль над ним, и он больше никогда не станет человеком. Пусть Нойр и считает, что смог бы контролировать его, Ник не был так уверен. Если уж древний бог в прошлом не смог контролировать его отца, когда у него было больше сил, то вряд ли ему удастся совладать с чудовищем-Амброузом, после того как Нойр слабел веками.

Но сейчас это не важно. Важна лишь его мама.

Ник поморщился, когда его охватила паника. Как такое могло случиться? Они специально защитили его дом. Никто не должен был добраться до его матери. Никто не знал, что он Малачай и о том, где он жил.

Не правда.

В его доме поселилось одно маленькое чудовище. Ксев прекрасно знал, кем он был.

И как его мать важна для него.

В горле поднялась желчь, когда он вспомнил предостережения Калеба, когда он собирался приютить у себя Ксева. Он был единственным «врагом», который знал все о Нике, чем он жил и дышал. Как выбить его из колеи. Ксев уже отказался от роли хорошего парня, чтобы встать рядом с Нойром. Предположительно он привел врагов прямо к собственной семье, чтобы армия Нойра смогла их всех вырезать. Именно поэтому Кaleb не позволил Ксеву жить в своем доме, хотя они и были братьями. Именно поэтому Нику пришлось приютить Сарру-Дара, кровавого генерала Малачая в своей квартире. Кaleb не смог бы удержаться и не напасть на Ксева, если бы тот был рядом.

Если Ксев смог так поступить с Калемом...

«Ксев предал меня, как и говорил Кaleb».

Не одно доброе дело не останется безнаказанным. Это часто повторяли ему его босс Кириан и Ашерон.

Коди прикусила губу.

— Ник? О чем ты думаешь? Что значит этот взгляд?

Он был так рассержен, что проигнорировал Коди и телепортировался в свою комнату. Его глаза затуманила кровавая пелена Малачая, Ник обнаружил Ксева там, где оставил его, когда ушел в школу. Спящим на его кровати, как будто в мире все было хорошо, как будто ничего не случилось.

Это лишь разожгло его гнев сильнее. Как смеет древнее создание валяться здесь, как будто мир не в хаосе. Как будто его мать не забрал бог знает кто. Да она уже может быть мертва.

Ее могли пытать до смерти...

Ник, одержимый жаждой крови и мщения, низко зарычал и выдернул из-под него одеяло.

Ксев проснулся таким же злым, как и Ник. Он обратился в человека, припал к земле и зашипел, как кот, обнажая острые зубы. Зрачки его голубых, как холодное море глаз, вытянулись, он согнул руку, чтобы выстрелить в Ника, и только тогда понял, кто напал на него. Так как его пленил Малачай, он не мог навредить ему физически, поэтому его зубы и зрачки стали нормальными, он едва сдерживался, чтобы не избить Ника. Это сделал с ним отец Ника за оскорбление.

Но когда Ник увидел глубокие шрамы, покрывавшие каждый дюйм тела Ксева, особенно два в том месте, где у него жестоко вырвали крылья в качестве наказания за преступления, он успокоился. Хотя Ник не сомневался, что Ксев был злобным, опасным созданием,

способным на жестокость и предательство, он уже не считал, что тот причастен к похищению его матери. Ксев не уснул бы после того, как забрал ее, это было бы глупо.

А глупым Ксев не был.

Если бы он забрал его мать, то знал бы, что нужно бежать подальше, опасаясь, что Ник узнает об этом.

Коди облегченно выдохнула, когда вошла в комнату за Ником, и увидела, как обнаженный Ксев свернулся на кровати. Она пискнула, быстро отвернулась и вылетела в коридор.

— Прости, Ксев.

Ксев по-прежнему молчал и пялился на Ника, ожидая, что тот выместит на нем свой гнев.

И от этого испарились остатки гнева Малачая. О нем неверно судили все вокруг, но сам он на это был не способен. Он протянул Ксеву одеяло.

— Ты не слышал грозу?

Ксев прикрылся.

— Какая гроза? — он почесал ухо, затем запустил руку в красно-желтые волосы, которые были частью его проклятия, пытаясь пригладить их.

— Был град, гром... кровавый дождь, — ответила Коди, вернувшись в комнату. Она с подозрением уставилась на Ника. — Ты в порядке?

Не совсем. Но Ник все равно кивнул, потому что ему больше не хотелось вырвать глотку Ксева или превратиться в Малачая.

— Мою маму похитили с парковки, — он посмотрел на Ксева. — Ты разве не слышал?

Ксев провел рукой по древним словам проклятия, вытатуированным на его торсе.

— Ты думал, это я?

— Я не знал, что думать. Если честно, я так взбешен, что едва могу сосредоточиться. Просто хочу выбить из кого-нибудь дерьмо. А так как ты больше, выше и подлее, то становишься неплохой целью, приятель.

Коди положила руку ему на плечо, успокаивая.

— Это в тебе говорит Малачай.

— Знаю, но это не меняет того факта, что мне хочется выбить из кого-нибудь дух. Или уничтожить того, кто причастен к этому, — Ник посмотрел на Ксева. — Мне показалось подозрительным, что никто не знал о местонахождении моей матери, пока сюда не переехал ты. А теперь...

— Клянусь, я тебя не предавал. Зачем мне?

— Не знаю, Ксев. Я даже не знаю, кто ты такой на самом деле. Каждый раз, когда я спрашиваю, ты уклоняешься от вопроса, как от пули, летящей в твою голову.

Ксев встал и распрямился. Он держал одеяло и переводил разгневанный взгляд с Коди на Ника.

— Хорошо, хочешь правду? До того, как меня прокляли и отняли силы в качестве наказания Первые боги, я был богом Даразурсисом. Двоюродным братом и лучшим другом первого Малачая.

Ник встал, шокированный от того, что наконец-то получил ответ от Ксева.

Ксев знал первого Малачая.

Да ну...

Хотя он знал, что Ксев был старым, самым первым генералом Малачая, до этого

момента он не представлял насколько. Как и не знал, что Ксев родственник Малачаев, что он знал Монакрибоса.

— Ты был там с самого начала?

Он резко кивнул.

— Хотя мы были друзьями, во время первой войны богов, я боролся против Малачая и его армии. Против собственной матери и ее сестры. Из-за меня был побежден, проклят и поработен твой великий предок. Именно за это предательство меня предали и наказали те, кого я считал союзниками, включая моего собственного брата, который больше никогда не поверит мне. Ни за что. Моя мать и тетя преподали мне хороший урок о том, как доверять другим, и я отлично его усвоил. Не важно, сколько даешь, не важно сколько крови проливаешь, в итоге верят в любую ложь, которую захотят. Видят лишь худшее, когда ты даешь только лучшее. И ничего нельзя сказать или сделать, чтобы изменить мнение других.

В глазах Ксева отражалась его боль.

— Правда никогда не всплывает из-за яда, которым поливают тебя твои враги. Так что я не жду, что ты мневеришь. Никто не верит. Моя мать лично позаботилась, чтобы никто не в коем случае не поворачивался ко мне спиной.

— Погоди, — сказала Коди, нахмурившись. — Война закончилась из-за генерала сефиротов, Джареда.

— Нет, он наивно предал свою армию сефирилов ради темных сил, подвел своих солдат, но именно я был богом, который покончил с войной, чтобы выкинуть Мавронимо из этого мира. Так что, когда Брейт покинула своих братьев и сестер из-за сделки, которую они заключили против ее дитя, именно моя кровь запечатала изначальные ворота Азмодея. Моя кровь не дает попасть им в этот мир.

Коди ахнула.

— Именно поэтому ты кровный генерал Малачая. Это ты запер Азура и Нойра в из тюрьмах.

Ксев медленно кивнул.

— Нужна моя кровь и магия Малачая, чтобы выпустить их в эту реальность.

Ник не двигался, пытался осознать все и не сойти с ума в процессе. Мавронимо, это имя одинаково и в единственном и во множественном числе, был чистой тьмой. Великое зло, породившее трех первых темных богов — Азуру, Брейт и Нойра.

После запретной любовной интрижки, которая закончилась трагически, Брейт родила первого Малачая и наблюдала, как ее дитя проклинали светлые боги, потребовав принести в жертву жену и дитя Малачая, чтобы умиловить их.

У Брейт было разбито сердце, ей не за чем было больше жить, и она исчезла, оставив сына на милость двух злобных родственников, Азуры и Нойра.

Чтобы больше никогда не увидеть свое дитя, если она хочет, чтобы тот жил.

С того момента как их заперли вне человеческого мира, Азура и Нойр пытались вернуться и снова начать войну, которую проиграли. Каждого генерала Малачая старались перетянуть на свою сторону древние боги и сам Малачай, рожденный их оружием и пешкой. Без Брейт Азура и Нойр потеряли тотальный контроль над Малачаем, и не могли заставить его выполнять их приказы.

Как они ни старались, не могли полностью завладеть им. Так и установился баланс между добром и злом.

До этого момента.

Ник был чудовищем иного рода. Никто не знал почему, но он был гораздо сильнее своих предков. Он один мог склонить весы в сторону темных богов и позволить им наконец-то разрушить Калосум и навсегда изгнать свет из мира людей.

Что еще хуже, в будущем что-то вернет Брейт домой. Что-то, что заставит Ника встать на ее сторону против мира, вместе они устроят Армагеддон.

Хотя никто не знает, что же случится.

Даже Амброуз.

Было лишь известно, что Нойр и Азура из всех сил старались завладеть Ником... Если они доберутся до него, он будет в еще худшем состоянии, чем Ксев, и больше не познает свободы.

Никогда не будет человеком.

Но еще существовало пророчество, в котором говорилось, что Ник будет единственным Малачаем, который изменится и встанет на сторону добра. Если они смогут привязать его к Калосуму, то навсегда изменят ход истории.

Все зависело от него одного. Но проще сказать, чем сделать, ведь Малачай был рожден от чистого гнева и ненависти, рожден от насилия, чтобы его совершать. Ему свойственно было причинять вред и источать яд, убивать и калечить. Любовь и доброта не давались ему легко. Никто до Ника не понимал значение этих слов. Да и Ник понимал лишь благодаря своей святой матери.

Если он ее потеряет...

Все изменится, он потеряет себя во тьме и станет бездушным Малачаем. Бесчувственной непобедимой машиной.

Коди нервно рассмеялась и посмотрела на Ксева.

— Блин, не удивительно, что Калев так нервничал по поводу твоего освобождения.

Ник нахмурился.

— Ты о чем?

Она глубоко вдохнула.

— Разве ты не понимаешь, Ник? Ксев один из ключей к темнице Нойра и Азуры. Именно поэтому он так опасен свободным. Пока Ксев остается в этом измерении, ты на шаг ближе к тому, чтобы стать тем, кем не хочешь. Он не просто бог, он ключ.

Пусть так, но Ксев ничем не заслужил, чтобы его бросили в яму для надругательства и заперли там. Для него безразличие к жизни других было гораздо ближе к тому, чтобы стать Малачаем, чем его глупое желание дать шанс кому-то, кто нуждается в доброте, хотя и утверждает обратное.

Пока это проявление милосердия вредило только Нику, а не кому-то, кто был важен для него, он мог пережить последствия. Он не хотел быть тем парнем, за которого думают другие.

Но у него был еще один вопрос к Ксеву.

— Кто твоя мать?

Ксев приподнял свои ярко-синие брови, еще одна часть его проклятия, и назвал имя, которое Ник меньше всего ожидал услышать.

— Азура, перворожденное зло, она соблазнила моего отца, Верлайна, пытаясь контролировать и манипулировать им. Я был для нее всего лишь инструментом, источником постоянных издевательств над отцом, который презирал меня за то, что я связывал его с ней, — он сглотнул. — Как и ты, я был рожден от двух воюющих существ, что в итоге

отразилось и на мне. Но в отличие от тебя, я никогда не выбирал добро или преданность Калосуму. Вместо этого я наносил удары по матери, желая заставить ее пожалеть и проклясть мое зачатие и рождение.

— А твой отец? — спросила Коди.

Ксев горько засмеялся.

— А что с ним?

— Разве ты не предан ему?

Его лицо окаменело, он отвел взгляд.

— После того, что они с Калобом сделали со мной, я больше не предан никому. Мы прекрасно понимаем друг друга. Верлайн никогда не хотел быть моим отцом, я никогда не хотел быть его сыном, — но Ник не упустил боль, которая стояла за его сухим тоном. То, что они отшвырнули Ксева, ранило его так сильно, что он встал перед выбором, перед которым Нику пришлось встать в ситуации с собственным отцом.

Отказаться от желания любить, так ведь проще. Притвориться, что тебе все равно, что тебе не нужен отец. Но где-то глубоко внутри ты знаешь правду. Открытая ненужная рана кровоточит не переставая.

Твое проклятие.

Именно поэтому Ник не мог отвернуться от Ксева, поэтому держал его здесь, когда остальные называли его идиотом. Он слишком близко знал эту боль, чтобы оставлять с ней другого.

Они с Ксевом были братьями по боли.

Братьями по сердцу.

Ник не мог, как и остальные отшвырнуть Ксева и оставить его гнить в одиночестве. Он не мог быть таким холодным. Его мать хорошо его воспитала.

Ксев посмотрел в глаза Нику. В этих карих глазах было так много боли, что Ник увидел отражение того, что он сам пытался скрыть от других.

— Когда ты привел меня сюда, Малачай, я сказал тебе, что не понимаю добра или любви. Стоило оставить меня в тюрьме, как и Малачай до тебя. Там мне и место, это все, что я понимаю.

От этих слов по спине Ника побежали мурашки. Они были так похожи на те, что с колыбели твердил ему отец. Не оставляй никого у себя за спиной, если не хочешь, чтобы в нее всадили нож.

И все же...

Внутри Ксева он чувствовал нечто большее. Его инстинкты говорили, что Ксев не был таким крутым парнем, каким притворялся, что внутри него была уязвимость, которую он отрицал. Желание, чтобы его принимали, какое было и у Ника. Может, он и ошибался, но каждая частичка говорила ему, что Ксев не был чистым злом, как хотели верить древние.

Пусть он и был сыном Азуры.

Хотя не ему об этом говорить, ведь он сын Малачая. Он не хотел, чтобы его судили за отца, он хотел верить, что они были выше своих генов.

Кроме того, Ксев не сражался бы за их спасение, если бы ему было все равно. Не защищал бы их ранеными и не вернулся бы за Коди, а просто бросил бы ее в ловушке между мирами. Ксев мог отрицать сколько угодно, но у него было сердце и он знал, что такое честь и доброта.

Кроме того, он был старше всех, кого знал Ник, даже старше Ашерона, которому было

больше одиннадцати тысяч лет. Сейчас ему было нужно это преимущество. Если Ксев знал первого Малачая, то может он знает, как не дать Нику стать монстром Амброузом.

Стоило попробовать.

И как не грустно, но это был их единственный шанс.

Ник подтолкнул его к шкафу.

— Иди, переоденься, Ксев, — сказал он мягко. — У нас было тяжелое утро, и моя мама пропала. Кaleb болен и...

— Что значит болен? — спросил Ксев, перебивая его.

— Он вроде как простыл.

У Ксева отпала челюсть.

— Нет, невозможно.

Ник обменялся встревоженными взглядами с Коди, когда почувствовал что-то в голосе Ксева.

— Ты знаешь, что с ним такое?

— Другие боги заражены?

Ник покачал головой.

— Кaleb демон, а не бог, — как только он произнес это, то понял, что это была не совсем правда.

— Малфас демибог, у нас один отец... Верлайн. И хотя демоны не болеют, моя мать создала болезнь, которая может ударить по древним богам, включая Калеба, если он с ней столкнется.

Ник не хотел соглашаться с этой идеей.

— Ерунда какая-то. Как что-то может заразить бога, а демона нет?

— Когда болезнь направлена прямо на него. Это биологическое оружие, разработанное под командованием моей матери, чтобы уничтожить весь пантеон. В свое время она была той еще стервой.

Коди встревоженно ахнула.

— Это включает и тебя?

Ксев рассмеялся.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

— Ты и правда думаешь, что мать постарается уберечь меня от боли? — он указал на слова проклятия на своем торсе, которые указывали на то, как мало его мать волновало то, что ее сына оставили вечность барахтаться в водах отчаяния.

От этого холодного замечания она поморщилась.

— А Ник? Это может навредить ему?

Ксев рассматривал Ника, как будто тот был научным экспериментом, который странно мутировал.

— У него может быть иммунитет, ведь его поколения ушли от богов, породивших первого Малачая. Вот тут я не знаю. Я даже не уверен, что это та же болезнь, что я видел на древнем поле боя. Но это единственное, что по моему мнению, может заразить Калеба. У него должен быть иммунитет на другие болезни.

Это уже звучало разумно. Наконец-то.

— А что насчет похищения моей матери?

— Я не знал, что ее забрали, клянусь. Она была на кухне, собиралась на работу, когда я пошел сюда вздремнуть. Это все, что я о ней знаю. Если бы я услышал хоть что-то, то

защитил бы ее ценой своей жизни.

Ник кивнул ему.

— Ладно, одевайся. Мы будем ждать на кухне.

Ксев оделся еще до того, как он договорил.

— Покажи мне, где схватили твою мать. Посмотрим, смогу ли я понять что-то о ее похитителях.

Ник приподнял бровь, глядя на Коди.

— Черт, надо не забыть сделать так, когда буду опаздывать в школу. Полезный навык, одеваться, как ниндзя.

Она фыркнула, когда он пошутил не к месту.

Ник проводил их к задней части дома, но не стал открывать черный вход, так как там все еще были полицейские. Он дернул в их сторону головой.

— Кто-то напал на них с Марком, когда они садились в его джип. Его потрепали так, что он попал в больницу.

На лице Ксева появилось странное выражение.

Ник повернулся к Коди.

— У него видение или ему надо на горшок?

Коди пихнула его.

— Ник, — рывкнула она.

— Что? У него такой вид, как у малышей в яслях, за которыми мне приходилось следить во время благотворительных работ перед крещением.

Она громко застонала.

— Ты кошмар какой-то.

— Я Малачай, детка, — Ник подмигнул ей, чтобы она знала, что его дурашливое поведение, всего лишь шутка. — Это прилагается.

Глаза Ксева засветились, как у Калеба или Ника, когда они тянулись к своим силам. А вот это уже не шутки, как и темное вопящее облако, которое двигалось прямо на них.

Вначале Ник решил, что это еще один рой комаров. Но когда оно приблизилось, звук стал отчетливее. Это была стая ворон. И не какая-то обычная стая. Скорее, как в стандартном кровавом фильме Квентина Тарантино, с семьей, друзьями и всеми пернатыми знакомыми.

Вороны, как безумные атаковали их, как в старом фильме Хичкока. Они спустились на полицейских и обычных людей, которые с криками и бранью бежали в укрытие, а птицы царапали и клевали их. Раздался гром, мелькнула молния и снова хлынул дождь. Некоторые полицейские открыли огонь по птицам, но их было не сдержать. Разверзся ад.

Когда люди наводнили здание в поисках защиты, Ник мысленно пробежал по списку своих способностей. Он мог говорить с мертвыми и в каком-то роде контролировал зомби.

Ладно, работало не очень хорошо, да и против пернатых было бесполезно.

У него был своего рода телекинез, польза которого тоже сомнительна. Был гримуар еще более язвительный, чем он сам. Если бы сарказм был смертельно опасен, то Ник бы стал знаменитым убийцей. К несчастью, из-за этого навыка его лишь сажали под домашний арест или добавляли дней к наказаниям в школе. А еще Стоун и компания запирали его в шкафчиках...

И еще это бесконечно выводило из себя Кириана и Ашерона.

Его меч... Глупо вытаскивать его перед разгорячённой полицией.

Ничего не могло помочь ему с этой проблемой, даже его крылья. Он не был Доктором Дулиттлом, и птиц-убийц вроде не контролировал. Но, по крайней мере, вороны, кажется, не могли проникнуть в здание.

Защитные заклинания Меньяры и Калеба остановили их у порога.

Но Ксев все равно оттащил его назад в глубь здания.

— Смерть, — выдохнул он. — Это его любимые падальщики. Думаешь, он послал их?

От упоминания Грима внутри у Ника все застыло.

— Это значит, что он имеет отношение к исчезновению моей матери?

Ксев подумал над этим.

— Или же он ищет тебя.

Коди встретила с Ником взглядами.

— Грим знает, где ты живешь и кто твоя мать. Что она значит для тебя. Может, он решил смошенничать и напасть?

А еще Грим знал, что его отец мертв. Что Ник завладел силами Малачаев. Хотя тот и должен был подчиняться Малачаю, в реальности у них были иные отношения.

У Смерти был тяжелый комплекс превосходства, который затрагивал и Ника.

Но все же что-то не сходилось. До этого момента Грим просто иногда оскорблял его, а бывало и в каком-то роде помогал.

Ник оглянулся на стаю ворон, которые пялились на них сквозь барьер.

— Но зачем было похищать ее и присылать этих... — он дернул головой в сторону ворон, — за мной? У него есть мой номерок телефона. В буквальном смысле. Позвонил бы, а же не настолько глуп, чтобы не встретиться с ним без всей этой театральщины.

Ксев нахмурился еще сильнее, когда вороны расселись по подоконникам, будто ожидая чего-то особенного. Это было так жутко, что у Ника встали дыбом волоски на шее.

Древний бог отступил и побледнел еще сильнее.

Коди побледнела, как и Ксев и прикусила губу.

— Что такое?

Ксев приблизился к окну и снова отпрянул.

— Это мемитимы.

— Меми-кто? — спросил Ник.

— Мемитимы, они сражались против арелимов, — он повернулся к Нику. — Когда-то ими командовал Малфас, они были в его армии.

— Не понимаю.

— Задолго до того, как Калев встретил жену и решил зажить жизнью мирного фермера, он сражался с моей и его матерью против нашего отца. Он был одним из самых великих и сильнейших генералов Мавронимо. Мемитимы были его солдатами, которых он использовал против Калосума. Спустя годы войны против нас и уничтожения человечества, он поменял стороны из-за жены и навсегда отказался от меча. Когда мемитимы пришли за ним, отказываясь дать ему жить спокойно, он одной левой справился с ними, и те поклялись отомстить. Это их духи, которые пришли исполнить клятву, — его взгляд обжигал Ника. — Кто-то воскресил их для реванша.

— Откуда ты знаешь?

— Ты Малачай. Прислушайся и услышишь их и их плачь.

Ник наклонил голову на бок, закрыл глаза и сделал, как сказал Ксев. Он открыл часть себя, которая серьезно пугала. Каждый раз, когда он обращался к этим силам, часть его

сердца боялась, что он не станет прежним. Часть его боялась, что он навсегда затеряется во тьме.

Но Ксев был прав, сейчас он мог их слышать.

«Малфас! Мы пришли за тобой! Пришла пара заплатить за то, что ты сделал! Выходи и встретиться с нами, трусливый пес!»

Ник чуть было не сказал, что его здесь нет, но затем остановился. Уж лучше пусть они ошибаются. Пока они окружают не то здание, то не попытаются ворваться в нужное и убить его друга.

Одно он знал точно, эти тронутые вороны никуда не улетят, пока сердце Калеба не окажется в их чертовых маленьких клювах.

А еще они не собирались позволить остальным покинуть здание. Это стало очевидно, когда один из копов попытался сделать это, и толпа ворон накинута на него, как крылатые пираньи.

Люди закричали, двое копов выстрелили в ворон, стараясь отогнать их от коллеги.

Пока те отвлеклись, Ник открыл дверь, чтобы вернуться в свою квартиру и увести Ксева и Коди, пока они не попали под перекрестный огонь.

Коди отошла от двери.

— Не понимаю, если мемитимы хотят отомстить Калебу, то что они делают здесь? Разве они не должны быть у Калеба?

Ксев пожал плечами.

— Его свежий запах присутствует в школе или у Ника. Думаю, именно он привлек их, когда их освободили. Но в защищенное здание падальщики проникнуть не могут. И найти его они не могут, ведь Ник телепортировал его домой, так?

— Ага.

— Тогда пока Калеб должен быть в безопасности.

— Опять это «должен быть», — пробормотал Ник. — Ненавижу это выражение.

Коди скрестила руки на груди, игнорируя его комментарий.

— Калеб мог заболеть из-за них?

— Ты беспокоишься не о том.

— Поясни?

Ксев посмотрел мимо нее в окно, где собралось еще больше ворон.

— Тебя не должно беспокоить, принесли ли они болезнь. Важнее, кто открыл адские ворота, чтобы выпустить их.

[1] — «Куджо» (англ. Cijo) — кинофильм. Экранизация произведения, автор которого — Стивен Кинг. Куджо — кличка сенбернара, принадлежащего семье Кэмберов, живущей в городке Касл-Рок. Здесь Джо Кэмбер работает механиком.

Глава 6

Ник поморщился от зловещих слов Ксева.

— Приятель, у меня итак желудок скрутило, я скоро схожу в туалет бриллиантом. О каких адских вратах ты сейчас говорил, мой лорд демон? Или демон лорд?

Ксев проигнорировал его сарказм.

— Ты должен знать, раз уж ты из усумгаллу, которые контролируют их. Более того, ты глава этих чудовищ.

— Да, но видишь ли, в разгар моего изучения экономики, биологии, кодов шкафчика,

истории Америки, они как-то глупо проигнорировали мое основное обучение, так что у меня серьёзная нехватка знаний. Пожалуйста, просвети меня, пока еще больше гадких созданий не вцепилось в мой подоконник, напевая эти милые серенады смерти.

Ксев проигнорировал его сарказм.

— Знаешь историю ящика Пандоры?

— Ага, и?

— Это была коробка или банка, из которой люди выпустили в мир враждебных духов. Пандора разорвала живую мембрану, которую не залатать и которая не восстановится. Именно поэтому Смерть, Страдания и Война всегда в одной реальности с людьми. Никто не может победить их или изгнать навсегда, даже я.

Тяжело вздохнув, Ксев задернул шторы, чтобы вороны не могли заглядывать в квартиру и шпионить.

— Из-за того, что женщина ослушалась божественного приказа, человечество проклято вечно страдать от них и их жестокости, не имея возможности избавиться от них. Думай об этом, как о прогулке по острию ножа Человечества. Вечно идти руку об руку с собственным разрушением и смертью. Слабую надежду человечества на спасение мы называем свободой воли. Когда первая женщина слепо и необдуманно дала жизнь этим трем, она неосознанно прокляла этот мир на болезни, смерти и войну. Бесконечную битву на этих землях, проклятие всему человечеству. Но... благодаря богам, которые заботятся о ее виде и жалеют их, четыре другие змея сарра или, как их называют, главари, все еще заперты. У каждого из них свои злобные группы, которые они контролируют, как пешки в этой вечной войне, ради единственного сюзерена, который поведет их.

Коди кивнула Нику.

— Малачая — вместе со своими семью лидерами он был усмугаллу.

Ксев кивнул.

— И Ник своими силами может открыть сверхъестественные реальности и выпустить демонов в этот мир, чтобы завладеть им. Малачай единственный, кто может призвать нас троих из наших темниц. Меня, Ливию и Ирре — вечный баланс. Трое усмугаллу, Война, Страдания и Смерть были в этом мире, трое оставались в стазисе. Никто, кроме Малачая не может открыть наши врата, но это не так просто.

Ник нахмурился.

— Я тут гадаю, почему Малачаи до меня не выпустили вас, ребята?

— По многим причинам. Первая — это слишком иссушает Малачая. Всегда существует риск, что как только он освободит нас, один из нас сможет убить его до того, как он оправится, чтобы защитить себя. Не забывай, он всего лишь дитя, когда наследует силу, и не может полностью контролировать нас. Если он объединит нас, нам будет легко убить или поработить его. Так что лучше всего Малачаю сдерживать нас... как бешеного пса, как только заберет жизнь отца. Никогда не подпускай нас к яремной вене, мы воспользуемся шансом.

Ник посмотрел на Коди, по его спине побежали мурашки. Он знал, как мало с ним считались и любили его Грим и Лагерре. Он мог лишь представить, как ужасно будет попасть под их «доброжелательный» контроль.

— Зачем ты предупреждаешь меня о своих друзьях?

Ксев потер бровь, как будто у него неожиданно начался приступ мигрени или появилась опухоль мозга.

— Начнем с того, что они не мои друзья. Пусть я и родственник первого Малачая, мы родились в разные века. Кроме тебя, я встречал лишь одного Малачая, который выдернул меня из дыры, высосал мои силы и вернул меня в ад, восстанавливаясь до следующего призыва. С остальными сарра мы были врагами, и я с удовольствием пинал их коллективные задницы, так что я едва их выношу, — он выпрямился, чтобы высокомерно посмотреть на Ника. — Я рожден сыном Верлайна и Азуры, воспитывался Инари. Ты хоть представляешь какие у меня когда-то были силы?

Ага, должно быть огромные.

Ксев горько посмотрел на Коди.

— Чтобы объяснить тебе более наглядно, Готье, я был единственным древним богом, способным убить Хтонианцев.

У Ника отпала челюсть. Хтонианцы были вымершей расой, убийцы богов, которые когда-то развязали собственную войну против родственников Ксева.

— Серьезно?

— Серьезно. И все эти силы сделали меня целью номер один для всех вокруг, по той или иной причине. Они никогда не приносили мне счастья, — его искренний взгляд прожигал Ника. — Я не хочу быть тобой, Малачай. На тебя охотятся, ненавидят, у тебя нет друзей и тебе не попасть в рай. Я не хочу быть частью этого мира... С меня хватит.

Ксев задержал взгляд на фото на стене с крещения Ника, на котором он стоял рядом с матерью у Собора Св. Луи. Его глаза были красными.

— Я помогу тебе вернуть мать по той же причине, что спас Никоду. Ты был добр ко мне, и я не верю, что надо платить злом за добро. Но если честно? Я лишь хочу, чтобы меня оставили в покое и забыли обо мне. Я бесполезен для этого мира, и еще более бесполезен для тебя.

Ник нахмурился.

— Ты правда хочешь, чтобы я отослал тебя назад?

Ксев потер руку с древними словами проклятия.

— Когда живешь без доброты столько, сколько я, она становится своего рода жестокостью. Жалит по-своему.

Нику было неприятно то, что он прекрасно знал, что имел в виду Ксев. Когда кто-то делал ему комплимент, у него возникали такие же подозрения. Он настолько привык к оскорблениям, что, если каким-то чудом его хвалили, он анализировал, пытаясь понять, не стояло ли за этим скрытое оскорбление.

Разве не печально?

Но сдержаться он не мог. Мир научил его ожидать подлости от незнакомцев. Так не должно быть, но так было. Именно поэтому Ник изо всех сил пытался помочь людям чувствовать себя уважаемыми и важными. Особенно тех, к которым относятся с пренебрежением: водителей трамваев, швейцаров, продавцов, вахтёров, уборщиков туалетов, горничных, бездомных.

Важны все.

Коди тяжело сглотнула.

— Можно задать личный вопрос?

Ксев пожал плечами.

— Конечно.

— Учитывая силу с которой ты родился... как они пленили тебя?

В глубинах светло-карих глаз Ксева вспыхнула боль. Лицо окаменело, по щеке скатилась одинокая слеза.

— Какая горькая ирония. Не зная того, они отправили за мной единственного воина, которому я бы никогда не причинил вреда.

— Кого? — спросил Ник.

— Того, чью жизнь я бы не забрал.

— И кто это?

— Тот, чья жизнь значила больше, чем моя.

Ник вздохнул и скорчил раздраженную рожицу Коди, устав бегать, как белка в колесе. Ксев не собирался раскрывать имя человека. Не важно, кто это, Ксев больше не хотел, чтобы ему снова причинили боль.

Ник понимал это.

Потому и сменил тему разговора.

— Итак, какие врата этого шведского стола с кошмарным холокостом ты контролируешь?

— Тюрьму проклятых богов, как хороших, так и плохих. Я могу вернуть их в игру и натравить друг на друга.

Коди указала на окно.

— А мемитимы? У кого ключ от них?

— Души мертвых контролирует Ирре. Она единственная, кто выпустил бы их на Калеба.

Коди побледнела.

— Сегодня Ник видел ее.

— Что?

Ник кивнул.

— В холле школы. Как раз перед тем, как заболел Калеб.

— И вы забыли упомянуть об этом? — в его тоне слышался гнев.

— Я думал, у меня галлюцинации.

Ксев приподнял свою голубую бровь.

— А такое часто случается?

— Сейчас? Чаше, чем я могу вынести. Давай не будем забывать, что я только что вернулся из альтернативной реальности. Пусть я и думаю, что неплохо справляюсь после этого, но некоторые проблемы все еще присутствуют.

Ксев тихо выругался.

— Но ворота запечатали после смерти его отца, — настаивала Коди. — Калеб не мог ошибиться. Он знал о последствиях.

Ксев проигнорировал ее вспышку гнева.

— Мне следует знать о еще каких-либо галлюцинациях?

— Кроме тебя — кота, который пьет мое молоко ночью, пока я сплю, это коровы-самоубийцы, призрачные всадники в холле школы, комары-убийцы, лекари чумы, вроде все. Если ты конечно не захочешь включить сюда буйных подростков оборотней, — он посмотрел на Коди. — Ах, да, и девушку-привидение.

— Лекари чумы? — Ксев нахмурился. — Что за лекари чумы?

Ник фыркнул.

— И это все, что тебя заинтересовало из моего списка?

Коди проигнорировала его.

— Зайттигеры.

— А они зачем пришли?

Ник пожал плечами и покачал головой.

— Понятия не имею, они не разговаривали. Просто пялились на меня, как моя мама на родительском собрании, когда я крупно облажался. И кстати говоря, все это не помогает найти маму. Думаю, нам надо как можно быстрее провести Марка, узнать, что случилось, — он заглянул за штору. — Как мы избавимся от этих психованных Даффи Дак?

Коди повернулась к Ксеву.

— Ник все еще босс? Он может не дать ситуации ухудшиться?

— И да, и нет. Ты должна помнить, он не единственное существо, способное вызвать Армагеддон... Он лишь один из них, — Ксев поморщился. — Да, он конечно страшный, но не единственная угроза миру. И мы не знаем, кто начал это. Может, кто-то идет за ним или у него другие намерения. Кто-то или что-то, о чем мы еще не подумали.

Ник начал ненавидеть этот день.

— Слушай, я не хочу быть ничьей угрозой, кроме как для тех, кто забрал мою маму, ранил Марка и Калеба. Я добродушный каджун. Мой девиз: «Поживем на полную катушку». Я просто хочу спокойно жить, — он замолчал. — После того, как убью того, кто забрал маму.

Ксев фыркнул.

— К несчастью, с твоими-то корнями, все не так просто. Но я согласен, нам нужно поговорить с твоим пахнущим утиной мочой чокнутым дружкой о том, что случилось.

— Мы можем телепортироваться мимо мемитимов? — спросила Коди Ксева.

— Вроде должны. Худшее, что может случиться — они последуют за запахом, думая, что мы — это Малфас.

— Тогда пристегните ремни, солнышки. Посмотрим, как крупно я облажаюсь на этот раз, — Ник взял Ксева за руку, чтобы перенестись с ним в больницу, так как Ксев не был знаком со зданием. Печально, но факт, за последние пару лет Ник побывал в нем несколько раз.

Телепортация была опасным шагом, и учитывая погоду и ворон, он не хотел рисковать, пока на них сверху падают пираньи-птицы.

Как только они материализовались в больнице, рядом с ним в маленькой кладовой появилась Коди.

— Неплохой выбор.

— Ага, целился в туалет, но промахнулся. Ну, по крайней мере это не приемная, и никому не понадобится терапия после нашего появления из воздуха. Напомни мне, что нужно достать такую же вспышку, как в «Людях в черном». Может пригодиться при таких позорных ошибках, — Ник посмотрел вниз и улыбнулся. — Смотрите! В это раз я полностью одет! Да я учусь!

Отрезвев от собственного разбушевавшегося сарказма, он открыл дверь и проверил есть ли кто-то в коридоре, затем вышел и жестом приказал им следовать за ним. Ну, пока все не плохо. Может, они и продержаться до ужина. Ник надеялся на лучшее, но готовился к худшему, просто на всякий случай. Достав телефон, он позвонил Баббе, который немедленно ответил.

— Мальчик, где тебя черти носят?

Он посмотрел на серые стены, чтобы понять, где они находятся.

— На третьем этаже? А где ты?

— Отделение реанимации, ищу твое жалкое тело. Клянусь, я испугался до смерти. Ты отнял у меня минимум десять лет моей жизни.

— Не волнуйся, Бабба. Я не забрал лучшие.

— Не смешно, где ты сейчас?

Ник шел к лифту.

— Идем, как Марк?

Бабба колебался с ответом.

— Почему ты спрашиваешь о Марке?

— Я знаю о нем и маме, — Ник привел их к лифту. — Мы слышали по радио в скорой, когда ехали сюда.

Бабба устало вздохнул.

— Я не хотел, чтобы ты так узнал об этом. Ник, мне жаль, сынок.

— Спасибо, как Марк?

— Его хорошенько потрепали, но как только врачи получают рентген, то отпускают его. Они просто хотят убедиться, что нет внутренних повреждений. А ты? Я спросил, и мне сказали, что тебя здесь даже не было.

— Все нормально. Я переживаю за маму и Марка.

Ник вышел из лифта и остановился.

— Мы здесь. А ты где?

Через несколько секунд вышел Бабба и отвел их в палату Марка, где он лежал с перевязанной рукой. Его светлые волосы были зачесаны назад, часть лица была красной и опухшей. Нападавший хорошенько его отмутил.

Марк неловко потер раненую руку.

— Прости, Ник. Ты же знаешь, я бы не дал этому произойти с Чирайз, если б смог.

Ник кивнул.

— Я знаю. Что с вами произошло?

— Понятия не имею. Я только открыл дверь, чтобы посадить Чирайз в джип, как услышал вопль, как у банши. В одну секунду я стоял, в другую уже целовал асфальт... Не знаю, что ударило меня. Я видел лишь густую тьму. Как будто земля встала и прихлопнула меня.

Ник беззвучно застонал, это ни о чем им не говорило. Они так и не сдвинулись с места.

Никуда.

А мама все еще где-то там.

Одна, беззащитная.

Он не мог вынести мысли, что с ней что-то случилось. Всю жизнь она защищала его из всех своих сил. Теперь он чувствовал ответственность за нее, особенно учитывая то, что он был главной причиной, по которой она была в опасности. Пока он ее сын, никто не посмеет причинить ей вреда.

«Мне нужно найти ее».

И все же, как ни странно, он чувствовал, что она вне опасности, но объяснить этого не мог. Его лишь захлестнуло желание найти ее. Но в то же время часть его, казалось, знала, что сейчас ей ничего не угрожает.

Ага, какое-то неправильное ощущение.

Неожиданно ожил его телефон, Ник посмотрел на номер.

— Мой босс, — сказал он Коди и Баббе. — Надо ответить.

Он вышел из комнаты, чтобы ответить на звонок.

— Ты где? — в строгом голосе Кириана чувствовались нотки беспокойства.

— В больнице.

Это лишь усилило волнение в его голосе.

— Ты в порядке? Что случилось? Почему ты там? Ты ранен? Авария?

Через секунду Ник понял, что Кириан ничего не знал о том, что произошло в школе и с его мамой.

Его беспокойство было вызвано тем, что Ник в больнице. Точка.

— Мою маму похитили и на Марка напали.

— Что? — рев Кириана оглушал. — Когда это случилось?

— Сразу после начала занятий в школе.

— И ты мне не позвонил?

— Я думал, ты спишь.

— Ник...

— Кириан, — он повторил его раздраженный тон. — Без обид, босс, но в это время суток ты можешь помочь не многим.

Так как в обязанности бессмертного Темного Охотника входила защита смертных от бездушных Даймонов, которые охотились на них в ночи, то у его босса была гадкая привычка загораться, если дневной свет касался любой части его тела.

— Ты бы не смог прийти ко мне. Все нормально, здесь со мной Бабба.

— Но все же... я бы мог позвонить Ашерону, сказать ему...

— Да все нормально. А ты чего звонишь? Ты должен спать, — так как Даймоны охотились по ночам, а Кириан не переносил дневной свет, то обычно спал весь день и просыпался примерно через час после того, как Ник приходил на работу из школы.

— Этим утром я проснулся из-за погоды, проверил голосовую почту и увидел сообщение Оруженосцев о тревоге в Св. Ричардсе. Решил проверить тебя и убедиться, что не придется искать нового Оруженосца. Ненавижу это, итак с тобой трудно. Еще не хватало искать новую головную боль. Блин, мне бы снова пришлось менять все замки дома.

Ник улыбнулся, не смотря на ужасный день и притворно мрачный тон Кириана. Как все изменилось с тех пор, как он никому не был нужен. Теперь у него большая семья, и это не переставало удивлять его.

— Плохие новости. Все еще жив, босс.

Кириан усмехнулся над радостным тоном Ника.

— Не переживай, парень. Я сейчас же отправлю Оруженосцев искать твою мать. А еще Ашерона. Мы все выйдем, как только сядет солнце.

— Спасибо, мы понятия не имеем с чего начать поиски. Буду благодарен за помощь.

— Мы найдем ее.

Ага, но в каком состоянии? Этот кошмар преследовал его с того момента, как он проснулся.

— Большое спасибо.

Когда Ник положил трубку, Коди погладила его по спине. Он наслаждался ее прикосновением, закрыв глаза. В нем бушевали страх и злость, ему нужно было, чтобы она успокоила его. Он не знал, что бы сделал, если бы она не поддерживала его.

— Кириан свяжется с Ашероном.

Он почувствовал, как при упоминании дяди ее руки задрожали. Ашерон не знал, кем была Коди, что понятно, учитывая то, что она родилась века спустя. И они не могли сказать Ашерону, так как отца Коди, его брата, держали в адской тюрьме Артемиды. Это полностью перевернет его мир.

Поэтому Ник представить не мог, как тяжело Коди находиться в этом времени с любимыми, которые понятия не имели, что они были знакомы, зная, что если они не изменят ход вещей, то она потеряет их всех снова.

Что если они сделают одно неверное движение, она может вообще не родиться.

Этого хватало, чтобы он сходил с ума, думая об этом.

Как она может стоять рядом с ним, зная, что он был причиной ее смерти? Что он движением руки разрушит всю ее жизнь?

Способность Коди любить не поддавалась объяснению. Он не понимал этого и сомневался, что смог бы простить на ее месте. У нее было полное право убить его.

Но именно это делало ее такой особенной. Именно поэтому она владела частью его, не принадлежащей никому. Как и его мать, она была чистым светом. Тем, кто всегда согревал его, не важно каким измученным и замерзшим он себя чувствовал. Из-за них он всегда чувствовал себя лучше, важным человеком, о котором заботятся и которого любят.

Героем.

Положив руку ей на щеку, он наклонился, чтобы прижаться своей щекой к ее и вдохнуть теплый ванильный запах ее кожи.

— Что мне делать, Коди?

— Что обычно делаешь. Борься за то, что имеешь, не важно, что в тебя бросают. Перепрыгнуть, нагнуться, обойти, проломиться. Путь есть всегда... Твои враги тебя не пожалеют. Мир не пожалеет тебя. Именно поэтому я не стану делать одолжение и жалеть тебя.

Он засмеялся над тем, что часто говорил ее брат. Это он выучил от их отца.

— Люблю тебя, Код.

— Я тебя тоже, — погладив его по руке, она отступила. — Хочешь, чтобы я связалась с Суриэлем и спросила, что они знают?

Он покачал головой.

— Давай будем держать Арелимов подальше от этого, как можно дальше. Если они ничего не знают, то думаю, не стоит их просвещать. Они могут вмешаться, сделать что-нибудь глупое. Хотя я и считаю, что у меня и своей глупости хватает, но все же не хочу просыпаться по ночам и думать, что они сделают с полученной информацией.

— Разумно.

Ник заглянул в палату с Баббой и Марком. Его захлестнуло чувство вины, когда он увидел состояние Марка. Они оба были невинными жертвами, попавшими под перекрестный огонь его никчемной жизни.

Коди и Ксев правы. Враги никогда не пожалеют его. Именно он должен быть осторожней с тем, кого пускает в круг друзей. Хотя бы для того, чтобы защитить любимых.

Пока он рядом с ними, они в опасности. И лишь малая доля знала почему. Остальных держали в неведении.

Пришел Ксев.

— Итак, что делаем дальше?

Прежде чем Ник успел ответить, снова зазвонил его телефон. Это был номер Калеба.

Испугавшись, что его состояние ухудшилось, он принял вызов и услышал Ливию.

— Что такое?

— Я нашла ее, Ник.

— Что?

— Твою маму. Я отвела ее домой и уложила в постель. Она спит и понятия не имеет, что с ней случилось.

Его затопило облегчение, он даже пошатнулся.

— Что? Как?

— Я руководствовалась интуицией и оказалась права.

Ник притянул к себе Коди и издал нервный смешок.

— Лив нашла маму и отвела ее в квартиру. Они там.

— Слава Богу! С ней все хорошо?

— Ага, — впервые после того, как он покинул школу, Ник снова почувствовал себя хорошо.

— Спасибо, Ливия. Я твой должник.

— Даже и не думай. Я ее не оставлю, пока ты не придешь. Поверь, под моим присмотром с ней ничего не случится.

— И снова спасибо, я скоро приду, — Ник положил трубку и засунул голову в дверь, чтобы сообщить Баббе и Марку.

— Слава Иисусу, — выдохнул Марк. — Это лучшие новости, которые я услышал с тех пор, как в мастерской мне сказали, что мой джип не погиб из-за пожара, вызванного тем, что замкнул провод от забытой зарядки телефона.

Пусть это и звучало странно, но Марк, привязанный к своему старому побитому джипу, так выражал свою любовь.

Бабба взъерошил волосы Ника.

— И как ты?

— Гораздо лучше после того, как узнал, что она в безопасности, дома. А ты?

— Лучше, когда узнал, что не придется садиться в тюрьму за убийство того, кто забрал ее.

Ник засмеялся.

— Понятно.

Бабба подтолкнул его к двери.

— Идите. Знаю, что ты хочешь проверить маму, увидеть ее собственными глазами. Скажи ей, что я приду доставать ее, когда отвезу Марка домой и уложу в постель.

— Спасибо, папочка, — сказал Марк язвительно. — Не подотрешь слюнку на подбородке, раз уж начал?

Бабба проигнорировал его.

— Нужны деньги на такси? — спросил он Ника.

— Неа, у нас есть. Будь на связи.

— Ты тоже.

Выходя, Ник написал Кириану и Ашерону, что дома все в порядке.

«Уверен?» — написал Кириан в ответ.

«Все хорошо, мама дома. Ложная тревога».

«Рад слышать. Передам Оруженосцам. Скажи, если понадобится что-то еще. Роза тоже наготове».

«Спасибо босс».

Когда Ник собрался убрать телефон в карман, получил сообщение от Ашерона, который спрашивал про его маму. Он остановился в коридоре, чтобы ответить.

«Иду проверить ее».

«Лады. Пиши мне. Кстати, дует сильный ветер. Береги спину, каджун. Позвони, если что-то понадобится. Держись».

Ник убрал телефон в карман, когда его снова посетило странное ощущение. Из тех, от которых встают дыбом волоски на шее.

На секунду он подумал, что увидел еще одного зайтитигера, когда часы показали 11:34.

Коди нахмурилась.

— Ты в порядке?

— Странное ощущение.

— Мне начинает не нравится эта фраза.

Ага, он тоже не ее фанат.

Она протянула рук им с Ксевом.

— Пойдемте проведем Чирайз.

Ник взял ее за руку и позволил отвести домой. Вначале он ничего не видел и не слышал. В квартире было абсолютно тихо и спокойно.

Только особое колебание воздуха, которое возникало от сверхъестественного, давало понять, что здесь кто-то был. Так как лишь одно существо могло с его разрешения пройти барьеры, то он знал, что это Ливия.

Ник поспешил в спальню, где увидел маму, спящую в кровати. Ливия сидела в углу в джинсах и белой блузе.

Завидев его, она улыбнулась.

— Рад, что ты дома. Как видишь, с ней все хорошо.

Ник остановил Ливию, которая собралась уходить.

— Постой.

Она материализовалась с приподнятой бровью.

— Да?

— Где ты ее нашла? Кто и зачем забрал ее?

Сократив расстояние между ними, Ливия положила теплую руку на его и прошептала на ухо.

— Я кое-что слышу, но остальные об этом не знают. Хотя я рисковала жизнью, чтобы вернуть ее, я все равно должна тебе больше, чем смогу заплатить. Это честь служить тебе, Малачай. Но на твоём месте, я бы осторожнее выбирала, кому ее доверить в будущем. На кого положиться. Осторожность никогда не помешает.

Ощущение стало еще хуже.

— Что ты слышала?

Она заморгала, нервно огляделась и прошептала:

— Не могу точно объяснить, просто будь осторожен. У тебя больше врагов, чем ты знаешь.

— Это и случилось с Калобом?

Ливия посмотрела мимо него на коридор с Коди и Ксевом.

— Поговорим позже, — и с этими словами она исчезла.

Скривившись, Ник подошел к кровати, чтобы убедиться, что с мамой все в порядке. Он

опустился на колени, затем дрожащей рукой дотронулся до ее нежной щеки. Ему пришлось приложить усилие, чтобы не обхватить ее руками и держать в стальной, как у Кинг-Конга хватке, чтобы больше никто не посмел забрать ее у него снова.

Она открыла глаза.

— Ники?

— Привет, ма.

Она нахмурилась.

— Что ты делаешь здесь, малыш? Разве ты не должен быть на уроке?

— Сегодня школу закрыли пораньше. Из-за погоды отключилось электричество.

Она села и огляделась.

— И у нас тоже?

— Не знаю, не проверял. Я только что пришел домой и пошел проверить тебя, — впервые он смог по-настоящему вдохнуть, позволил ей обнять себя и прижался к ней поближе.

Крепко обнимая, она гладила его по спине, укачивая.

— Ник? Ты в порядке, малыш? Что-то случилось в школе?

— Ага, в порядке. Просто соскучился.

— И я тоже, — засмеявшись, она поцеловала его в щеку. — Хотя не знаю, почему я пошла в кровать. Последнее, что я помню — перебранку из-за молока. Затем я хотела взять бумагу. Хмм... похоже, старею. Теряю память.

Ник фыркнул.

— Ты не старая. Это ты из-за меня стареешь раньше времени, — он подмигнул ей. — Кстати, со мной друзья из школы.

— Как обычно, Калев и Коди?

— Коди и Ксев.

— Ксев... этот милый застенчивый мальчик с чудесным акцентом и эксцентричной прической?

Он улыбнулся от ее мягкого описания нестандартной внешности Ксева, от которой вопили остальные, когда впервые видели его. Некоторые даже вели себя жестоко, именно поэтому Ксев предпочитал кошачью форму. Он был человеком лишь рядом с Ником, Коди и его мамой.

Мама судила о Ксеве лишь по его характеру и сердцу.

— Он самый.

— Ладно, не наводите беспорядок. Сделать что-нибудь для тебя?

«Береги себя и не попадай в неприятности из-за меня», — но он не мог произнести это вслух.

Ник покачал головой.

— Неа, все хорошо, отдыхай, — он отошел от кровати, закрыл дверь и вернулся в гостиную, где ждали его друзья.

Коди выжидающе смотрела на него.

— Ну?

— Она ничего не помнит. Последнее воспоминание — как я ушел в школу.

Ксев подошел к окну, чтобы проверить ворон.

— Где ее нашла Ливия?

— Она не сказала. Только, что подслушала что-то, что не должна была, и так и нашла

ее.

Коди поморщилась.

— И что она могла услышать?

— Понятия не имею.

Коди посмотрела на Ксева, который в свою очередь пожал плечами.

— Я говорил только с тобой и Ником, — он замолчал, потом снова заговорил. — И хотя я не хочу принижать произошедшее с твоей мамой... но думаю, у нас есть проблемы поважнее.

Ник застонал, его затопил ужас. Он сходит в туалет бриллиантом.

— Что?

Ксев отступил и открыл шторы, чтобы показать им темные облака и пустой подоконник. Больше не было ни птички.

— Мемитимы улетели. Учитывая насколько мы удачливы, предположу, что они обнаружили Калеба и сейчас спешат пообедать им.

Глава 7

Хотя Ник принимал в расчет, что Калев был основным блюдом на пиру мемитимов, но боялся пойти за ним, пусть даже чтобы защитить, и снова оставить маму одну. В отличие от Калеба его мама не была демоном-воином, а человеком. Абсолютно беззащитным в их мире.

Это еще одна ловушка?

Коди мягко подтолкнула его к Ксеву.

— Иди, защити Калеба. Ты знаешь, я скорее умру, чем позволю кому-нибудь забрать твою маму. Я позову Сими, мимо нас никто не пройдет. И ты это знаешь. Нас не сдвинуть вместе, и как команда — мы сила.

Лишь тогда он расслабился и кивнул ей.

— Ты лучшая.

— Вспомни об этом, когда я в следующий раз буду раздражать тебя, и ты захочешь порвать со мной.

Засмеявшись, он быстро поцеловал ее, и они с Ксевом перенеслись в довоенный особняк Калеба.

В элегантном черно-белом мраморном фойе они слышали, как бушует шторм и ветер бьется в окна. Все было темным и пугающим, сверкали молнии, кричали вороны. Стекло было разбито, и дождь стекал на пол. Голова каменного ангела валялась около стены, должно быть, ей разбили окно и статуи. Бездушные глаза уставились на Ника, будто обвиняя, что он не участвовал в битве.

Да где же все? Стояла зловещая тишина. Он не чувствовал ни единой живой души в доме.

Испугавшись, что опоздал, Ник побежал, перепрыгивая ступеньки в комнату Калеба. Нахмурившись он смотрел на странную картину.

Калев очнулся и встал. Слабый, бледный, трясущийся, он стоял в углу, держа свой древний демонический меч, Ливия была напротив него. Они были одни в комнате, вороны бились в окна, пытаясь прорваться внутрь, а Калев глупо подстрекал их. Казалось, он скоро потеряет сознание, но при этом все равно выглядел крутым парнем.

— Слава Богу, это вы, — сказала Ливия, тяжело дыша. — А я уж подумала, что мемитимы наконец прорвались сквозь его защитные заклинания. Я боялась и не знала, что мы будем делать, если это случится! О, Ник! Ты снова мой герой!

Ксев нахмурился, испытывая отвращение к ее мелодраматичным восхвалениям, оглядывая стены, покрытые древними маслами и символами, которые Калев использовал, чтобы защитить свое жилище от врагов.

Зарывав, Калев направил свой меч на Ксева.

— Что он тут делает? — отвращение в его голосе сравняло Ксева с шариком жука-навозника.

— Он пришел со мной, чтобы убедиться, что ты в порядке.

— Ну-ну. Уверен, что он не сказал мемитимам, где меня найти, а затем проводил их, чтобы не заблудились?

Ксев скривился от обвинения. Игнорируя Калеба, он подошел поближе к Нику.

— Я...

— Вон! — заорал Калев нечеловечьим голосом и вышел из-за Ливии. Он проявлял всю свою демоническую силу. — Я не хочу видеть тебя здесь!

На мгновение Ник решил, что к Калебу вернулись его силы, пока тот не попытался выстрелить в Ксева. Ничего.

Вместо этого Калев упал на стену, слабо уронил меч и скользнул на пол.

Ахнув, Ливия поспешила помочь ему.

— Все хорошо, Малфас. Я не позволю ничему с тобой случиться. Ничто не пройдет мимо меня.

Ксев с пораженным выражением лица похлопал Ника по спине.

— Я помогу охранять твою мать. Береги Калеба, — он исчез, но Ник почувствовал, как он усилил щиты дома Калеба, чтобы сдержать мемитимов.

А еще запустил мощной волной в ворон, которые завопили и рассыпались по сторонам.

Фыркнув от выходки Ксева и его желания защитить Калеба, несмотря на то, что тот продолжал проклинать и оскорблять его, Ник пошел помочь уложить Калеба в постель.

— Где Завид?

Ливия покачала головой.

— Не знаю, он ушел, когда я вернулась.

Странно. Завиду не свойственно было уходить одному. Как и Ксев, он был не очень общительным и понимал мир людей лишь поверхностно. Современные люди сбивали его с толку, так что обычно он предпочитал избегать их, как социальную чуму. Он готов был соприкоснуться с человечеством только через азартные игры.

Хотя играл он лишь с Калемом и Ником.

— Я просто рада, что вернулась вовремя, — сказала Ливия, подтыкая одеяло Калеба. — Думаю, еще минута и они бы прорвались через барьер к нему.

Калев поморщился, ворочаясь в кровати.

— Где Коди?

— С моей мамой.

Он обманчиво сильным движением схватил Ника за рубашку.

— Береги ее.

— Так и планирую. Не собираюсь в ближайшее время приносить ее в жертву древнему Богу.

Калев, кивнув, отпустил его и со вздохом лег.

— Ух-ты, — сказала Ливия, накрывая его еще одним одеялом. — Коди для него много значит, да?

— Ты о чем?

— Просто заметила, как они друг о друге заботятся. Сколько времени проводят вместе. Если Коди не с тобой, то уединяется здесь с Калебом. Даже поздно ночью. Похоже, они и правда важны друг для друга. Вот бы кто-нибудь так заботился обо мне. Должно быть, это приятно.

Он никогда об этом не думал, но теперь, после ее упоминания подумал, что они часто проводили время вместе. И не смотря на беспокойство, что Коди возможно предаст их в будущем, Каллеб очень беспокоился и следил за ней...

Ник бросил взгляд на кровать, его посетило неприятное ощущение.

Нет. Глупые страхи. Хотя Каллеб и бывал озабоченным, когда дело касалось женского пола, но чаще всего его привлекали женщины постарше и с более выдающимися формами, чем у Коди.

Его девочка не тот тип, что нравится Каллебу. Вовсе нет.

Кроме того, ни Каллеб, ни Коди не поступили бы с ним так подло.

Да?

Да, нет. Отказываясь заикливаться на этом, Ник хмуро посмотрел на Ливию.

— Так о чем ты хотела поговорить?

Она взяла его за руку и вывела из комнаты Каллеба. Она заговорила очень тихим шепотом.

— Я хочу, чтобы ты был осторожен, Малачай. Многие хотят навредить тебе. Не уверена, что ты знаешь сколько врагов тебя окружает каждый день.

Он придержал смехок. В этом она точно ошибалась.

— Думаю, я прекрасно осведомлен.

— Да? — она указала на разрушенный мемитимами дом Каллеба.

— Тогда ты в курсе, что Каллеб ищет способ избавиться от служения тебе?

Ого, это застало его врасплох. Он и понятия не имел.

— Что?

Она кивнула.

— Я думаю, это ослабило барьеры и позволило им войти. Он призывал могущественные силы, пытаясь найти кого-то, кто сможет забрать его душу у тебя. Возможно поэтому сейчас он без сил. Думаю, он заплатил ими. Ты можешь умереть, а он бессмертен, и он освободится от связи с твоей кровью.

Может ли это быть правдой?

Ник тяжело сплотнул, размышляя над тем, что было не таким уж надуманным. Каллеб правда хотел свободы так сильно, что был готов умереть за нее.

— Он мне этого не говорил.

— Конечно, нет. Зачем ему? — Ливия прикусила губу. — Я могу ошибаться, но нахожу странным, что все началось после того, как он якобы помог тебе запечатать врата, так?

Она кивнула, в ее темных глазах была грусть.

— Знаешь, если кто-то с его помощью уберет тебя, то ему могут легко даровать свободу в качестве вознаграждения. Я знаю, что Нойр и Азура будут бесконечно благодарны и рады поощрить за такое.

Ник нахмурился еще сильнее, обдумывая сказанное. Да разве такое возможно?

Каллеб мог продать его?

Она тяжело вздохнула.

— Прости, мой лорд. Я не хотела огорчать тебя возможной правдой, учитывая то, что остальные тебе лгут. Знаю, как это должно быть тяжело.

— Ты о чем?

— Ну... знаешь. Первое, ты обнаружил, что не человек. Что женщина, которую ты считал доброй крестной, замаскированная богиня, скрывшая твое рождение и связавшая твои силы. Что твой отец не тот, кем ты его считал. Что он не только преступник, но и демон, скрывающийся среди них. Что он хочет твоей смерти, чтобы ты не унаследовал его силы. Потом ты узнал, что Калерб не твой школьный друг, а демон, посланный отцом, чтобы присматривать за тобой и убить, если понадобится, чтобы не дать тебе впитать его силы и стать Малачаем. Что Никода, девушка, посланная вырвать твое сердце врагами и доставить его им, прежде чем ты заявишь о своем праве, данном при рождении, и сразишься с ними в полную силу. Твоя собственная мать скрывала от тебя тайну твоего рождения. Она заставила тебя считать, что заботится о твоём отце, вместо того, чтобы сказать, как сильно его ненавидит и что на самом деле произошло между ними. Есть хоть кто-то в твоей жизни, кто не лгал тебе?

Он поморщился от того, как она обнажила раны его невероятной жизни и всей ее реальности. Она была еще страннее, чем можно выдумать. Если бы он написал книгу или снял фильм, никто бы в это не поверил.

Да он и сам иногда не верил.

Но она ошибалась в одном. Один человек всегда говорил ему правду.

— Бабба, — сказал он, защищаясь.

Она приподняла бровь.

— Уверен?

Был, пока она так не посмотрела на него.

А теперь...

— Уверен, — но в его тоне слышалась неуверенность, которую она вызвала.

Она рассмеялась.

— Ты такой милый и наивный. Именно это я в тебе и люблю.

Ну, точно. Он был противоположного мнения. Никто не мог применить слово «наивный» к Николасу Амбросиусу Алойзиусу Готье.

— Да брось ты. Я был рожден с броней, — у него были серьезные проблемы с доверием миру. Никто не мог надеть на него розовые очки.

Губы Ливии скривила коварная усмешка.

— Это ты так думаешь. Но поверь мне, ты слишком наивен.

— С чего бы?

— Бабба сказал, что никогда не причинит тебе боль, что всегда будет за тобой приглядывать, а теперь встречается с твоей матерью. Как думаешь это закончится? Он поставит свой эгоизм выше твоих интересов. Рано или поздно все закончится, он причинит тебе боль. Вы оба это знаете.

Отступив от Ника, она соблазнительно прикусила губу.

— Когда интрижка с твоей матерью закончится, ты не будешь с ним больше разговаривать. Потому что ей будет очень больно, если ты будешь с ним общаться. Так что единственного отца, которого ты знал, вырвут из твоей жизни. Бабба это знает, ты это знаешь. Может, этого он и хочет. Может, он хочет, чтобы ты исчез, но не может сказать.

Эти слова были как пощечина для Ника. Это правда? Бабба правда хочет убрать его из

своей жизни? Может, он всего лишь досадная помеха для этого большого парня?

— А что же Марк? — спросила она. — Думаешь, ему нравится играть в твою няньку? Они взрослые люди, Ник, а ты просто надоедливый ребенок. И даже не их. Ты для них ничто, дай возможность и они от тебя избавятся.

Эти слова причиняли боль. Он сильнее сжал зубы. Она права, у него и в прошлом были подобные страхи, но он не хотел верить в них.

А сейчас...

— А еще твой босс Кириан. Двухтысячелетний греческий генерал, скрывавший от тебя правду о себе, слуга богини Артемиды. Не буду перечислять всех секретов Ашерона. Он не просто Темный Охотник, Ник. Не просто атлант. Он древний бог. Но он умрет, но не позволит тебе узнать о нем. И когда ты узнаешь правду, станешь его худшим врагом. Он приговорит тебя к смерти за эти знания. И его проклятие направит тебя на путь, который ты так хочешь избежать. На путь, от которого ты изо всех сил бежишь.

По его спине побежали мурашки, когда она подтвердила его подозрения о древнем атланте. То, от чего Ашерон отлично уклонялся, когда Ник задавал вопросы.

— Как я уже сказала, ты окружен лжецами, которым нельзя верить. Людьми, лгущими тебе в лицо. У всех них большие секреты. Почему? Потому что они тебе не друзья не смотря на то, что ты думаешь. Ты им безразличен, Ник. Если бы это было иначе, они бы рассказали тебе все. Но они не хотят приближать тебя к себе. Они не хотят, чтобы ты узнал о них правду, потому что ты не имеешь никакого отношения к ним. Ты ничто.

Правда ранила его глубоко в сердце. Но он отказывался показать ей это. Ник не тот, кто вручает подобную силу другим. Он сохранит боль при себе, ее можно видеть лишь Коди и его матери.

— Мне нужно проверить Завида.

— Того, кто говорит тебе в лицо одно, а за спиной другое.

— Что? — он не смог остановиться и ахнул. — Что он говорит?

— Он тебе тоже не доверяет, считает тебя слабым. Маленьким сыночком, который не может завязать ботинки без ее помощи. Он тебя жалеет.

Ник обиженно смотрел на Ливию. Так тяжело сдерживать эмоции. Это... просто ослепило его.

Он и не знал, что Завид так думал, особенно после того, как Ник спас ему жизнь.

— Не я это сказала, — она невинно хлопала ресницами. — Сообщаю для твоей же пользы. Ты должен знать, что они думают на самом деле, что говорят, когда тебя нет. Я никогда не буду так относиться к тебе, я слишком хорошего о тебе мнения.

Прикусив губу, она подошла к нему поближе.

— Я знаю, каково быть одной, когда некому доверять, некуда пойти, — она встала на цыпочки, чтобы поцеловать его.

Ник отступил, прежде чем их губы встретились. Пусть Ливия и была привлекательной девушкой, но она не была его типом, и он никогда бы не причинил Коди такую боль. Он не такой и никогда не хотел быть слизняком. Сердце — священо, и когда кто-то доверяет тебе его, ты обязан поддерживать доверие к себе. Ник не собирался попускаться своей честью.

— Мне нужно узнать, почему Завид оставил Калеба одного.

— Малачай!

Он проигнорировал ее и ушел. Каждая молекула его тела говорила, что нужно установить как можно большее расстояние между ними, и как можно быстрее.

В кои то веки он себя послушал. Ему нужно обдумать это без ее голоса в голове, без того, чтобы ему говорили, какое он ничтожество.

Ник пробежал вниз по ступеням и вышел за дверь, ища Завида. Как только он оказался за защитным барьером, на него с криками напали мемитимы, как сошедшие с ума фанатки. Выругавшись, он выставил руку и раскидал их по сторонам.

— Демоны, пожалуйста! Я не ваш дружок. У меня на это нет времени!

Самый ближайший посмел зашипеть, как кошка.

— Малачай защищает Малфаса? Почему? Мы хорошо тебе служили. И ты смеешь встать на сторону врага после того, как тот нас всех предал? Да как ты посмел?

Ника ошеломила его ярость.

— Во-первых, вы служили не мне. Вы сражались за какого-то моего предка, я даже имени его не знаю. Чувак, серьезно? Эту карту разыграть не удастся, она не поможет победить. Во-вторых, Калев влюбился и ушел с войны, о которой ты говоришь. Как его можно за это винить? Это вы пришли за ним, когда следовало просто оставить его с женой жить в покое и счастье. Если вы не хотели, чтобы он напинал ваши задницы, следовало остаться дома. Все дело в вас, не в нем.

Лидер мемитимов громко каркнул.

— Он знал секреты, которые мог передать нашим врагам. Мы не могли позволить ему жить со знаниями, которые были способны уничтожить нас.

— А вы знали его, так что это привело бы к взаимному уничтожению. Опять же, вы могли оставить его в покое, но не сделали этого. Так что все честно. Это вы пришли за ним. Он вас победил, смиритесь и оставьте его в покое.

Они снова поднялись в воздух и как темный циклон атаковали барьеры Калеба. Но, по крайней мере, они больше к нему не приставали. Ник не знал, радоваться или нет.

Волнуясь, он вздохнул от их упрямства. Ну, да. Этого они хотели для своих вновь обретенных жизней. Ему это казалось полнейшей глупостью. Зачем продолжать в том же духе, если можно сделать что-то положительное и конструктивное.

Например, купить бенье и кофе.

Найти себе девчонку и радостно проводить время наедине по-взрослому.

Зачем выбирать смерть, если можно выбрать жизнь? Где девчонки демоны-вороны, которые могут их убедить? Ну правда?

Потрясенный такой глупостью, Ник стоял и наблюдал, как они волна за волной налетали на защитный барьер Калеба. Он не был уверен, то ли его шокирует, то ли впечатляет их настойчивость. А еще это подтверждало силу Калеба, ведь он мог его сдерживать, даже будучи истощенным. Но все же... он жалел обе стороны.

Мемитимы не смогли простить даже спустя многие века, а Калев не мог продолжить жить из-за их упрямства.

Зачем заикливаться на прошлом, если у тебя есть чудесное завтра, которое можно испортить? В его голове всплыло любимое выражение Марка. Оно прекрасно подходило под ситуацию. Особенно, когда он наблюдал за их безумием. Они были так сосредоточены на Калебе, что уничтожали себя, пытаясь добраться до него.

Разве оно того стоило?

Точно нет.

«Блин, надеюсь я никогда не буду таким глупым. Хотя, признаюсь честно, чаще всего я тот еще тупица».

Но он никак не мог помочь им с их идиотским поведением сегодня. Сейчас у него ренегат-демон, который возможно оказался по уши в проблемах, и его надо найти. Еще нужно охранять маму и избегать дурацкой погоды.

И решить странную загадку.

Он уставился на мемитимов. Как мне избавиться от них? И снова он нутром почувствовал, что что-то не так.

Что его время на исходе.

Неожиданно, мемитимы разлетелись, будто в испуге. Да, плохой знак.

Ник скривился, когда как предзнаменование, сверкнула молния, едва не попав в него. Это ошеломляло, но не так, как красивая девушка-подросток, которая вышла из нее и с любопытством уставилась на него.

Она была сухой не смотря на погоду, с кожей цвета карамели и замысловатыми темными косами, обрамляющими лицо. Но все его чувства всколыхнула не ее красота, а исходящая от нее сила. Это был живой источник энергии. Если бы она назвала себя Азурой, он бы не удивился. Настолько она была сильной.

На ней была короткая юбка и открытый топ. Она встретила его изумленное выражение лица, пожав плечами, и медленно, соблазнительно приблизилась к нему.

— Ты хотел, чтобы они ушли — они ушли.

Да, но он не был уверен, стоит ли благодарить ее или бежать в противоположном направлении, крича как детсадовец, который только что встретил Фредди Крюгера.

Он голосовал за второй вариант.

— Ты кто?

Она улыбнулась.

— Разве ты не знаешь?

— Понятия не имею.

Она остановилась рядом, обняла его плечо и волосы. Странненько. Он все больше склонялся ко второму сценарию.

— Ты Малачай?

Ник колебался с ответом, из ее уст это звучало почти как оскорбление. Хотя когда такое могущественное существо задает вопрос, лучше всего ответить прямо.

— Маламожетбыть?

— Обхватив его лица руками, она прижалась своей щекой к его и глубоко вдохнула.

— Ты не Монакрибос, — это имя первого проклятого Малачая... похоже она знала о его роде, раз упоминала имя его предка. Большинство его не знали.

Или же она как Ксев и Калёб старше грязи.

— Я... — Ник колебался. Технически, он был Амброузом Малачаем, но пока не хотел брать это имя, считая его дурным. Пусть это и было так, но сейчас было опасно произносить это проклятое слово. Чем дольше он не будет этим монстром, которым ему суждено было стать, тем лучше. — Ник.

Она скривила губы, отодвинувшись.

— Какое глупое имя для Малачая. Что за дурак тебя так назвал?

— Прости, что? Моя мама чудесная леди.

Она приподняла брови, и Ник слишком поздно понял, что Малачаи должны ненавидеть своих матерей, а не защищать их.

— Ты все еще не сказала, кто ты такая.

Она, склонив голову, хмуро рассматривала его.

— Как может столь сильный Малачай не узнать меня?

Может, потому что он еще не до конца научился управлять своими силами? Но опять же, он не собирался признаваться в этом перед тем, кто может подмести им улицу.

— Ты Ирре? — казалось разумным, что она наездница, которая едва не переехала его в школе. Похоже на то. Они обе были одеты в белое, пришли из ниоткуда и ошеломили его.

Она покачала головой и рассмеялась.

— Я что, похожа на эту корову?

Нет, она была очень хорошенькой. Достаточно хорошенькой, чтобы навлечь на него проблемы, если Коди заметит, как близко к нему она стоит.

Ник отступил.

Она последовала за ним. Она провела рукой по его волосам с обожанием во взгляде.

— Разве ты не чувствуешь связь со мной?

Он чувствовал лишь предательскую часть тела, которая хотела соединиться с ней. Но он знал, что к ней лучше не прислушиваться. У нее свое мнение, и если послушаться, то можно попасть в крупные неприятности.

— Не совсем понимаю, о чем ты.

— Понимаешь. Ты точно знаешь, о чем я говорю. Твоя кровь говорит тебе, кто я такая.

— Неа, не чувствую ничего, — кроме срочного желания убраться от нее подальше, пока она не втянула его в неприятности, включая кучу извинений и побрякушку из Джареда. Он знал, что говорил. Он никогда не разрушит доверия Коди и не разобьет ей сердце.

Он так не поступит намеренно.

Ник замер на полпути, когда в его голове появилась картинка. Он увидел девушку в древних доспехах на многоглавом драконе. Воспоминание от одного из предков Малачая. И теперь он знал имя богини.

— Тиамат.

Она кивнула.

— Вот видишь, ты меня знаешь.

В каком-то роде. И он знал о ней кое-что еще...

— Ты же умерла.

Ее смех был как музыка для его ушей.

— Никто не сможет убить столь могущественное существо, как я. Ты просто изменил мое состояние. Так зачем ты прервал мой сон и призвал меня, Малачай?

От этого вопроса по его спине пробежал холодок.

— Я тебя не призывал.

Она нахмурилась и мягко дотронулась до его щеки.

— Это всегда ты, Малачай. Ты разве еще этого не понял? Кроме того, кто бы еще посмел потревожить меня?

— Кто-то, желающий умереть?

Она рассмеялась.

— А ты нахальный, да?

Не в этот момент. Ему было неприятно признавать, но он был скорее напуган. Она была самой опасной из богов хаоса. Она породила больше монстров, чем Ехидна.

Если хорошо подумать, то она могла и Ехидну породить. У него были проблемы с мифологией.

Опустив голову, она отступила, как будто прислушиваясь к голосам в эфире, которые сводили с ума Ника каждый раз, когда он пытался их понять. Ее глаза стали ярко-красными. Она убрала руку от его лица.

— Как бы не хотелось остаться поболтать, мне нужно многое сделать и у меня мало времени.

Она исчезла так быстро, что он даже глазом моргнуть не успел.

Как только она ушла, на него хлынул дождь. Блин. Он нутром чувствовал что-то плохое. Неожиданно все вокруг него замерло. Даже дождь. Нет, не просто замерло. Замерзло, как на картине. Ник медленно обернулся, пытаясь понять, что же происходит.

Ему казалось, что он выбился из общего ритма, из времени. Это как находиться в Нижнем мире или в темноте между измерениями. Только он не заблудился или переместился. Он был в своем времени и измерении.

Просто сбит с курса.

Как зубчик шестеренки, который постоянно смещался. А затем он почувствовал это... присутствие, которого он давно не ощущал.

«Амброуз?»

«Найди Глаз» — едва слышный шепот.

«Что? Какой глаз?»

«Глаз Ананке» — рядом с ним прозрачной тенью с красными глазами появился Амброуз. Он это понял лишь потому, что было заметно слабое тату Артемиды — двойной лук и стрелы. Это отметка, через которую однажды греческая богиня вытащит его душу.

Знакомый красный демонический взгляд буравил Ника.

— Не стоило пытаться изменить будущее. Мы были рождены проклятой мерзостью, которую вообще не должны были зачать.

Амброуз тяжело задышал и упал на колени на дорожку за ним. Он посмотрел на Ника со скорбным выражением лица.

«Послушай, Ник. Тебе нужно найти Глаз и пойти своим истинным путем. Тем, что мы должны были пойти, пока я все окончательно не испортил. Быстро! Это наша единственная надежда. Ты должен держаться нашего изначального курса. Поверь мне. Пожалуйста! Не сходи с пути!»

В этот момент его глаза стали голубыми, как те, что Ник видел в зеркале каждое утро.

«Из всех своих ошибок, я больше всего жалею о том, что отнял у тебя годы, когда ты еще мог мечтать о нормальной жизни. В твоем возрасте я ничего не знал о мире Кириана, Темных охотниках, древних богах, Вер-Охотниках. Я был просто глупым мальчишкой, с глупыми детскими мечтами», — он горько рассмеялся. — «Я думал, что стану отличным адвокатом. Что у меня будут жена и дети...»

Его глаза покраснели.

«Прости, что забрал это у тебя. Я просто хотел спасти нас, дать нам надежду».

«Широкие ворота ведут к разрушению», — сказал Ник, цитируя любимое выражение мамы, — «в них входят многие. Но узкие ворота и прямой путь ведут к жизни, и лишь немногие найдут их».

Амброуз фыркнул.

«В ад ведет много дорог, а в рай лишь одна», — он посмотрел вверх на Ника. — «Я проиграл войну. Сражаясь, я сделал все только хуже. Найди Глаз и измени наш путь. Нам нужно вернуться, чтобы продолжать двигаться вперед. Это наша единственная надежда.

Всадники вырвались и они собираются добраться до тебя, братец. Действуй быстро и продуманно, иначе мы пропали. Тебе столько всего надо сделать, что я даже не могу сказать тебе, как все исправить. Но Глаз может».

Он медленно встал.

«Больше я не смогу помогать тебе. Ты сам по себе».

Ник хохотнул.

«Я неплохо с этим справляюсь. Я пришел в этот мир один, так я его и покину... Я был рожден стоять прямо и огрызаться. Я гордый и сильный каджун с первого до последнего вздоха».

Амброуз расправил крылья, и стал Малачаем. Кожа стала красной с черным, глаза утратили зрачки. Блестели клыки и когти, он схватил Ника за подбородок и склонил голову, чтобы встретиться с ним взглядом.

«В конце концов мы Малачаи. Сейчас и навсегда. Никогда не забывай об этом», — запрокинув голову, он выпустил в небо струю синего огня и исчез.

Ник стоял и трясся, а все вокруг него становилось нормальным. На него снова хлынул дождь. В голове он видел, что сделал Амброуз. Ник видел жуткое будущее, ожидавшее его, но отказывался бояться, стоя под холодным, зимним дождем. Он отказывался дать победить судьбе и Амброузу.

«Я не стану тобой, старик».

Он найдет Глаз и поймет, где ошиблись Амброуз и остальные. Он остановит то, что тот испортил в своей жизни, натворил со своей семьей и друзьями.

Но больше всего он хотел убедиться, что никогда не исполнит свое предназначение — не уничтожит мир. Коди верила в пророчество, в котором говорилось, что один Малачай спасет свой род. И он верил ей. С первого дня своего рождения он отличался от остальных. Пока еще не время менять это. В отличие от Амброуза, он не собирался сдаваться.

Он живет, пока дышит. Пока он жив, надежда есть. Пока есть надежда, возможна победа.

Жизнь не для того, чтобы просто выживать. Жизнь для того, чтобы бороться каждую минуту.

По его спине побежали мурашки, когда он вспомнил слова отца. Малачаев не забудут никогда. Но от тебя зависит, как их будут помнить.

Ника Готье не будут помнить, как труса или злодея. Он станет героем и чемпионом. И он не сдастся без борьбы не на жизнь, а на смерть.

Он пошел за Завидом, но тут зазвонил его телефон. Это была Коди. Он немедленно ответил.

— Привет, милая, как дела?

— Ты где?

— Возле дома Калеба. А что? Что-то нужно?

— Ты, и как можно быстрее. Нечто пришло сюда за твоей матерью.

Глава 8

Как только Ник появился в своей гостиной, его тут же подняли на ноги и изо всех швырнули на деревянный пол, выбив из него дыхание. Лежа на спине, он громко застонал, в ушах звенело. Блин, больно! Он мог лишь кашлять и хрипеть. Как будто его сбил восемнадцатиколесный грузовик, летящий быстрее скорости света.

Или Бабба, которому не дали посмотреть эпизод Опри.

«Кто-нибудь, засуньте мне в рот ингалятор».

Ну ладно, он не астматик, но ему хотелось проверить его действие, так как у него горели легкие.

— О, нет. Акри-Ники, ты в порядке? Сими не знала, что это ее любимый голубоглазый демон-мальчик, когда она сильно ударила его, чтобы защитить драгоценную акра-маму. О, нет! — Сими наклонилась над ним, ее чудесное личико обрамляли красно-черные косички. Она похлопала его по щекам, чтобы привести в чувство. — Ты все еще живешь, дышишь и не сломан? Если ты мертв, то можно Сими съест твои сочные останки? Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста? Может, и косточки какие, потому что костный мозг по-своему вкусен.

Станный вопрос для нормального человека. Но те, кто немного выбивался из этой категории, знали, что в жизни Ника и его окружении не было ничего нормального. Так как Сими была демоном-чаронте, ее привлекало человеческое мясо, но к счастью для человечества, она не могла в него впитаться без разрешения его хозяина или своего отца. И обычно акри ей его не давал.

Слабо богу.

Ник смотрел в ее голубые, дружелюбные глаза. Она была милой и очень преданной для такого кровожадного существа. Эдакий пушистый убийца, нападающий на кролика.

На ней было короткое черно-белое платье с черепом и розовая худи-сетка на нем. Ее леггинсы в красно-черную полосу подходили к ее волосам, еще на ней были черные с красными цветами ботинки Док Мартенс.

— К твоему несчастью, Сими, думаю, я буду жить, — прохрипел он. — Хватит меня шлепать. Я итак уже потерял часть мозга, не могу терять еще клетки. Мне нужны последние три, чтобы не забыть, как пишется мое имя. Его слишком сложно произносить.

— Вот фигня, — она мило надула губки. — Не, не то, что ты жив, потому что Сими, скорее всего скучала бы по тебе, но жаль, что мне не досталось старое доброе мальчишечье мясо.

Она потыкала его в ребра.

— Хотя тебе стоит поправиться, чтобы ты стал деликатесом, — она облизнула губы, будто представляя, какой он на вкус с соусом барбекю, который обычно выбирала Сими.

Ну, ладно. Не желая думать об этом, Ник сел и увидел скривившегося Ксева.

— Мог бы и предупредить об атаке Сими, ты же стоял на дверях.

Ксев безразлично пожал плечами.

— Я не был уверен, что это ты. Кроме того, она напала на тебя мягче, чем это сделал бы я, — он преувеличенно удивленно осмотрел Ника. — Смотри, ты еще и целый. Так что прекрати ныть, как младенец, пока я не попросил Сими подзакусить тобой.

Скрестив руки на груди, Ксев мотнул головой на дверь спальни.

— Коди с твоей мамой, она по какой-то причине без сознания. Что бы мы не пытались, не можем разбудить Чирайз.

— Может, дело в Тиамат? Я видел ее перед тем, как пришел сюда.

На мгновение Ксев замер, Ник даже решил, что все снова застыло, пока тот не моргнул медленно.

— Найриа?

Он побледнел. Из комнаты вышла Коди.

— Как ты меня назвал?

Он проигнорировал ее вопрос.

— Тиамат на свободе.

Краска схлынула и с лица Коди.

— Что? — она посмотрела на Ника, желая получить подтверждение. — Уверен?

Ник кивнул.

— Она была у Калеба, решила, что это я призвал ее.

— Ты это делал?

Стоит обидеться из-за того, что она спрашивает? Часть его так и думала, учитывая, что только полный урод сделает такую глупость. И пусть он иногда бывал выдающимся дураком, но не настолько невнимательным.

По крайней мере, он такого не помнил.

— Без обид, но я не имею такой привычки, призывать незнакомых богов. Особенно тех, о которых раньше не слышал. Я даже в компьютерные игры не играю, после того, что случилось с Мадугом. Это каким же тугодумом я выгляжу? Только не надо на это отвечать, у меня хрупкое мужское эго, — Ник нахмурился, когда Ксев вынес его маму, которая была без сознания, и положил ее на диван между ними. — Ты что творишь, дружище?

— Не выпускаю ее из виду. Не позволю, чтобы меня винили в том, что с ней что-то случилось и не позволю этому произойти в свое дежурство, — Ксев положил ей под голову маленькую круглую подушку, накрыл ее розовым вязанным одеялом, которое она накидывала на спинку дивана, и занял пост у ее ног. Он смотрел на нее, положив правую руку на ее ногу.

Ладушки, он немножко параноик.

И в этот момент до Ника дошла вся тяжесть травмы Ксева. Древний экс-бог был на пороге панической атаки. И похоже, тяжелой. Такая была у Ника, когда учитель химии неожиданно устраивал тест.

— Ксев?

Он не слышал его. Ксев тяжело дышал и явно был не с ними. Как будто он видел кошмар наяву.

Ник обменялся с Коди обеспокоенными взглядами и подошел к Ксеву поближе.

— Ксевикан! — тот не отвечал, продолжая смотреть по сторонам, будто ожидая невидимого нападающего.

Или несколько тысяч нападающих.

Ник убрал руку Ксева с ноги матери и заставил его отодвинуться.

— Даразурсис! — он надеялся, что правильно произнес имя.

И лишь тогда Ксев смог сосредоточиться на лице Ника. Но все еще оправился не полностью.

«Они приближаются», — сказал он уверенным и напряженным голосом. — «Нужно защитить женщин и детей. Они ударят по слабому месту. Оставайся с остальными, мне нужно добраться до Лил и предупредить ее. Она будет первой целью. Если они доберутся до нее первыми, то нейтрализуют силы Калеба и сокрушат ворота».

Ник скривился от муки в его голосе. Лил была женой Калеба, Лилианой. В ее смерти Калев винил Ксева. Но слова и поведение Ксева не указывали на то, что он предал его и провел врагов через ворота. Скорее уж он сделал все, что смог, чтобы спасти ее.

— Ксевикан! — попробовал он снова.

Ксев, вздрогнув, повернулся, и тут на стене зажегся один из символов. Его глаза расширились от узнавания, затем потемнели от горького гнева. Он зашипел, как кот и попятился.

К нему медленно приблизилась Коди.

— Ксев? — она мягко дотронулась до его груди. — Ты с нами?

Все еще тяжело дыша, он накрыл ее руку своей и держал ее, будто она была такой же ценной для него, как и для Ника. Он сжал челюсть и медленно кивнул.

— Чувствуете это?

— Чувствуем что? — спросила Коди.

Он посмотрел на Сими.

— Чаронте?

— Проклятый бог? — раздраженно ответила она.

Ксев закатил глаза, подошел к двери и встал в оборонительную позицию рядом с ней. В руках он создал файерболы, и тут кто-то постучал.

Ник нахмурился.

— Знаешь, Экс, по моему опыту, плохие парни не стучатся.

Он улыбнулся фальшивой улыбкой.

— Стучатся, когда их злобной породе необходимо приглашение, чтобы войти.

И тут его желудок сжался от страха. Ксев был очень даже прав. Даймоны и некоторые другие существа нуждались в приглашениях в дома, чтобы сеять там хаос и причинять вред. Ник пожалел, что не живет той жизнью, в которой ничего не знал бы об этом.

Отлично. Просто отлично. Еще один кошмар.

Надеясь на лучшее, Ник посмотрел в глазок, затем посмотрел на Ксева, как на идиота.

— Выключи свою паранойю. Это всего лишь моя крестная. Полиция связалась с ней после исчезновения мамы, и она решила нас проводить. Она ростом не больше пяти футов и весит фунтов девяносто. Не думаю, что нам стоит ее бояться. А вот она, скорее всего, в ужасе. Не хватало еще, чтобы ты довел ее до сердечного приступа.

Открыв дверь, он втянул в квартиру крохотную креольскую акушерку, которая принимала его своими руками.

— Привет, тетя Менни.

Она сжала его в объятиях, ее косички щекотали его нос.

— Привет, Страшилка. Надеюсь, ты не против. Учитывая эту странную ситуацию, мне захотелось проверить тебя и твою... — У нее пропал голос, когда она посмотрела через его плечо на Ксева. Она ахнула, ее глаза стали огромными.

Ник закрыл дверь, не думая о ее реакции, потому что большинство впервые смотрело на Ксева, как на аномалию, Снежного человека или гадкого старшего братца, помешанного на стероидах.

— Меньяра, это...

— Мы уже знакомы, да, Кэм? — у Ксева был такой холодный голос, что заморозил бы сосульки на мосту Пончартрейн в августе.

Меньяра отшатнулась и упала бы, не поймай ее Ник.

— Менни? Ты в порядке?

— Что ты наделал, Ник? — прошептала она испуганным голосом, продолжая пялиться на Ксева, будто тот был дьяволом во плоти.

— Что ты наделал? — повторила она.

Ксев смотрел на нее.

— Интересно то, что ты винишь его, когда все началось с тебя, твоих братьев и сестер.

Покачивая головой, Меньяра по очереди обвела их всех взглядом: Ксева, Сими, Коди, Чирайз, затем прикрыла глаза.

— Кто высвободил силы Ника? Во имя Создателя, кто это сделал? Вы хоть понимаете, что наделали?

Коди прикусила губу, затем объяснила их поступок:

— У нас не было выбора. Душу Ника отделили от его тела враги, желающие ослабить его, чтобы убить. Только так мы могли спасти его и вернуть в эту реальность, спасти ему жизнь. Если бы мы не действовали быстро, он бы уже был мертв.

Меньяра тяжело вздохнула, села в кресло и положила голову на руки.

— Нужно было прийти ко мне.

— Я пыталась, правда, — начала Коди, но Ксев остановил ее.

Он заговорил тоном, с которым терпеливые родители говорят с любимым ребенком:

— Это не ты, маленькая. Все началось до того, как тебя послали сюда убить Ника. До того, как тебя завербовали. Не позволяй ей сложить все свои грехи на твои плечи.

Его глаза сверкнули красным, Ксев гневно скривил губы, приближаясь к Меньяре.

— Как ты могла так поступить с ними? Ты не выучила за века, что не стоит подделывать судьбу и свободу воли людей? Что не стоит играть с чужими жизнями?

Меньяра посмотрела вверх и встретила с его взглядом, не мигая.

— У нас не было выбора. Ты не представляешь, каким сильным стал Адариан. Каким опасным он был для всех, кто вступал с ним в контакт.

— И чья это вина?

Она проигнорировала вопрос.

— Мы больше не могли контролировать его. Он вырвался в этот мир. Монстр, которого не остановить. Мы даже найти его не могли. Все, что мы пытались сделать, провалилось. Он стал угрозой, в любой момент мог прийти к нам и победить. Вырвать наши глотки и, смеясь, пить нашу кровь со своих кулаков. Это была единственная надежда победить его. Единственный способ, который мы могли придумать, чтобы замедлить его и вернуть на цепь.

— Усилив его? Кто придумал эту чудо-идею?

— Это должно было ослабить его.

Ксев нахмурился.

— Вы не имели права вовлекать невинную жизнь, не сказав ей, что делали! Не спросив разрешения! — он мерил комнату шагами, как чудовище в клетке, которое ждет возможности напасть на своего мучителя, и им была Меньяра.

— Мы имеем право делать все, что нужно, чтобы защитить невинных мира сего. Одна жертва ради миллиона остальных. Справедливый обмен.

Но Ксев все еще отказывался принять ее логику, вцепившись в свои аргументы.

— Вы не имели права решать это.

Она проигнорировала его гнев.

— Люди не смогли противостоять усумгаллу века назад, когда знали о них и были готовы к битве. Теперь... они беспомощны перед Малачаем и его союзниками. Они даже не знают о них. Что уж говорить об армии против них или магии и элементах, чтобы связать его! И что мы должны были делать? Стоять в стороне и наблюдать, как вы косите людей

ради собственного удовольствия?

Сжав челюсть, Ксев в ответ замер, будто что-то понял. Его дыхание стало тяжелым, он встретился с разгневанным взглядом Меньяры.

— Ее отец не Верлайн. Не может этого быть. Я бы почувствовал, ведь мы бы были братом и сестрой.

— Нет. Азура стерилизовала его, опасаясь, что он породит дитя, способное убить или пленить ее.

— Ризар?

— Пропал много веков назад. Никто не знает, что с ним произошло.

На его лице появился ужас, он повернулся к Нику. Он смотрел на него, будто никогда не видел раньше. Будто смотрел на него другими глазами.

Затем он перевел взгляд на мать Ника, и на мгновение Ник решил, что Ксев убьет Меньяру.

Или его стошнит.

— Вы выбрали для этого задания воина света, — это было тихое утверждение, а не вопрос.

— Другого не было. Нам нужен был отец, рожденный прямо из Источника Калосум. Он был ближе всего к тем, кто мог породить подходящую дочь.

Ксев поморщился, прикусив губу.

— Они люди, а не глупые пешки для твои эгоистичных игр, Кэм.

Она уставилась на него.

— Никто не знает это лучше меня. Я все делала для защиты других. Ради защиты и пользы, ради моей любви к этому миру и его обитателям. Именно я осталась в этой дыре, чтобы наблюдать и защищать. Чтобы быть здесь все время ради них.

Но взгляд Ксева все равно осуждал ее за поступки.

— Он хотя бы знает, что стал отцом?

— Конечно же нет. Если бы он узнал правду, это стало бы катастрофой глобального масштаба. Его дочь зачали, приняли и отправили к обычным родителям, которые ее удочерили. Никто и не предполагал, что она нечто большее. Она не знала, что ее удочерили. Она считает, что родилась от приемных родителей.

Ксев горько рассмеялся.

— И все равно вы сделали это не уведомив его, без его согласия. Вы нарушили все законы нашей жизни. Использовали его и ее мать. А мать знает? Хоть кто-то из них?

— Нет. Мы не могли позволить им это. Они могли предупредить Адариана. Мать встретила его лишь раз... в баре, привела его домой. Она думала, что он человек, просто проездом в ее городе.

Он выругался.

— Как типично для вас. Вы вывели их на линию огня, не предупредив или защитив. Они ничего не знали и не понимали. Да как вы могли?

Ник свистнул, перебивая их.

— Эй? Кто тут понимает, о чем они вообще говорят?

Даже Сими не подняла руку, а это говорило о многом. Сими обычно знала все.

В этот раз она лишь пожала плечами.

Ник перевел внимание на тех двоих, что знали.

Меньяру и Ксева.

— Так, тогда может один из вас прояснит? Пожалуйста? Потому что, похоже, вы обсуждаете мою жизнь и мою семью. И у меня дурное предчувствие.

— Давай ты, — Ксев скрестил руки на груди и уставился на Меньяру. — Твое зачатие и рождение не были случайностью, Ник. Все твоё существование — ловушка для твоего отца.

Уж лучше бы это было шуткой.

— Прости, что?

Ксев повернулся к нему, медленно кивнув.

— Именно поэтому ты такой сильный и опасный, и поэтому отличаешься от предыдущих Малачаев. Ты не просто потомок Мавромино. Как и в первом Малачае, который начал все это, в тебе тоже есть кровь воина Сефирота.

Эти слова были для Ника как удар под дых.

— Прости, что?

Коди резко вдохнула, Сими раскрыла рот так широко, что показались ее клыки.

— Это дает нам надежду для него, — Меньяра встала и посмотрела в лицо Нику. Она сглотнула, заламывая руки. — Но все должно было случиться не так. Все.

Меньяра, нахмурившись, пыталась объяснить им:

— Дитя, ты должен понять. Мы не хотели навредить ни тебе, ни твоей матери. Наши намерения были иными. Мы лишь хотели обуздать силы Адариана. Удержать его гнев и исполнить пророчество, данное нам столь давно.

Ник не мог дышать, он обменялся хмурым взглядом с Сими и взял Коди за руку. Просто, чтобы знать, что она его якорь, пока он мучительно пытается осознать сказанное Меньярой. Часть его всегда подозревала правду, но другая часть злилась и страдала.

— Я так запутался.

— У Сими тоже голова кругом. Я вообще заблудилась давным-давно.

Ксев горько рассмеялся, он оперся руками на диван и прислонился к нему. Его глаза стали огненно-красными, в них сверкали гнев и ненависть.

— Они так поступали с нами с начала времен. С нами, рожденными от тьмы, могущественными существами. Тиамат, Брейт, Калерб, я и ты, твой отец. Список бесконечен. Нашу силу питают ненависть, боль, горечь и ярость. Беды — это камень, о который мы точим свои мечи. То, что ломает слабых существ и отправляет их рыдать в могилах, лишь ведет нас к победе. Жестокость других ни капли не трогает нас. Это все, что мы знаем. Поэтому мы непобедимы. Поэтому они, — он мотнул головой в сторону Меньяры. — не могут биться с нами лицом к лицу. И они знают это. Поэтому они ломают нас тем, против чего у нас нет защиты.

Его взгляд переместился на Коди и на их сцепленные руки.

Ник нахмурился.

— Не понимаю.

Ксев сглотнул и заговорил снова.

— Из-за нашей сущности и из-за того, как нас родили и вырастили, мы говорим себе, что нам ничего не нужно. Что мы ничего не хотим, что мы ничто. Что мы презренные темные создания. И нас это устраивает. Нам не нужно, чтобы они принимали или одобряли нас, — он опустил взгляд на пол к ногам Коди. — Но есть нечто, что затягивает нас в пучины и ослабляет без нашей на то воли.

— Свет, — выдохнула Коди.

Он твердо кивнул.

— Никто не сразит нас в битве. Мы знаем, как сражаться против большинства. Как устоять в любом водовороте. Мы знаем, как пережить оскорбления, жестокость, злобу. Они впитались в нас с молоком матери.

Ксев указал Нику на лежащую без сознания мать.

— К несчастью, неожиданное проявление доброты разоружает нас. Простая улыбка застает нас врасплох. Невинная любовь оставляет нас беззащитными и ставит на колени. Так они калечат и свергают нас. Не войной, дружбой.

Коди покачала головой.

— Любовь — это не слабость.

Он жестоко рассмеялся.

— Твоя мама первая, кто не согласится с этим, Найриа, — он перевел взгляд на Ника. — Это убило твоего отца, Малачай. Это отдало меня и Калеба нашим врагам, это и убьет нас в итоге.

Меньяра грубо фыркнула.

— Да как ты смеешь говорить с ними о любви, если ничего о ней не знаешь.

Он скривил губы в усмешке.

— Знаю благодаря тебе, да, Кэм? Ты была так добра ко мне, так понимала меня, когда я был мальчиком, желающим утешения и находившим в лучшем случае твой холодный отпор... а иногда и пощечины. Ты относилась ко мне, как к предмету, пока меня не затопила ненависть.

В ее глазах мелькнула вина, затем она отвернулась от Ксева.

— Да как мы могли доверять тебе? Тебя вскормило воплощение дьявола.

— Вообще-то, моей нянькой была боевой демон-лисица, пожалевшая меня, когда другие этого не сделали. Или мне так сказали. Матери было плевать на то, что у меня есть нужды, что меня надо кормить. Как и плевать было на то, выживу ли я или умру после того, как мой отец сказал, что она должна оставить меня на волю судьбы, ведь он весь-такой хороший и светлый не собирался признавать меня своим сыном.

Он встретился взглядом с Ником.

— Кстати, я соврал о причине, по которой сражался на другой стороне. Это было не из-за злости на мать. Мне всегда было все равно, что она думает обо мне. Я предал Малачая и свою мать и сражался против Калосума лишь ради своей жены. Она единственная, кого я никогда бы не разочаровал в своей жизни. Единственная, за кого я бы пролил кровь или умер.

Меньяра усмехнулась.

— Ложь! У тебя никогда не было жены.

Но боль в красноватых глазах Ксева показывала, что он говорил от чистого сердца. Нет, это не ложь. Хотя Ксев сказал Нику, что никогда не знал любви, Ник знал этот взгляд. Все чувства подсказывали ему, что Ксев сейчас был честен с ним. Тот же свет горел в глазах Калеба, когда он говорил о Лилиане.

То же выражение лица было у Кириана, когда он говорил о Теоне, у Баббы, когда он говорил о Мелиссе.

Истинная любовь. О которой писали сонеты и песни. Та, что разбивает твое сердце и его уже не собрать.

— Как ее звали? — спросил Ник.

Ксев не колебался с ответом. Он произнес имя с благоговением, но в то же время

уверенно.

— Майон.

Меньяра вскочила на ноги.

— Лжец! Майон никогда бы не связалась с таким, как ты! Она была самой чистой душой! — ее гнев заставил Ника задуматься, кем же была Майон, но было не лучшее время для вопросов. Ксев уверенно встретился взглядом с Меньярой.

— Не смей оскорблять ее память, произнося ее имя своим грязным языком, когда ничего не знаешь ни о ее истинной красоте или характере! Ты лицемерна, как и мой отец. Ты считаешь, что лишь потому, что родилась от света, ты добрее или лучше тех, кому так не повезло. Это не так. Это делает тебя жестокой ханжой. Позволяет тебе чувствовать свою правоту в неправильных действиях против других. Но ты не лучше моей матери, даже хуже, ведь считаешь, что твоя злоба, направленная на нас, оправдана.

Он порывисто вдохнул и повернулся к Сими, Коди и Нику.

— И именно поэтому нам с женой пришлось скрывать наш брак. Поэтому пришлось отвергать какие-либо отношения между нами. И поэтому мне пришлось отпустить ее через шесть месяцев, чтобы защитить от врагов, включая моих мать и отца, которые убили бы ее, чтобы добраться до меня. Они никогда не оставили бы нас в покое, не позволили бы ей сохранить ее позицию. Хотя она бы никогда не предала Калосум. Но они бы в это не поверили. Я не могу позволить, чтобы кто-то узнал, что ей принадлежит мое сердце. Что оно вообще у меня есть. Хорошее или плохое, светлое или темное, это не важно. Если бы кто-то узнал правду, нас бы уничтожили. Как и случилось с Калобом, который надеялся на счастливую жизнь с Лилиан. Как когда Адариан хотел любить тебя и твою мать. Надеялся, что Чирайз увидит в нем не только монстра, которым он был рожден. Как и все мы, он был жалким мотыльком, притянутым против своей воли к нежному свету, который он не мог понять, но и не мог от него отказаться. Он лишь знал, что хочет жить и чувствовать тепло.

Его взгляд переместился на руку Коди в руке Ника.

— Они увлекают нас чудесными способами. Мгновениями теплоты после холодной жизни, в которой мы были рождены. Мы жалкие существа от колыбели до могилы, — он горько рассмеялся. — Мы беспомощны против них.

Целую минуту Ник не мог дышать от этих искренних горьких слов. Разве это правда?

Была ли его мама невинной сиротой, зачатой и посланной Калосумом лишь для того, чтобы поймать в ловушку его отца?

— Менни? Скажи, что не делала этого с мамой.

Она отвернулась от него, закрыв глаза, показывая, что Ксев сказал правду.

Раздавленный этим откровением, Ник отошел от Коди и Сими, чтобы подойти к женщине, которая помогла ему появиться на свет. К женщине, которую он считал достойной доверия. К той, что обещала ему, что никогда не солжет.

Никогда.

Когда все отвернулись от него с мамой, Меньяра всегда была рядом. Она говорила, это потому, что она приняла их, как семью и им нужна была помощь. Она не могла отвернуться, когда все позволили им страдать. Когда им нужна была помощь.

Но она упустила важные детали.

Ника тошнило, он начал понимать правоту Ливии. Все в его жизни вращалось вокруг. Меньяра умолчала не только о секрете его отца и его рождении.

Она скрывала от него свою личность. Ее роль в жизнях их обоих.

Он перевел взгляд на мать и его затошнило, как Калеба в школе.

Как Меньяра могла так поступить с ней? Его мать понятия не имела, что ее удочерили и не знала своих настоящих родителей. Да и он знал лишь то, что отцом был Сефирот. Это убьет ее. Она никогда не поверит, если он попытается ей сказать.

У него кружилась голова, он хмуро посмотрел на Меньяру.

— И кто же тогда моя бабушка?

— Не важно. Она умерла через три дня после того, как отдала твою мать на усыновление в автомобильной аварии. Как и твой дед, предположительно в другой аварии еще до рождения. Поэтому Готье никогда не говорили, что удочерили ее. К чему? Нет смысла говорить Чирайз правду, если оба ее родителя мертвы. Так или иначе, Готье — твои дед и бабушка. Это все, что надо знать вам с матерью. Правда лишь причинит ей боль.

Возможно, но тут он скорее был согласен с Ксевом. Его мать имела право знать. И ей нужно объяснить, почему ее родители так быстро вышвырнули ее, когда она в юности забеременела. То, что родители обошлись с ней, как с мусором, засело у нее в голове. Если бы мама знала, что они не были ее настоящими родителями, то, возможно, почувствовала бы себя лучше.

А может и нет. Если она узнает правду, то у нее появятся четверо родителей, отказавшихся от нее. Это может еще хуже отразиться на ней.

Ага, жизнь — сложная штука. Амброуз научил его этому. И люди не всегда реагируют так, как ожидаешь. Как всегда говорил Ашерон — у эмоций нет мозгов.

И сейчас им овладели эмоции и он не мог осознать все четко.

И это привело его к другой вещи, которую ему хотелось бы прояснить, раз уж Меньяра решила раскрыть свою ложь.

— Ты и правда богиня Кэм?

Она кивнула.

Кэм была одной из шести первых богов, которые развязали первую великую войну с бессмертными. Войну, которая чуть не положила конец миру и человеческому роду. Именно она, ее братья и сестры приговорили род Ника к существованию бешеных собак. Всех, кроме его первого предка.

Один проклятый Малачай.

Один проклятый Сефирот.

Навечно связанные друг с другом, приговоренные сражаться в последней битве, которая покончит с миром.

А теперь, если Ксев сказал правду, Менни использовала последнего Сефирота, чтобы от него забеременела бабушка Ника и чтобы его мать стала ловушкой для его отца, зная, что отец не сможет от нее отказаться. Чирайз и Адариан были как инь и янь. Невинный человек с кровью сефиротов. Человек, который не знал о неземных созданиях, которые жили вместе с людьми.

Ник переводил взгляд с Меньяры на мать, не способный поверить в это.

— Ты подставила мою мать?

— Прости, Николас.

Ошеломленный Ник пытался вдохнуть и снова его посетило ощущение, что он выбился из ритма времени, что все замедлилось.

— Именно поэтому у нее такое чистое сердце? Такое неподкупное и нежелающее верить в сверхъестественное?

Менни кивнула.

— По какой-то причине она не может его видеть и непонятно реагирует, когда мы пытаемся объяснить ей. Я пыталась намекнуть ей, когда она была девочкой, но она так резко отреагировала, что я стерла это из ее памяти и с того момента держала ее от всего подальше. Она просто не могла это вынести.

Теперь он понял, почему его мать так плохо отреагировала, когда Амброуз попытался рассказать ей правду о паранормальном мире вокруг них. Наверное, это запустило внутри нее то, что она не могла нормально жить с тем, что не совсем человек. Что ее так странно зачали.

Амброуз, наверное, еще не знал о секрете ее рождения. Возможно, поэтому его мать сейчас без сознания. Она частично Сефирот и то, что заразило Калеба, могло заразить и ее.

Меньяра вздохнула и заговорила снова.

— Именно поэтому Чирайз не видит зло в других. Она как маяк притягивает тех, кто нуждается в доброте: Ашерона, Калеба, Кириана, Пельтье. Как Сефирил, она смягчает обстановку вокруг. Она бальзам для души. Если сефирилы не сражаются, то могут успокоить даже самые беспокойные души.

И это разозлило его. Из-за того, что они с ней сделали, на его мать напали, а затем ее вышвырнули из дома. Подростком она забеременела и осталась без крыши над головой. Брошенная всеми.

Да, Меньяра забрала ее к себе, но теперь он знал правду...

Ник жаждал крови.

Он уставился на Меньяру.

— Как ты могла так поступить с моей матерью? Ты стояла ей всего!

— Николас, все должно было произойти не так. Мы думали, что спрятали ее, обезопасили. Ей дали хороший дом с доброй, любящей семьей, которая заботилась о ней. Но ее свет такой яркий, что его не замаскировать. Каким-то образом она призвала Адариана до того, как мы были готовы. Он нашел ее за годы до того, как должен был, — она протянула руку, чтобы убрать волосы с его лица. — Прости за боль, что мы причинили вам с Чирайз. Мы не хотели, ты должен мне поверить.

Ник посмотрел на бездвижное тело матери. Она выглядела так молодо, да так и было. Многие женщины в ее возрасте только начинали заводить семьи, у них не было обузы-подростка.

— Не передо мной тебе стоит извиняться, Менни. Не мне ты причинила боль. Ты разрушила ее жизнь.

И что хуже, Меньяра позволила ему разрушить ее тоже. Это было большее всего.

Меньяра покачала головой, отрицая.

— Она бы первая не согласилась. И ты знаешь это, Николас. Вот что делает ее такой особенной, что дает нам надежду, что и ты будешь отличаться от предыдущих Малачаев. Тебя единственного с самого рождения растила любящая мать. Ты Малачай, в котором сошлись свет и тьма. Ты не желаешь разрушать. Благодаря твоей матери ты можешь выбрать добро.

Честно? Сейчас у него не было хороших и радостных мыслей. Он был готов причинить вред всем и всему, кто причастен к такой жизни его матери.

От слов Меньяры его передернуло, ему вспомнился Амброуз, которого он видел чуть раньше. Его будущее не обещает ничего хорошего. Он был на грани обращения. И его

предчувствия говорили ему не ждать светлого будущего.

Судя по положению вещей, он крупно облажался. И не было способа избежать этой судьбы.

Да, он был в растрепанных чувствах.

Ему солгали, дали под дых.

А еще его все это жутко бесило.

— Я вас больше не знаю, дамочка. Все, что ты мне говорила, было ложью. И я говорю о каждом слове из твоих уст. Даже о твоём имени. И как я должен в это поверить? Довериться тебе? Как я смогу снова тебе поверить?

— Я все еще твоя тетя Менни.

Ага, точно. Это так?

Была ли она Меньярой, жрицей вуду и креольской акушеркой, принявшей его роды, или же египетской богиней Маат, родственницей Коди? Или же древнейшей богиней Кэм, родственницей Калебу и Ксеву?

Как она может менять свою личность и родственников, как люди меняют носки? Это жутко запутало три последние извилины в его голове.

— Нет, ты мне чужая. Некто, использовавший мою мать для своей выгоды, сделавший ей очень больно при этом говоря, что она может верить тебе, — Ник увернулся от руки, которую она протянула, чтобы дотронуться до него. Он был не в настроении. Все происходило слишком быстро.

Если честно, он уже и не знал, кому верить.

Кроме себя самого. Пусть он и знал, что Амброуз не совсем в своем уме, но тот по крайней мере не лгал. Особенно о его матери и ее благополучии. В этом он точно мог быть уверен. Амброуз лишь хотел спасти свою мать.

Насколько он знал, все остальные, даже Коди, вралы ему. Он не хотел себя мучить, но в этом стоило признаться. Ливия была права на все сто процентов.

Никому нельзя доверять.

Он больше не знал, кто есть кто. Казалось, вокруг него одна ложь. От этого кружилась голова. Если честно? Ему хотелось, чтобы его снова вернули на землю. Нужен якорь, чтобы он перестал чувствовать себя потерянным и растерянным.

— Я вообще каджун?

Меньяра рассмеялась.

— Да, Николас. Это точно. Твоя бабушка была настоящая, играющая зeko каджунка, ты бы ей гордился.

Ну хоть это осталось. Слава богу. Он не был уверен, что вынес бы новость, что он внук какого-нибудь нефтяного магната.

Загремел гром, замигал свет, наступила тьма.

К несчастью, она напомнила ему, что нужно было сделать.

— Мне нужно найти Глаз Ананке, чтобы разобраться с этим беспорядком. Кто-нибудь о нем слышал?

Четыре пары глаз смотрели по сторонам, отказываясь повернуться к нему, давая понять, что он как всегда единственный идиот в комнате.

— Что?

— Где ты слышал этот термин? — спросила Меньяра.

Ник решил было ей не отвечать. Он не должен был ей ничего, учитывая, сколько раз за

годы она солгала ему. Но с другой стороны...

Какая разница? Он устал от лжи, устал играть в игры.

— Амброуз сказал мне найти его.

Менни нахмурилась.

— Амброуз?

— Ага, будущий я. Очевидно, через несколько веком мне на лицо припечатают лук Темных Охотников. Хотел бы я, чтобы Артемида выбрала на моем теле место получше. И я скоро стану бездушным Малачаем, желающим покарать человечество и съем демона, чтобы путешествовать во времени. Жаль, что время ограничено и я смогу лишь прийти сюда и сказать себе найти Глаз и использовать его, чтобы исправить испорченное, — он посмотрел на Коди. — Так что это такое?

Сими нетерпеливо подняла руку.

— О, о, о! Сими наконец-то знает ответ! Он в страшной-страшной комнате, в страшном храме на самом нижнем уровне владений Аида. По крайней мере он там был, и вряд ли кто-то его забрал, потому гадкая сварливая собака с кучей голов злится каждый раз, когда туда кто-то спускается. И этому так же не рады драконы и люди со змеями на головах.

Коди кивнула.

— Ага, это правильный ответ. Цербер и горгоны немножко собственники, когда кто-то проникает в Тартар, чтобы побеспокоить их.

Настала очередь Сими удивиться.

— Что? — она невинно захлопала глазами. — Я там в детстве в прятки играла. Дядя Аид устраивает отличные вечеринки на Хэллоуин. Но... Сейчас я не могу пойти туда на танцы, учитывая, что никто не знает, кто я такая, ведь я появлюсь на свет лишь через пару сотен лет.

Меньяра вздохнула.

— Мне там точно не рады. Пока я была египетской богиней Маат, мой пантеон вел войну с олимпийцами. Как только я войду в их реальность, они тут же об этом узнают и налетят на меня.

Ксев скрестил руки на груди.

— Мое детство научило меня одному — как скрывать свои силы и проходить через реальности, в которых меня видеть не хотели. Именно так мне удавалось незаметно навещать свою жену под носом у сеферилов, которых учили отслеживать и убивать таких, как я.

Он посмотрел Коди в глаза.

— Хотя я знаю, что это, но не знаю, как оно выглядит. Если кто-нибудь скажет мне, что я ишу и где это, я смогу это забрать.

Меньяра усмехнулась на его предложение.

— Все не так просто. Лишь Бог Судьбы может дотронуться до него, и Глаз его не уничтожит.

Коди прикусила губу.

— Во мне твоя кровь благодаря моей матери. Я могу к нему прикоснуться?

— Учитывая кровь твоего отца, не знаю. Особенно учитывая, что он делил чрево с Ашероном. Да и ты не в своем истинном теле... Не знаю, что может произойти, если ты дс него дотронешься. Не стоит так рисковать, чтобы узнать.

Ник нервно хохотнул.

— Лично я голосую за то, чтобы моя девушка осталась с Сими присматривать за моей матерью на случай, если ее похититель совершит попытку номер два.

Ксев покачал головой.

— Нам нужна либо девушка, либо Чаронте, чтобы отвести нас к нему, я-то ничего об Аиде не знаю, — он приподнял бровь, глядя на Меньяру. — Да кто он вообще такой, этот Аид?

— Олимпийцы были детьми Титанов, ставшие греческими богами после того, как тебя прокляли и изгнали.

Коди вызывающе улыбнулась Нику.

— А почему бы не пойти и Сими и мне?

Ник указал на неработающие лампы.

— Аллё? Сверхъестественный шторм? Где-то свободно разгуливает Ирре. На окнах мемитимы. Зайттигеры за каждым углом. Тут еще и Тиамат, Калерб, которого тошнит, мама без сознания. Завид куда-то исчез, и я не знаю, что думать о Ливии. Кто-то хочет еще что-нибудь добавить к этому огромному гемморою?

Неожиданный стук в дверь заставил Ника подпрыгнуть с писком, который он не хотел бы, чтобы слышала Коди. По этой причине, он возненавидел того, кто явился его причиной. Испытывая отвращение к самому себе, он посмотрел на потолок.

— Эй там? Это не должно было быть личным испытанием.

Скривившись, он пошел открыть дверь, забыв про глазок. Это ошибку он понял слишком поздно, когда открыл дверь и на собственном примере узнал, что плохие парни действительно вежливо стучатся.

Один такой стоял своей собственной персоной, в окружение огня и пялился на него.

Глава 9

«Матерь божья!» — Ник отшатнулся и на всякий случай перекрестился, глядя на бог знает что в его коридоре.

Мужская особь была примерно на несколько дюймов выше него, что впечатляло, потому что немногие превышали его рост в шесть футов и четыре дюйма, хотя больше всего поражала его мускулистость. И аура злобной жажды крови, которая говорила, что он пришел приготовить Ник-бургер.

Длинные темные волосы были убраны в хвост, открывая резкие точеные черты лица, принадлежавшие древнему азиатскому воину, который должен был руководить чем-то, вроде армии завоевателей. Кроваво-красные глаза горели таким яростным огнем, что позавидовал бы Кириан.

Ник заорал и попытался закрыть дверь.

Быстрее, чем Ник успел моргнуть глазом, тот вытащил из-за плеча изогнутый, пламенеющий меч. Он вращал им так быстро, что снес бы голову Нику, если бы Ксев не перехватил его своим мечом и не отогнал демона. Глаза демона расширились от узнавания.

— Я не хочу причинить тебе вред, Дар. Лучше уйди с пути или я пройду через твой труп, — у него был сильный акцент. Не похоже ни на что из того, что Ник слышал раньше. Он был музыкальным, но в нем звучали смертельные намерения.

— Зачем ты здесь?

Тот ответил, став тенью и переместившись за Ксева. Он пошел к дивану, где спала мама Ника.

Ксев стал разноцветным дымом, который обернулся вокруг лица и шеи прибывшего.

Тому пришлось стать воином, чтобы сражаться с Ксевом. Они сошлись в битве, как древние боги, коими и являлись. Ник встал между Коди и матерью, а Сими и Меньяра создавали перед ними стену. У Ника возникло дурное чувство, что это не очень хорошая защита, но уж лучше что-то, чем ничего.

Ксев замахнулся мечом. Другой бог пригнулся и ударил его в челюсть. Ксев спокойно ударил его в бок. Вместо того, чтобы пошатнуться, тот исчез, чтобы заколоть Ксева, который растворился в воздухе и возник за ним. Это была безумная, впечатляющая битва, они сражались как облака и дым, люди и чудовища. Ник по-новому оценил приемы, которыми они, вероятно, пользовались в битве во время Примус Беллум.

Ту же тактику он однажды использует в виде Малачая против армии Коди.

— Кто это? — спросил Ник Менни.

— Дэгон, — ответила Менни сухо.

Он беззвучно произнес это имя Коди, которая пожала плечами, показывая, что тоже понятия не имеет.

— А пояснить не можешь? — попробовал он снова.

— Сын Нойра и Гекаты.

Коди нахмурилась.

— Моей Гекаты?

— Да.

Ник не был уверен, почему это имя привлекло внимание, но почему-то мать Дэгона была ему знакома.

— Откуда я знаю ее имя?

Коди ответила вместо Меньяры, а Сими подбадривала Ксева, предлагая ему бутылочку соуса барбекю, если она вдруг понадобится.

— Табита Деверо и ее сестры говорили о ней, а у Кириана в доме есть несколько ее статуй. Геката хороший друг моей кузины Катры и Персефоны. Она греческая богиня некромантии, магии, духов и ночи.

А... он помнил эти статуи, расставленные вокруг особняка Кириана. Она была одной из богинь, которыми клялся Кириана, когда Ник злил его чем-то.

Но что-то в биографии греческой богини показалось ему странным...

— И она спуталась с лордом тьмы, чье имя я не могу произносить, чтобы не дать ему силы и не отправить сигнал, чтобы тот мог прийти и убить меня? С этим злобным созданием, который является твоим, — он посмотрел на Меньяру, — братом?

Меньяра кивнула.

— Веришь или нет, он может быть очаровательным, когда не страдает психозом. А Гекате всегда нравились плохие мальчики.

Ага, но совсем другое дело связаться с исчадием ада, да еще и родить от него. Тут понадобится новый уровень терапии. Он точно не хотел знать о ее проблемах с собственным папочкой.

Ник потер ноющие виски, наблюдая, как Ксев и Дэгон крушат мамин любимый антиквариат. Ему за это достанется. Накажут навечно.

И учитывая, что столько он и проживет, угроза действительно существенная.

— Как их разнять, пока они не разнесли мамин дом, и меня не заперли дома, пока я не одряхлею?

Меньяра вздохнула.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

— Не уверена.

Да твою ж! Он так ежика родит. Размером с Годзиллу под воздействием радиации.

— Они хоть знают, зачем дерутся?

— Думаю, это не важно.

Сими оглушительно свистнула. Ксев и Драгон остановились и хмуро посмотрели на нее.

— Эй? Древние надоеды? Вы раздражаете прекрасных друзей Сими и огорчаете Акри-Ники, и это очень огорчает Сими. Не могли бы вы, пожалуйста, найти старое место для сражения, чтобы не крушить вещи его мамы, и чтобы его за это не наказали? Он такое не любит. И это огорчает Акру-Коди, потому что ей приходится встречаться с ним тайком и рисковать разозлить его маму, которая услышит ее в его комнате, а им не следует так поступать, и они оба это знают. Плохо, плохо, плохо.

Прерывисто дыша, Дэгон стер кровь с губ и наконец заметил маленькую группу. Он недоверчиво нахмурился.

— Это чаронте? — спросил он Ксева.

— Да.

— Одна?

— Не совсем.

Он приподнял бровь, затем посмотрел на Меньяру.

— Аполлимия на свободе?

Она покачала головой.

— Нет, все еще в плену, но ее сын жив и свободен, он защищает Сими, как свое дитя.

Он перевел взгляд на Коди, у него упала челюсть.

— Бетани? — она была богиней гнева в Атлантиде.

— Нет, я ее дочь.

Дэгон, казалось запутался еще сильнее. Он опустил меч и поправил одежду. Выражение его лица говорило, что он пытался со всем разобраться и у него не очень-то получалось.

Ксев опустил свой меч и вытер кровь с лица.

— Сколько тебя держали в плену, брат?

Дэгон потер шрам на запястье.

— С правления Этана.

Меньяра резко вдохнула.

По ее реакции Ник понял, что это было давным-давно, но к сожалению история не была его сильной стороной. Хотя, честно говоря, он быстро учился.

— Когда это было?

Меньяра тяжело вздохнула.

— Почти пять тысяч лет назад.

Ух ты! Ник захрипел, а Дэгон скривился.

— Приятель, ты что натворил? Это новый уровень домашнего ареста! Блин, рад, что моя мама этого не слышит. Может нахвататься идей, которые мне не нужны.

Глаза Сими расширились. Она пискнула, наконец сложив два плюс два.

— Это ты сделал это с Зевсом и Аркадианцами, и попал в беду! Ты герой Сими.

Ник приподнял бровь.

— Что? Что он сделал?

Ответила Меньяра.

— Это он научил древнего короля Ликана, как спасти проклятых сыновей и колдовством смешать их кровь с животными, чтобы создать расу Вер-Охотников.

Шокированный до глубины души, Ник уставился на Дэгона. Он всегда гадал, как Ликану удалось сделать нечто столь могущественное.

Во времена Ашерона, греческий бог Аполлон разозлился на созданную им расу, названную в его честь — аполлитов, потому что их королева приговорила к смерти его любимую и дитя. В отместку Аполлон приговорил каждого аполлита умирать ужасной смертью в возрасте двадцати семи лет, в том же возрасте они убили его возлюбленную.

Богиня атлантов Аполлимия показала горстке аполлитов, как пережить проклятие, забирая в свои тела души людей, искусственно продляя свои жизни. Таким образом так называемые Даймоны начали охотиться на людей, и чтобы защитить человечество, сестра-близнец Аполлона Артемида создала Темных Охотников, отслеживающих и убивающих их, прежде чем они поглотят человеческие души, и освобождающих души, чтобы те покоились с миром.

Такой порядок вещей существовал тысячи лет. Небольшое число неконтролируемых аполлитов стали Даймонами, и контролировать их убийства должны были Темные Охотники вроде Кириана и Ашерона.

Пока невинный король Аркадии Ликан не взял в невесты аполлитку. Она подарила ему двух сыновей и под проклятием Аполлона умерла в двадцать семь.

Убитый горем король обратился к богам за помощью, но те отказали. Легенда говорит, что он использовал темное волшебство, чтобы вливать силу самых сильных животных в аполлитов, пока не нашел подходящих для своих сыновей.

Эксперименты над двумя созданиями: аполлитом и животным произвели апполита, способного превращаться в животное, так называемого Аркадианца. И животное, способного превращаться в аполлита — Катагари. Две отдельные человекоподобные расы больше не должны были умирать в двадцать семь лет. Вместо этого они приобрели невероятные физические способности и старились медленнее. Это позволило им жить сотни лет.

За создание гибридов против воли Аполлона, греческий боги проклинали Ликана. Они потребовали, чтобы он убил созданных им созданий, включая его сыновей. Когда он отказался, Вер-Охотников, которых он создал в отчаянной попытке спасти своих сыновей, проклинали тем, что они больше не познают мира. До конца времен судьбой Катагари и Акркадианцев была война, и они будут сражаться, пока не останется никого из их вида.

Эта война все еще продолжалась, именно поэтому Стоун и Алекс, как и другие Вер-Охотники в школе, постоянно сталкивались друг с другом.

Ник всегда размышлял, как Ликану удалось овладеть черной магией, чтобы создать совершенно новых существ. Теперь он знал. Ответ стоял в его гостинице.

Дэгон.

Пусть Дэгон и был богом, но у него была привычка сражаться с представителями своей расы. Мало извилин в мозгу, но много гонора в штанах.

— Серьезно? Ты дал Ликану эти знания?

Дэгон слегка кивнул.

— И меня, как Прометея, наказали за это.

Ксев нахмурился.

— Зачем ты помог королю Аркадии?

— А ты как думаешь, кузен? Он умолял мою Шалу. Она плакала, я действовал.

Меньяра повернулась к Нику.

— Дэгон был древним Аркадийским богом времен года, магии и времени.

Ксев удивленно приподнял бровь.

— Это не тот безжалостный бог, какого я помню. В мои времена, он вместе с Кэм судил мертвых и был одним из лучших генералов своего отца во времена Примус Беллум. А еще он был богом войны, служившим в армии Малачая и радостно вырезал всех, кто оказывался рядом с ним. Что изменило тебя?

Меньяра иронично хохотнула.

— Как я уже говорила Нику, Дэгон как-то пошел навестить свою мать и встретил богиню сострадания Шалу. Она изменила его. Дала ему сердце и душу.

Лицо Дэгона окаменело.

— Я пришел из-за Шалы. Из-за меня она все еще у Нойра, и я должен разбудить Азуру в этой реальности. Теперь отойдите, — он пошел к дивану.

Они преградили ему путь.

— Неа, приятель, не выйдет, — Ник вышел вперед. — Тебе пора идти. Хочешь через дверь, хочешь через окно. Выбирай сам.

По плечам Дэгона прокатился огонь.

— С дороги, мальчишка. Ты понятия не имеешь, с кем связался.

Ник расправил крылья, и впервые выпустил своего Малачая. Он знал, что это впечатляло, судя по вздоху Меньяры и Коди.

— Последний дурак, назвавший меня мальчишкой, окончил свою жизнь пятном на моем ботинке, — он сузил глаза, глядя на древнего бога и облизнул клыки. — Хочешь потанцевать, выбирай мелодию. Только помни, что ни я, ни Ксев не испытываем к тебе ни любви, ни дружеской привязанности.

Дэгон обрушился на него, так же, как и до этого на Ксева.

Вместо того, чтобы бороться с ним, Ник схватил его и сбил с ног. Он закрутил бога, схватил его за хвост и, дернув за голову, обнажил его шею. Не успев остановиться, он инстинктивно вонзил клыки в горло бога.

Дэгон попытался испариться. Ник каким-то образом не дал ему это сделать. Хотя он и понятия не имел, как. Что-то внутри него инстинктивно знало, как не дать тому изменить форму. Это как когда ребенок дышит и пьет молоко матери.

Более того, все чувства Ника закружились, пока он пил силу из Источника, который породил их обоих. Хотя он никогда не напивался, но отлично представил, каково это. Его чувства так обострились, что он мог слышать все в эфире. Каждое биение сердца за мили вокруг.

Ник не мог объяснить это. Это как залезть в космическую базу данных с каждым существом во вселенной.

И он знал, что может убить Дэгона. Как ни странно, он боялся не этого. Его до ужаса пугало то, что часть его хотела этого и то, как он легко и безжалостно мог покончить с Дэганом.

Он даже наслаждался бы этим.

Испугавшись, он отпустил его и отшатнулся.

Коди потянулась к нему.

— Ник?

В его венах закипела кровь от знакомой жажды, которую он испытывал в ее

присутствии. Но в этот раз она была не плотской.

В этот раз он хотел ее крови.

Ее жизнь, он отчаянно хотел убить ее.

Сими встала перед ним.

Он зашипел, полоснул когтями, целясь в ее горло, желая вырвать и его.

Меньяра едва успела перехватить Сими и спасти от атаки.

Коди не могла дышать, когда увидела в глазах Ника бесчувственного демона. Злую ненависть и то, что он не узнавал их. Это не был мальчик, которого она любила. Верный друг, который перерезал бы себе горло, но не предал дорогих ему людей.

Это было чудовище, убившее всю ее семью.

Малачай, который спокойно свернул Калебу шею и отошел от его тела.

Ее захлестнула боль, когда она вспомнила тот роковой день, увидела смерть своего брата. Беспомощность из-за того, что не могла спасти жизнь Ари.

И свою.

Они так отчаянно старались не дать Нику стать именно таким чудовищем.

— Меньяра?

Но Меньяра была напугана так же, как и Сими. В отличии от нее, та впервые видела Ника в этой форме. Меньяра впервые столкнулась с настоящим Амбоузом Малачаем. И он был яростным, страшным чудовищем.

Ксев уверенно схватил Коди.

— Поцелуй его.

Она выпучила глаза.

— Ты с ума сошел? — Ник скорее убьет, чем обрадуется ей в таком состоянии.

— Поверь мне.

— Ты с ума сошел? — повторила она.

— Давай!

Прежде чем она снова успела запротестовать, он швырнул ее к Нику. Только это был не Ник, а монстр Малачай. Огромный, мускулистый, он смотрел на нее вниз с пугающей ненавистью. В горящий красных глазах не было ни тени узнавания. Ни человечности, ни души.

Они обжигали.

Он зарычал, а она ждала, что он со смехом разорвет ей горло.

Каждая частичка Коди хотела бежать в поисках укрытия, крича. Но ее мать была древней богиней правосудия Бэтимас, невероятно сильной и смелой богиней атлантов и египтян Бетани. Ее отцом был Стикс Анаксоласи из Дома Ариклеса, принца Дидаймосского. Одного из самых великих генералов и самого сильного хтонианца из всех живших. Она не опозорит их, отшатнувшись от угрозы.

Даже такой.

Собрав все силы, что смогла, она уверенно повернулась к демону. Надеясь и молясь, что Ксев не приговорил ее к смерти, она положила руку на покрытую пятнами щеку Ника и стала искать в чужих глазах что-нибудь знакомое.

Второй рукой она провела ему по брови, как делала, когда они оставались вдвоем в квартире.

— Мне нужно, чтобы ко мне вернулся мой милый каджун. Кто еще будет переводить для меня все эти вещи в городе, которые я не понимаю: вроде «fais do-do»[1], «починить»,

«за покупками», в чем разница между «болваном» и «балванкой»?

— «Болванкой», милая, — он все еще оставался в форме Малачая, но она услышала, как демонический голос слегка смягчился, когда он прошептал обращение, которое он использовал только для нее.

«Надеюсь, что ты прав, Ксев».

Совершенно напуганная, она запустила руку в его гладкие темные волосы и медленно притянула его губы к себе. Вначале он зло зарычал и попытался отстраниться, но как только она провела языком по его, он изменился. Его руки неуверенно обвились вокруг ее тела, крылья опустились. Крылья нежно обхватили их, как кокон, затем исчезли, вызвав легкое дуновение воздуха.

Он поднял руки, чтобы так знакомо обхватить ее голову. Его гладкие демонические волосы стали мягкими волнами, в которые она так часто зарывалась руками.

Когда Коди открыла глаза, она больше не видела горячих красных глаз, а видела красивые голубые глаза, которые захватили часть ее, которая не принадлежала никому другому. Она понятия не имела, почему Ник считал Завида, Ксева и Калеба красивее себя. Им было не сравниться с ее смышленным, языкастым каджуном.

Ну, может, у них был гардеробчик получше.

Но даже не смотря на свои мятые огромные безвкусные гавайские рубашки, Ник Готье привлекал взгляды и заставлял замирать ее сердце.

Улыбнувшись ему, она провела пальцем по его нижней губе.

— *Ca c'est bon, n'est pas?*[2]

На его губах появилась знакомая улыбка, которая всегда плавила ее и избавляла его от неприятностей от нее и его мамы.

— *Oui. Toujours, cher.*[3]

Ну как можно быть таким харизматичным? Да, у него была привлекательность Малачаев, очаровывшая людей, но дело было в большем. В Нике было нечто интригующее. Что-то, отчего она чувствовала тепло и безопасность рядом с ним. Если честно, она вообще не хотела покидать его. Хотела быть лишь рядом с ним, в его объятиях.

Скрестив руки на груди, Ксев самодовольно улыбнулся.

— Наша вечная слабость.

Коди замерла, когда эта мысль закрутилась у нее в голове.

Они уже изменили будущее? Это возможно? Если ей удалось отозвать Ника из формы Малачая, сможет ли она не дать ему устроить конец света?

Это ответ, который они искали?

Дэгон горько рассмеялся и встал с пола. Бледный и слабый после того, что Ник сделал с ним, он старался не упасть.

— Ты такое наивное дитя, разве нет?

— Что? — спросила она.

— Я слышу мысли в твоей голове. Они написаны на твоём лице. Не важно, какую власть ты имеешь над ним. На самом деле, чем крепче ты держишь его, тем слабее он становится.

— Как так?

Ксев встретился взглядом с Дэгоном и ответил на вопрос Коди.

— Потому что то, что ослабляет тебя, ослабляет и Ника. Разве не понимаешь? То, что произошло со мной, случилось не из-за моей уязвимости, а потому что моей жене и жене Калеба угрожали и они не могли себя защитить. Мы поступили так, чтобы защитить их. Это

наша ошибка и проклятие. Даже Дэгона наказали и прокляли из-за жалости его жены к своему брату, Ликану. А вовсе не из-за него самого.

Дэгон кивнув, потер шею. Его взгляд переместился на Чирайз.

— Мне нужна эта женщина. Она привязана кровью к Источнику. Азуре нужно ее тело, чтобы войти в этот мир. Если я помогу ей в этом, она освободит Шалу.

Когда он сделал шаг вперед, Меньяра встала у него на пути.

— Азура не сможет сделать это.

— Кэм...

— Дэгон... Шала мертва. И ты это знаешь. Нойр убил ее давным-давно. Воспользуйся своей силой и спроси у матери. Загляни в свое сердце и обратись к Источнику. Милый, ты знаешь, что я говорю правду.

Он отшатнулся, качая головой.

— Нет, она жива. Я отдал свою свободу... свою жизнь, ради нее. Это сделка, которую я с ними заключил.

— Мне жаль, но они соврали тебе. Часть ее души все еще в Элиосе, но Шала, что ты знал... они уничтожили ее много веков назад.

Дэгон замер, как будто не мог вынести этих слов.

На глаза Коди навернулись слезы, когда она наблюдала за его неприкрытой болью. Ей было жалко древнего бога.

Его челюсть дернулась, по щеке скатилась одинокая слеза.

— Мне не следовало доверять отцу, когда он поклялся, что не причинит ей вреда. Надо было знать, что он не сдержит слова, данного мне, — его губы задрожали, когда он встретился взглядом с Меньярой. — Она страдала?

— Нет.

Но все они знали, что она лжет.

Ксев сжав зубы, положил руку на плечо Дэгона.

— Мне жаль.

По его плечам прокатился огонь, заставляя Ксева убрать руку, поморщившись. Дэгон достал маленькую бутылочку с витиеватыми узорами из рукава.

— Они хотели, чтобы я дал это женщине, чтобы Азура возродилась в ее теле.

Меньяра покачала головой.

— Не делай то, о чем думаешь, Дэгон.

На его красивом лице появилась злая улыбка.

— Почему нет? Небольшая кара небесная заставит всех нас почувствовать себя лучше.

— Мне стоит знать, о чем ты думаешь? — спросил Ксев.

— Нет, если хочешь остаться целым. Уверен, твоя мама порвет тебя на тряпочки, если ты поучаствуешь в моем плане возрождения Азуры в виде свиньи.

Неожиданно раздался громкий раскат грома, сверкнула ослепительная молния. Все здание сотряслось.

Ник схватился за диван, чтобы устоять на месте.

— И что за адская обезьяна посетит нас сейчас?

Ксев с побледневшим лицом, подошел к окну и открыл шторы, чтобы Ник увидел, что на улице не просто мемитимы. В небе было столько птиц, сколько он в жизни не видел.

По крайней мере на человеческий взгляд они казались птицами. Но с помощью своей проницательности Ник видел, кем они были. Армия солдат, пришедших убить Ника и всех,

кто был рядом с ним.

Ник тяжело вздохнул.

— Не стоило поминать адских обезьян.

[1] — нечто вроде «засыпай малыша».

[2] — Все хорошо, да?

[3] — Да, как всегда, милая.

Глава 10

Ксев повернулся к Дэгону.

— Выбери сторону, за которую умрешь.

Дэгон обвел Сими, Коди, Меьюру и Ника хмурым взглядом.

— Ладно, хотя не уверен, что это за сторона. А вы?

— Что это значит?

Он нахмурился, глядя на руку Коди в руке Ника.

— С каких это пор Малачай сражается рядом с Кэм и дочерью Бэтимаас?

Ник ослепительно улыбнулся.

— А я не обычный Малачай.

— Значит, это правда. Существует Малачай, рожденный от света?

Ксев колебался, затем подтвердил это длинным способом.

— Он сражается против Нойра и Азуры.

— А усумгаллу? — спросил Дэгон. Хотя Ник не винил его за подозрительность. Неплохо, прежде чем выбрать сторону в этой опасной и страшной войне, задать пару вопросов и выполнить домашнее задание. Когда выберешь флаг, тяжело от него избавиться. — Где они и их союзники?

— Пока не совсем понятно. Малфас временно устранен, но точно сражается за нас. С нами Ливия, Бейн пока не определился. Ничего не знаем о Гримере и Лагерре. Мы думаем, что Ирри против нас, но точно не уверены.

Ник скривился, когда понял, что сторонников у него меньше, чем он думал.

Эх.

Дэгон перевел взгляд на окно и сузил глаза.

— Думаю, они заявили о враждебных намерениях. Эти падальщики жаждут крови Малачая. Когда они получают ее, выбора у вас не будет. Либо вы станете всадниками Смерти и Войны, либо умрете, — он хмуро посмотрел на Ника. — Почему ты не осушил своих сарра, когда мог?

В ретроспективе?

По глупости.

Он не собирался произносить это вслух, но ответил правдиво.

— Не думал, что должен. Калерб сказал, что мне всего лишь нужно противостоять им, показать, кто босс и запечатать врата. Это мы и сделали, а Ирри не выпускали. Лишь Ливию и Ксева, но они на моей стороне. По крайней мере, мне так сказали.

— Кто-то соврал тебе. Ирри прорвалась на эту сторону.

Ник копался в голове, пытаясь вспомнить, кто сказал ему, что Ирри осталась за вратами. Но хоть убей, не мог.

Черт. Да кто же? Он знал, что ему это не послышалось. Кто-то сказал ему это. Его одурачили намеренно? Его хотели предать или это недопонимание и ошибка?

Или все же намеренно...

«Вот я попал».

Нет, что еще хуже, кто-то намеренно предал его. Обманул, чтобы их задницы прямоком угодили в эту заварушку.

Он переводил взгляд с Коди на Ксева и Дэгона.

— Так что будем делать?

Дэгон колебался с ответом.

— Где Арелимы или Сефироты?

Фыркнув, Ксев посмотрел на Ника с усмешкой, давая тому возможность рассказать. Ох ты ж!

Ника это вовсе не радовало.

— Последний Сефирот в тюрьме, и я не знаю, где. Как мне сказали, местечко не из приятных, и что-то мне не хочется знать, где оно. У Арелимов разгар ужасной гражданской войны, и обе стороны ненавидят меня со страстью, сияющей ярче бинарной солнечной системы. Кроме того, нам не хватает союзников. У меня есть несколько Темных Охотников и двое чокнутых, на которых я могу рассчитывать. И еще одна чудесная чаронте.

Сими широко улыбнулась.

Меньяра тяжело вздохнула.

— Он прав. Ризар пропал, Верлайна пленили. Мы давно уже теряем свои силы, вот поэтому нам нужно было охранять Малачая и по возможности уменьшить его силы. Но как уже было сказано, я могу призвать Ашерона, Савитара и Торна.

Дэгон склонил голову на бок.

— Торна?

— Люциуса Бракадианца, — пояснила Меньяра. — Он и его адские охотники все еще против Нойра и Азуры. Хотя их не так много, но они сильны и сражаются, как только выпадает возможность.

Ксев кивнул Меньяре.

— Как можно быстрее призови их всех. Нам нужен каждый меч.

Как только он это проговорил, в комнату снаружи проник странный свет.

Страх наполнил каждую пору тела Ника.

— Что это?

— Такирамон, — ответили Дэгон и Ксев в унисон.

— Это разновидность пакемонов, Эш Кетчум? Мне нужно достать шарик с Пикачу и разделаться с этим? Выбираю тебя, Дэгон!

Закатив глаза от сарказма, который Ксев и Дэгон пропустили мимо ушей, Коди выпустила руку Ника и призвала свои доспехи Арелимов и меч.

— Это завеса смертного сна.

— Кто... что?

Коди проверила свое оружие.

— Завеса смертного сна. Не многие создания могут сопротивляться ему. Она вызывает красное свечение вокруг земли и погружает людей в транс, чтобы они не знали о нас... Как и твоя мать, они спят в безопасности, не зная о том, что происходит вокруг, — Коди дернула головой в сторону окна. — Сам посмотри.

Ник посмотрел и убедился. Все, кто несколько минут назад ходили по улице, лежали на тротуаре, как трупы в открытых могилах. Это пугало, не каждому захочется увидеть снаружи кино о зомби.

От увиденного его кровь заледенела, он испугался за мир и всех в нем. Более того, Ник почувствовал себя беспомощным перед теми, кто наслал это. Как можно сражаться против кого-то, столь могущественного? Они что, дураки?

— Ты в порядке? — спросил он Ксева.

— Пока да.

— Что это значит?

Коди нервно вздохнула.

— Они легкие цели. Если мы не сделаем что-нибудь, долго они не протянут. Что угодно может напасть на них. И если они так останутся до утра, то умрут. Вернуть нельзя будет никого, включая твою маму.

Сими расправила крылья и достала соус барбекю.

— Сими готова посражаться и пожевать. Покажите мне этих демонов! Пора подзакусить!

Коди повернулась к Нику, чьи глаза начали изменяться на демонически-красные.

— Тебе нужно оставаться смертным. Держи в узде силы Малачая.

— Почему?

— Потому что ты не можешь их контролировать. Когда ты выпускаешь их, мы теряем часть тебя. Разве ты не чувствуешь?

В этот момент он чувствовал тошноту, как всегда, когда из-за него страдали невинные.

Нужно защитить их.

— Она права, Ник, — Ксев подошел к ним поближе. — Я тоже видел это. Мы едва тебя вернули. Еще минута, и не знаю, что бы случилось.

Дэгон потер кровавую рану на шее.

— Соглашусь, раз уж это меня покусали, и я все еще слаб. Не нужно пробуждать силы, которые не контролируешь. Очень плохая идея.

Меньяра усилила заклинания на квартире.

— Пока что мы здесь не видимы. Они не могут нас найти. Оставайтесь с Чирайз, пока я не приведу подкрепление, — она неожиданно исчезла.

— Мне не нравится сидеть и ждать, — крикнул Ник Меньяре, но она уже ушла и не слышала ни слова.

Он с раздражением наблюдал, как птицы начали спускаться на землю, превращаться в демонов-воинов и осматривать тела в поисках кого-то. У него возникло плохое предчувствие, что этим кем-то были он или Калев.

— Нам нужно к Калебу, защитить его.

Дэгон фыркнул.

— Воспользуешься силой, и они немедленно почувствуют ее, последуют за тобой и нападут.

— Он прав, — подтвердил Ксев. — Они все обрушатся на нас.

— Так что нам делать? Станцуем буги-вуги? Покрутимся? Скормим моего лучшего друга и пожелаем приятного аппетита? Без обид, но мне это не по душе. Калев был со мной с самого начала. Он не раз проливал за меня кровь и всегда спасал мой зад. Так что можете стоять здесь, наблюдать за Царством демонов, кстати неплохое шоу, ну а я пойду сражаться за друга.

Дэгон нахмурился еще сильнее.

— Он всегда такой?

Ксев кивнул.

— Говорил же, он не такой, как другие из его рода.

— Точно нет. Все знакомые мне Малачаи скормили бы Малфаса врагам, чтобы купить себе время и достать солдат, — хотя тон Дэгона говорил, что тот не был уверен, хорошо ли это.

Ник улыбнулся еще шире.

— Расслабься. Причина в чипсах с красителями, которые я ел в детстве. Наносят не сильные увечья, плевать на лишние пальцы на руках и ногах. Они иногда могут быть полезны.

Древние боги, лишённые чувства юмора, проигнорировали и это. Жалко их.

Коди застонала, будто плохие шутки причиняли ей физическую боль, и покачала головой.

Сими обняла Ника за плечи.

— Так пора подкрепиться демонами? Сими голодает, а буфет прямо внизу, и его все больше. Предлагаю, чтобы Сими пошла и проредила стадо, пока мы ждем, — она ослепительно улыбнулась.

Ник переключил внимание на армию, которая маршировала, разыскивая их. Пока он наблюдал, его посетила странная мысль.

Может и осталась кое-какая надежда.

Он посмотрел на двух бывших древних богов.

— Я же Паттон[1]?

Они обменялись удивленными взглядами.

— Паттон? — спросил Ксев.

Да, им не понять сравнения.

— Генерал огромной орды демонов? Учítывая, что вы появились раньше Александра Македонского, то это как сравнить меня со Стиксом или Дидаймосом.

Ник нахмурился, когда понял, что только что сказал.

— Погодите, откуда я это знаю? Я вообще не знаю историю. Черт, я что слушал, когда Эш разговаривал с Кирианом? Никогда им об этом не говорите. Их раздует от самодовольства, и нам придется искать дом побольше, — он мотнул головой в сторону демонов. — Ладно, пусть они и слушаются сейчас другого командира, но главный начальник-то я, да?

Выражение лица Дэгона говорило, что слова Ника до него не дошли.

К счастью Ксев не отставал.

— Да, и твоя идея?

— Что мне нужно, чтобы выйти и заявить свои права на парней?

Коди фыркнула.

— Чудо.

— Не помогаешь, — сказал Ник сухо.

Ксев сделал глубокий вздох и задумчиво посмотрел на Сими.

— Чудо, — повторил он, соглашаясь.

Ник закатил глаза.

Ксев улыбнулся раздражающей улыбкой.

— Ты всегда можешь выйти вперед со всем своим очарованием и попробовать заполучить их с помощью него, — он подтолкнул Ника к двери. — Давай, рискни.

Ник пошел к двери.

— Так и сделаю. Подумай об этом. Все нападают на них, так? Они привыкли драться. Если я выйду, чтобы поговорить с ними, это выбьет их из колеи. Это сработало, когда я говорил с мемитимами. Никто на меня не нападал. Они даже казались благоразумными. Так если я выйду и поясню, что я их большая шишка, они выстроятся в ряд?

— Чтобы убить тебя? — спросил Ксев. — Скорее всего. Чтобы выслушать и подчинится? Не стал бы ставить на это. Но кто я такой, чтобы мешать тебе делать глупости.

Ник проигнорировал его.

— Ха-ха, очень смешно, — он посмотрел на них. — Есть идеи получше?

— Коктейли Молотова? — предложила Сими. — Так они пожарятся, убегая.

Коди поперхнулась от предложения Сими и мило прикусила губку.

— Возможно и есть. Но не уверена, что это вам понравится.

— Давай послушаем.

Прежде чем Коди успела изложить Нику план, все в комнате замерло, даже само время.

Казалось, это не затронуло лишь Ника. Это Тахимарон? Он действует и на сверхъестественных? Другого объяснения у него не было.

По крайней мере ни одного разумного.

Даже Сими застыла, а такого раньше не случалось. Подобное на нее не действовало. Ник помахал рукой у нее перед лицом, ожидая, что она укусит его за палец и рассмеется над его доверчивостью.

Этого не случилось.

Да что это?

Он мягко ткнул Сими, она не сдвинулась ни на дюйм. Его сердце громко стучало, он услышал цокот лошадиных копыт прямо у себя за окном.

Нахмурившись, Ник пошел посмотреть в чем дело. Он открыл шторы и отпрыгнул, издав пронзительный вопль, который мог конкурировать с криком королевы-крика Мэрилин Бёрнс, встретившейся с Кожаным лицом[2]. Не самый мужской из его звуков. Слава богу, остальные его не слышали.

За окном в воздухе висел король лекарей чумы. Только парень выглядел так, будто по дороге подхватил не только чуму, но и чесотку, бешенство и болезни, от которых гниет плоть.

Из-под окровавленных одеяний появился костлявый палец и поманил Ника наружу.

Ник покачал головой.

— Извините, я наказан. Мама не разрешает мне пойти на улицу поиграть, пока я не сделаю домашнее задание и дела по дому. Займет это примерно декаду... а может и несколько веков.

Тот показал песочные часы, в которых осталось лишь несколько песчинок.

— Если они упадут, а тебя здесь не будет, Малачай, все, кого ты любишь, умрут.

Ник нахмурился, заметив, что возле каждого в комнате стояли зайтитигеры, прижав кровавые серпы к их горлу.

Возле каждого, включая лежащую без сознания мать.

Как такое возможно?

Он ошеломленно посмотрел на короля мертвых и понял, что песка в часах почти не осталось.

[1] — Джордж Смит Паттон, младший (англ. George Smith Patton, Jr.; 11 ноября 1885 —

21 декабря 1945) — один из главных генералов американского штаба, действующего в период Второй мировой войны.

[2] — Актриса и герой «Техасской резни бензопилой».

Глава 11

В некоторые путешествия мы должны отправляться одни. Ник замер, услышав в голове голос матери и слова, которые она всегда говорила ему.

Рождение, смерть, чистка зубов зубной нитью, педикюр, принятие ванной. Мусор...

И определенно встреча с той фигней, что зависла за его квартирой, и похоже, являлась шефом зайттригеров.

Все это надо делать самому. Хотя если честно, у него возникло детское желание пробежать через толпу птиц, крича, как истеричный, переевший сахара ребенок на пляже. Часть его гадала, разлетятся ли они, как и обычные пернатые.

Скорее всего нет.

С его-то удачей, они набросятся на него и выключат глаза. Пугливыми они не выглядели, а были скорее как птицы, которыми Зевс мучал Прометея за то, что тот передал огонь людям.

Так, соберись, парень. Расправь плечи. Держи голову выше. Ник был Малачаем, пора самому страшному чудовищу показать, кто тут босс.

Но если честно, ему хотелось скукожиться и побежать с криками в противоположном направлении, и чтобы от него остался только дымок. Единственное, что не давало ему так поступить — люди, которые полагались на его стойкость: его мама, Коди, Калев, Сими, Ксев.

Он отказывался разочаровать их.

Им нужно, чтобы он прошел через это и был мужчиной, которым себя называл — способным и глазом не моргнув, вынести любые испытания, а не мальчиком, которым чаще всего себя чувствовал.

Он хотел, чтобы к нему относились как к взрослому. Вот и пришла пора повзрослеть, это и значило быть таким. Разбираться с дерьмом, с которым разбираться не хочется. Оставаться сильным, когда хочется съежиться. Он слишком часто видел, как это делала его мама. Сколько раз она храбрилась, пряча слезы, и собиралась на работу, которая унижала ее и уничтожала часть души?

Сколько раз он подслушивал, как она по утрам тихо подбадривала себя, готовясь встретить ужасы дня?

И для того, чтобы обеспечить их паршивой крышей над головой, она день за днем занималась этим и никогда не жаловалась.

Нужно делать то, что должен.

Теперь настал его черед подтянуть штанишки, как большой мальчик, и спасти их всех.

«Я смогу».

Ник глубоко вздохнул, чтобы успокоить нервы и перенесся на улицу, чтобы встретиться с повелителем демонов и узнать, что от него хочет чудовище.

Вблизи тот был гораздо крупнее, чем выглядел при взгляде из окна. На каких он стероидах? Блин!

Серьезно подавленный Ник застыл на улице, скривившись, оглядывая демонов, которые тоже казались больше вблизи. Их стало еще больше? Он мог поклясться, что несколько секунд назад их было не так много.

Возможно, у него пошаливают нервишки. Ага, точно.

Завидев его, они приготовились к атаке. Ладно, это страшнее, чем он предполагал.

«Соберись, Готье. Ты сможешь».

«Да куда мне... ты что, ослеп?»

Да, самое время подбодрить себя, как делала это его мама. Его желудок сжался, будто он был готов родить ежа.

«Малачай!» — его имя пронеслось по их рядам наполненным ненавистью шепотом.

На краткий миг Ник подумал, что это все решит, что они разбегутся в поисках укрытия, как испуганные кролики.

Пока он не понял, насколько прав был Ксев. Страх не был лучшим помощником. Он лишь делал их нестабильными и враждебно настроенными. Они скорее нападут, но не отступят.

Чудесно. Просто чудесно. Атака паникующих демонов. Как раз то, что нужно.

Точно.

Высокий, страшный повелитель демонов приблизился к нему со странной улыбкой. Его обветренное лицо покрывали шрамы, он был одет во все черное, на голове капюшон, на руках необычные браслеты из тусклого серебра. На каждом было выгравировано сложное изображение клубка змей, которое казалось странно знакомым, хотя Ник не знал почему. Завитки темных волос обрамляли его угловатое лицо, он удивленно изучал Ника.

— А ты храбрее, чем я думал, — в песочных часах, которые он держал, появилось больше песчинок. — Хорошо, своей смелостью ты добавил время. Аплодирую тебе.

По его спине побежали мурашки.

— Что происходит? Чего ты хочешь от меня?

— Хронос, Хронос, Хронос, — произнес странно знакомый женский голос тоном, напоминающим тиканье часов. — Ты изъяснился очень смутно, и бедный мальчик не понимает, о чем ты говоришь. Посмотри на бедняжку, он готов штанишки обмочить.

Рядом с Ником появилась Тиамат с пленительной улыбкой на лице. Она убрала с его лба прядь темных волос, потом обняла его за плечи и прижалась к нему.

— Бедный Малачай, — проворчала она. — Странный денек, да?

Она зловеще рассмеялась, затем отодвинулась от него и встала рядом с Хроносом.

— Считай это тестом. И ты справлялся неожиданно хорошо.

— Справлялся? — у Ника снова обожгло желудок.

Тиамат кивнула.

— Пока мы не можем допустить войну. Нужно утрясти проблему.

Так, ему не нравилось, как все это звучит. Его язва явно увеличилась в размере.

Прижав руку к ноющему желудку, Ник пожалел, что у него нет кучи таблеток.

— И какую проблему?

— Глава усумгаллу.

Это застало его врасплох. О чем она? Какой глава? Он же глава, так?

— Прости, что?

Она подошла и потрепала его по щеке в невероятно снисходительной манере. Дамочки из церкви гордились бы ей. Он удивился, как она не ущипнула его за ямочки во время этого.

— Прошло голосование. Похоже, большинство твоих генералов считает, что ты не можешь вести их. И так как есть другое существо, рожденное от крови Адариана, они попросили нас быть судьями и выбрать, кто из вас должен быть назван его наследником.

Ник заставил себя не раскрывать рта от удивления или хоть как-то показать, что для него это были плохие новости.

— Не думал, что это так работает.

Она кивнула.

— Силы Малачая можно забрать, особенно если это может сделать его сын. Твой старший брат легко может потребовать права, данные тебе по рождению, если мы посчитаем его достойным.

Отличненько! Может еще и глаза выковыряют или зажмут его мужское достоинство? Так будет еще веселее!

Но тут он вспомнил о том, что не успел осознать.

— Погоди... что? О каком старшем брате мы сейчас говорим? Я не знал, что у Малачая больше, чем один сын может прожить больше десяти лет. Разве это не так?

Хронос засмеялся.

— Адариан был чертовски изобретателен. Похоже, он придумал, как можно обойти проклятие и спрятал своего первого сына от богов. В этом он признался одному из твоих сарра перед смертью. Этого сына, как и тебя, проверяли на способности, чтобы посмотреть, кто лучше подходит на роль Малачая.

Тиамат потрепала его по щеке.

— И вот тут пора тебе понадеяться, что ты пройдешь проверку, а он провалит.

Прекрасно. Кстати о тревоге перед тестом — Ника посетило неприятное чувство, что итог будет хуже, чем просто «двойка».

Скорее всего это будет Смерть, и это вовсе не вечеринка с Гримом. Смерть с могилой, и его больше никогда не увидят и не услышат.

— Не сообщите критерии, по которым меня будут оценивать?

— Нет.

У него отпала челюсть от холодного и неожиданного ответа Тиамат.

— Нет? Серьезно? Вы мне даже не намекнете, как пройти тест, и ничего о нем не расскажете?

— Нет. Тогда нам будет не так весело. Но ты сам того не зная, уже прошел большую часть теста, так что выдохни, дитя. Мы тебя не убили... пока. Расслабься.

Ей легко говорить. Ее жизни никто не угрожал.

— Ага, но мне нравятся подсказки к игре.

Она коварно улыбнулась.

— Жизнь — это не игра с подсказками. В ней надо получать очки за опыт.

Фу, как похоже на его маму.

— И какая следующая часть теста? Скажете что-то еще?

— Хочешь вылечить мать и Малфаса? — спросил Хронос.

— Больше, чем что-либо.

— Тогда, учитывая, что большая часть твоих генералов против тебя, тебе придется выбрать двоих, которым доверяешь. Один останется защищать мать от врагов на случай, если они нападут, пока ты будешь разбираться с делами. Другой будет прикрывать тебе спину и сражаться с тобой во время путешествия.

Хронос наклонился и прошептал Нику коварным тоном:

— Но остерегайся. Любой может предать и обменять тебя или твою мать на спасение. Вот как ты рискуешь.

Мило, мило, мило.

— А если я решу не играть?

Тиамат цыкнула не него.

— Не вариант.

Конечно же нет. Ник сжал зубы и проклял свою удачу и судьбу.

Тиамат сморщила носик.

— Так кого ты выберешь в помощники?

Первого было легко выбрать. В свое отсутствие он бы доверил мать только ему.

— За мамой будет присматривать Ксев.

Казалось, обоих шокировал его выбор. Хотя он и не знал почему, пока они не заговорили.

Хронос с любопытством склонил голову на бок.

— Он предал жену своего брата, свое дитя. Ты знал это?

Ник не знал, что у Ксева был ребенок, но все же...

— Я верю, что он не причинит вреда моей матери, — Ник не знал почему, но иногда взгляд Ксева говорил, что он умрет, но не позволит навредить ей.

Так или иначе, Ксеву он верил.

Тиамат так и излучала неудовольствие, когда жестом приказала одному из зайттигеров уйти. Тот подчинился.

— Тогда ладно. И твой партнер?

Если честно? Он никому не доверил бы прикрывать свою спину. Даже Гриму. Эта идея была очень близка к суициду.

— Можно выбрать Сими?

Тиамат потерла лоб.

— Нужно выбирать из твоих сарра.

Очень не хотелось бы.

— Коди?

Хронос уставился на него.

— Мне нужно уменьшить песок твоего времени жизни, чтобы ты выбрал?

Ник уже начал не любить его.

Если честно их он не хотел выбирать. Они не были его союзниками. Гриму он не нравился, между ними было непонимание. Лагерре пугала его, она была СТРАННАЯ (большой буквы С. Бейну... была свойственна двойственность во всем. Ирре Ник и вовсе не знал. Так что оставалась одна, и почему-то его это не радовало, но выбора не было.

— Тогда Ливия.

Хронос скривился.

— Странно, что ты выбрал двоих, которых знаешь недолгое время. Почему они?

Ник пожал плечами.

— Я знаю, что Гриму доверять нельзя, Лагерре еще меньше. Я почти не знаю Бейна и пока не встречал Ирре. Я могу доверять лишь Ксеву.

Хронос обменялся удивленным взглядом с Тиамат.

— Тогда зачем выбираешь Ливию прикрывать тебе спину?

— Она сказала, я могу ей доверять.

— И этого тебе достаточно?

Нет, ни капельки. Но они не оставили ему выбора.

Кроме того...

— Если она обманула меня, на ее плечи падет позор. Не на мои. Как говорит мама — позор тому, кто делает постыдные вещи, — Ник вздохнул, ужасаясь грядущего, но зная, что не может его избежать. — Итак, что я должен делать, чтобы помочь близким?

Тиамат выставила руку, и на ее запястья приземлилась ярко-красная ворона. Она погладила ее маленькую уродливую головку.

— Лерабет проводит тебя к лекарству, которое нужно, чтобы разбудить твою мать и Калеба. Ты должен отправиться в святой Немед в самом центре темного леса и собрать ягоды с самого большого дерева. Три ягоды на каждого, шесть в общем. Не больше. Но знай, путь не близок и полон опасностей. Все не то, чем кажется.

— Ты видела, кто посещает мою школу? Я к такому привык.

Тиамат фыркнула в ответ на его шутку.

— Осторожно выбирай тех, кому можешь доверять, иначе это может стать твоей последней ошибкой. А еще ты должен знать, что Нойр и Азура пытаются заполучить себе тела. Если они первыми доберутся до твоих любимых, ты никогда их не вылечишь. Жизни твоей матери и Калеба оборвутся. Навсегда. Так что твое время ограничено. Ты должен не дать твоему брату и богам выполнить свои миссии. Тот, кто закончит квест первым — выиграет. Проигравшие умрут в мучениях.

Хронос прокашлялся.

— И сразу скажу, как и в жизни, здесь нет никаких правил. Нет ничего честного. Победитель получает все.

Замечательно. Могли бы дать парочку друзей в этом путешествии. Кого-то, кому он по-настоящему доверил бы свою спину.

Но может, в этом то и дело. Иногда в жизни некому прикрывать твою спину от врагов. Как часто говорила его мама, через некоторые двери надо проходить одному.

— Так когда начнется эта катастрофа? — спросил Ник.

Тиамат отступила, смеясь, и щелкнула пальцами.

Перед ними появилась жутко обиженная Ливия, но затем увидела Хроноса и Тиамат.

Она резко побледнела.

Пискнув, она поспешила спрятаться за спиной у Ника, как будто тот мог защитить ее от них. Хотя толку от него, как от стены из плоти.

— Что это? — прошептала она.

— Мы идем добывать лекарство маме и Калебу.

Она вцепилась в него.

— Что? — прошептала она снова.

— Они... — он дернул головой в сторону Хроноса и Тиамат, — дают нам шанс вылечить их.

Прикусив губу, она сглотнула.

— Уверен, что мы можем им доверять?

— Нет, но это их единственный шанс. Так что я им воспользуюсь.

— К-к-куда мы отправимся? — она едва успела задать вопрос, как все вокруг них почернело. Было так темно, что у него разболелись глаза, он начал видеть странные пятна, пытаясь разглядеть что-нибудь в абсолютном ничто.

Когда неожиданно появился свет, Ник поморщился от боли и обнаружил себя в темном, туманном лесу, а не на улицах Нового Орлеана.

Сквозь зловещие узловатые деревья с коллочками, с которых свисал мох, пробивался лунный свет. Он подобного никогда не видел. Даже в Азмодее. На расстоянии он слышал звуки животных, в том числе и волков. В воздухе висел тяжелый запах смерти, сосны и омелы. Он был таким сильным, что Ник даже ощущал его вкус.

— Что это за место?

Ливия тихо выругалась, затем ответила.

— Агония.

— Ага-что?

— Аго-ни-я. Это адская реальность, Ник. В нее сослали Ксева много веков назад в наказание за предательство своего народа и убийство жены Калеба.

Ох...

Ник, медленно поворачиваясь, изучал местность с любопытством и настороженностью. Хотя место и было темным и немного сырым, но все же в нем была какая-то нереальная красота.

— Выглядит не так уж и плохо, — точно не так ужасно, как он воображал себе после рассказов Ксева. Он ожидал палящую адскую пустыню без каких-либо удобств.

Но как только он подумал об этом, красная ворона издала душераздирающий вопль. Земля под его ногами начала подниматься, и из ниоткуда появился гигант с заостренными зубами и единственным каменным глазом в центре выпуклой головы.

Глаз с яростью уставился на них.

— Кто вы? Зачем сюда пришли?

Явно не на выходные в Динейленд.

Ник осторожно отступил и решил воспользоваться опытом единственного древнего грека, которого знал. Он стал играть в Одиссея с этим созданием.

— Никто.

К сожалению, Ливия «Одиссею» не читала и поэтому сразу же его сдала.

— Ты не Никто, Ник! — Она гордо задрала подбородок. — Он Малачай! Лучше выкажи уважение, или он уничтожит тебя на месте!

Блин, в кои-то веки она решила быть честной и говорить прямо.

Гигант удивленно посмотрел на них.

— Малачай? Здесь?

Когда Ник смог ответить лишь очень «красноречивым» пожатием плеч, весь лес ожил и атаковал.

Глава 12

Вначале Ксев понял, что его окружает. Чувствуя что-то вне комнаты, он заморгал и нахмурился, затем встретился с таким же удивленным взглядом Коди. Его тело напряглось, будто он сражался.

Но все же это было не так.

Да?

Пошевелив плечами, он постарался понять, что чувствовал и видел.

— Где Ник? — спросила его Коди.

Так вот чего не хватало. Мгновение назад Ник был рядом с ним.

— Не знаю.

Даже Дэгон казался сбитым с толку.

— Что случилось? — потирающий виски Ксев чувствовал, будто его неплохо огрели по

голове. Никто не бил его так сильно, не считая Калеба. Только этот демон мог так потрепать его.

Неожиданно Дэгон замер.

— Чувствуете запах?

— Запах чего? — спросила Коди.

Но как только Дэгон упомянул это, Ксев узнал уникальный сладковатый запах.

— Хронос.

Дэгон медленно кивнул.

— Его хранители были здесь.

Медленно обведя комнату взглядом, Ксев остановился на тенях, сузив глаза.

— Или они все еще здесь.

Коди нахмурилась.

— Не понимаю.

— Как и я, — пробормотал Дэгон.

Он встретился со взглядом Ксева, в котором отражалась его собственная тревога, грозящая перерасти в нечто, чего им не хотелось бы пережить.

— Думаешь, они забрали Ника к Источнику?

От этой мысли его желудок сжался. И все же...

— С чего бы еще исчезнуть Малачаю? Должно быть, они забрали его.

Но зачем?

Этот вопрос пугал.

Если Ником завладел Хронос, хорошего не стоит ждать никому. Особенно людям в этой комнате. Древний бог не вмешивается по пустякам.

А когда он это делает...

Со всеми происходят трагические вещи.

Ксев повернулся к Сими.

— Чаронте? Можешь выследить Малачая?

— Хотелось бы Сими, чтобы ты прекратил ее так называть. Это очень-очень раздражает. У нее есть имя. Даже два, и оба они милые. Так что выбери одно и обращай ко мне. Иначе я могу сделать с тобой нечто не очень милое, чтобы пояснить точку зрения Сими.

Раздраженно вздохнув, она закрыла глаза и постаралась обнаружить Ника.

Через несколько секунд она покачала головой.

— Неа. Сими понятия не имеет, куда он ушел. Может, проголодался? Иногда мальчики делают это без предупреждения. Он единственный из знакомых Сими, кто ест столько же, сколько и она. В конце концов, он растущий Малачай.

Ксев медленно повернулся, чтобы рассмотреть символы на стене. Символы бесполезные как против Хроноса и Тиамат, так и против их питомцев. Он надеялся, что ошибается.

— Какие-то у меня плохие ощущения.

Дэгон кивнул.

— И у меня. Если сюда приходили Хронос с Тиамат, на это может быть лишь одна причина.

— Какая? — спросила Коди.

— Судейство, — ответили Ксев и Дэгон в унисон.

Лишь это могло объяснить произошедшее: погоду, демонов, все.

Надо было понять раньше. Но это случалось так редко, что не пришло ему в голову, особенно учитывая, что ни он, ни Ливия не проголосовали.

Теоретически сарра должны собраться и решить все вместе. Но ему об этом не сообщили, как и Ливии, которую он видел каждый день.

Коди резко вдохнула.

— Остальные?

Ксев кивнул.

— Возможно они попросили убрать Ника с поста Малачая.

У нее открылся рот, когда она поняла, с каким серьезным делом они столкнулись.

— Такое случалось раньше?

— Лишь однажды, много эр назад. После этого... такой возможности не было. Из-за памяти поколений и жажды мщения, Малачай быстро усмиряли нас из страха, что это случится снова. Они не давали нам возможности собраться вместе и проголосовать. И с удовольствием наказывали нас за прошлый поступок.

Дэгон повернулся к Коди.

— Ты лучше иди к Калебу и убедись, что Ливия с ним ничего не сделала.

— Ты о чем?

На вопрос ответил Ксевикан.

— Если это проверка Малачая, она может работать с остальными, и неизвестно, что она могла с ним сделать, чтобы начать это. Нужно четверо сарра, чтобы решить подвергнуть Малачая опасности. Я знаю, что меня голосовать не звали. Тогда остается она или Бейн. И у меня чувство, что Бейну плевать. Если только он не отличается от человека, что я помню, который не слишком вмешивался в политику или измену.

Коди покачала головой.

— Ерунда какая-то. Зачем Ливии делать это после того, как Ник и Калев приняли ее?

Ксев горько рассмеялся.

— Это ее природа, Никода. Если бы сарра связались с ней и попросили присоединиться, она бы поступила так не колеблясь. Она хочет одного — ощущать себя частью их семьи, одной из них.

Когда Коди собралась уходить, они услышали стук в дверь.

— Меньяра? — спросил Дэгон, думая, что, возможно, это вернулась она с подкреплением.

Никто не ответил.

Сими подошла к двери и посмотрела в глазок.

— Неа. Это мальчик-собачка. Завид... Привет, Завид! — сказала она громко, открыв дверь, чтобы он вошел в квартиру.

Но когда он самодовольно ввалился в комнату и направился напрямик к дивану, где все еще спала Чирайз, они поняли, что это не Завид.

Это был Нойр в его теле.

Дэгон перекрыл ему путь к Чирайз.

— Что ты здесь делаешь, отец?

— Ты знаешь, что я хочу, мальчик. Присоединяйся ко мне, или отойди.

Дэгон перевел взгляд на Ксева и Коди.

— Ты просил меня выбрать сторону, за которую я умру. Я выбрал.

Отступив, он выпустил ударную волну из рук и заявил о своей неприязни.

Глава 13

Когда каждый кустик и травинка в лесу ожили, желая напасть на них, Ливия взвизгнула и побежала, чтобы спрятаться, и оставила им Ника в качестве угощения.

Ошеломленный и разозленный Ник ахнул и вытащил меч Малачая, увеличив его в размерах.

— Ливия! Помоги, пожалуйста! Ты же должна быть одной из моих сарра!

Она пискнула и пригнулась.

— Я не сражаюсь рука об руку. Я веду... А другие демоны сражаются, я же никогда. Этим я не занимаюсь.

И она сообщает об этом только сейчас? Серьезно?

Он ошеломленно смотрел на нее, осознав, как плохо он выбрал партнера для этого предприятия. Вот так взгляд на прошлое.

И полную глупость. Смертельно опасную глупость, Бабба им бы гордился.

Или был бы разочарован, что Ник не был достаточно внимателен на его классах по выживанию, и дразнил Баббу за преподавание.

«Это научит меня не дразнить других. Артемида была права, расплата приходит всегда».

Ник сражался изо всех сил в одиночку.

— Так, из любопытства, — простонал он, между опасными атаками. — Зачем тебя выбрали сарра, если ты не можешь сражаться?

Она задрала подбородок, будто это обидело ее, хотя для него это был очень даже разумный вопрос.

— Я очень полезная, если хочешь знать! Я вызываю зависть и конфликты на поле боя.

Отлично. Другими словами, от нее одни неприятности. Все предельно ясно. Вот зачем она была нужна для войны. Чудесно, просто распрекрасно. Этого еще ему не хватало в битве.

Ник проклял себя за то, что не задал этот вопрос раньше. Это объясняло, почему она так быстро выдала его и швырнула его кровоточащее тело под автобус в виде одноглазого гиганта.

Это свойственно ей, это ее работа.

И это объясняло многое произошедшее с тех пор, как он привел ее в команду. От нее были одни неприятности. Она разжигала огонь в остальных и наблюдала за пожаром.

«Черт... я такой кретин, и скорее всего мертвый».

Он слишком поздно осознал, что совершил ошибку, когда поставил ее прикрывать свою спину и оставил наедине со своим другом после того, как освободил ее.

Люди слишком поздно осознают ошибки, чтобы их можно было исправить. Никому не хотелось заполучить в команду того, чьей целью жизни было создавать драму, интриги и будить зависть.

«Ну почему я такой тупой?»

Как он не заметил этого раньше? Не понимал, что она делала своими косвенными намеками?

Но это было легко, ведь такие, как она используют зависть и сплетни. Самым сложным было распознать их и немедленно остановить. Не позволить им проникнуть в душу.

Потому что все это существовало лишь для того, чтобы разрушать жизни. Они бесполезны и не нужны никому.

Ник посмотрел на Лерабет.

— Эй, птичка, не поможешь, пожалуйста?

Птица фыркнула.

— Я твой проводник, а не солдат. Ты сам по себе, Малачай.

Этого он и хотел, но... Он начал понимать, что остаться одному еще не самое худшее.

Особенно перед превышающим числом нападающих, настроенных оборвать его жизнь и испортить фигуру. Палки и камни продолжали подниматься с земли и закручиваться в солдат в доспехах. Ему бы это понравилось в детстве, когда он играл в войну. Но эти палки и камни явно настроены сломать каждую кость в его теле Малачая, и не остановятся, пока он не умрет.

«Итак, что у меня есть в арсенале?»

Острый сарказм, меч, многофункциональные способности.

И запертый дух демона...

Ник рассмеялся над этой нелепостью. Пора петь «Аве Мария».

«Ты католик, это твоя специализация».

Правда, но нет никаких гарантий, что сработает.

«Но точно гарантировано, что не сработает, если не попробуешь».

Ник увернулся от уродливого, отлично владеющего мечом гиганта, пытавшегося снести ему голову. Он парировал удар своим мечом, затем едва ушел от другого нападавшего, подкрадывавшегося к его спине. Блин, как бы емугодились Коди и Калев с их навыками владения мечом. Эти парни выиграют только потому, что их было больше. Один человек, даже Малачай, не выстоит долго под этим натиском.

Не один, не с его слабыми тренировками. Между работой и школой у него просто не было времени оттачивать необходимые боевые навыки.

«Я буду обращать больше внимания на Кириана, Калеба и Ашерона, когда те будут пытаться обучить меня».

Никаких больше игр, пока он не освоит реальное ведение боя.

И сейчас он говорил серьезно!

— Лив!

— Что? — огрызнулась она раздраженно. Как будто это у нее была причина распускать сопли, когда из него выбивали дерьмо. Его рука была покрыта синяками, он едва мог поднять ее. Спина ныла, голова болела, и он не был уверен, что уцелел его позвоночник.

— Помоги!

— Не могу! Я не проливаю кровь. Так я сражаюсь.

Отличная тактика. Ник разрушил очередного каменного солдата струей огня, развернулся к другому.

«Ох и надерут же мне зад».

У него даже не было гримуара, чтобы попробовать с «Аве Марией».

Как здесь выжил Ксев?

С одной стороны, он был богом и тренированным в боях солдатом.

«А ты Малачай, у тебя сила древних богов и Источника. Ты можешь забрать изначальные силы целой вселенной и уничтожить ее».

«Используй силу, Люк!»

Неожиданно он почувствовал в себе тепло своей силы. Ее огонь побежал по его крови все быстрее и быстрее. В глазах потемнело. Спина горела, сквозь его кожу начали прорываться крылья.

«Нет!» — голос Никоды в его головы говорил ему не меняться. — «Ты не можешь

контролировать это!»

Она была права, и он знал это. Он отдавал часть своей души тьме каждый раз, когда обращался к этим силам, которые плохо понимал.

Но... здесь не было людей. Не было любимых, которых он мог потерять, если станет Малачаем.

Но и якоря тоже не было. Никто не сможет успокоить его. Естественно Ливия этим не займется, ей плевать.

«Если ты не вернешься из состояния Малачая, твоя мама и Калев умрут. Став Малачаем, тебе будет плевать на их лекарство».

«Если я не переживу это нападение, не выживут и они».

Вот и все. Ник не знал, что делать. Он боялся использовать способности и боялся этого не сделать, особенно учитывая, что в битве он уже начал терять силу. В человеческом теле он продержится не долго. Скоро с ним покончат.

Может, этого и хотели Хронос и Тиамат — настоящего Малачая, чудовище, которому безразлично что или кого уничтожить, которое кормилось отчаяньем и разрушениями.

— Отдайся своей боли, а не ненависти.

Ник замер, неожиданно услышав сзади глубокий мужской голос. Он бы не понял, о чем говорит этот раскатистый голос, если бы не привык слышать приказы кельтского Темного Охотника Талона. У него единственного был похожий акцент.

Обернувшись, он увидел неясную тень мужчины в темноте.

— Простите, что?

— Ты хочешь контролировать силы Малачая, парнишка? Отдайся боли и злости, но не ненависти. Отставь ее и плыви по течению. Боль усилит тебя и позволит сделать все, что в твоих возможностях, стать больше, чем ты есть. Если же выпустишь ненависть, она поглотит тебя без остатка. Отдайся боли, а не горькой ненависти.

Из его уст это звучало проще, чем на самом деле.

— Не уверен, что знаю, как это сделать.

— Тогда ты станешь Малачаем, как и боялся. Можешь сдаться и стать им сейчас, не нужно позволять надирать себе зад еще сильнее. Зачем растягивать мучения, а?

Ник выругался, когда одно из чудовищ больно пнуло его по ребрам, а другое ударило по спине. Он разрубил одно, увернулся от другого и разрубил его.

Застонав от боли, он уставился на своего «мудрого» мучителя.

— Эй, Расчудесный Леголас? А не мог бы ты в то же время принести сюда свой зад и помочь?

— Хотел бы я, но, к сожалению, я лишился материальной формы. В таком виде я не могу пролить кровь или хотя бы плюнуть на них.

Ливия зашипела из тени.

— Игнорируй его, Ник. Он просто пука.

— Что?

— Пука, — она произнесла так, будто он был низшим из созданий. — Блуждающие огоньки, бесполезные существа, проклятые богами.

— Или это бог войны, запертый здесь обманом родственником, который украл его силы, после того, как он по глупости доверился ему, — тень приблизилась к сражению. Если его и обидели нападки Ливии, то он никак это не показал. Ник застонал, когда одно из каменных существ сильным ударом отбросило его на землю. Он попытался встать, но земля

обернулась вокруг тела и удерживала его.

— Ты знаешь, как сражаться с ними? — спросил он пуку.

— Да... если бы у меня было тело, я смог бы сразить их всех.

Поморщившись от боли и ругаясь, Ник встретился с ним взглядом. У него появилась отчаянная идея. Пусть это и звучало безумно, но это единственное, что он придумал.

— Поменяешься со мной телами, чтобы убрать их?

Пука склонил голову на бок и приподнял бровь, как будто не был уверен, что правильно расслышал.

— Ты согласишься мне?

— Да, если дашь слово.

Пука отошел и недоверчиво заморгал.

— Ты согласишься мне на слово? — спросил он снова.

— Да.

— Не надо, Ник! Нельзя доверять пукам! Они лжецы и воры. Все! Вот чем они занимаются!

Ник проигнорировал ее.

— Я буду верить тебе, пока ты не дашь причин сомневаться в твоей честности.

Мгновение пука сомневался, затем кивнул.

— Заключим братский договор, Малачай. Впусти меня, и я буду трепать их, пока они не убегут домой, рыдая.

Воспользовавшись силами Малачая, Ник поменялся душами с пукой.

Только он был на земле и из него выбивали дух, как уже оказался в тени.

И да, приятно получить тело, которое не разрывает от боли. Он наконец мог легко вдохнуть, при этом не поморщиться и не застонать.

Ура работающим легким!

Он повернулся к своему настоящему телу, которое молотило дубинкой огромное существо.

Черт, а он неплохо сдерживал их. Но картина развернулась ужасная. И он понятия не имел, как пука справиться с ними. На мгновение он решил, что пука убьет их обоих.

Затем с яростным военным кличем и невероятной ловкостью, о которой Нику на футбольном поле оставалось только мечтать, пука в теле Ника поднялся с земли. Он завертел мечом Малачая, быстро и яростно набросился на остальных, с такими боевыми навыками, что Ник мог просто позавидовать. Часть его сомневалась, что он когда-нибудь будет так управляться с мечом.

Но в конце концов он не был богом войны.

Не важно, за что сослали пуку, но тот, должно быть, был невероятен на поле боя. Потому что это у него осталось в полной мере.

За считанные минуты каждый нападавший на пуку убежал в ночь, моля о пощаде и завывая.

Ага, он разнес всех на клочки, да еще и нашел несколько новых врагов в поле, которых никто до этого не замечал.

Его дыхание почти не сбилось, он повернулся к Нику и улыбнулся гордой, самодовольной улыбкой, указывающей на то, что он наслаждался каждой секундой оживленной битвы.

Закинув меч на плечо, он выставил руку перед лицом, сжал в кулак и почтительно

поцеловал его.

— Мне так не хватало физического тела. Ты себе представить не можешь, парнишка... Представить не можешь.

Мучительная радость в его голосе сильно напугала Ника.

— Ты же его вернешь, да?

Он бросил на Ника непонятный взгляд. На секунду Ник подумал, что совершил огромную ошибку.

Пока пука не протянул руку и не улыбнулся дружески.

— Аэрон, проклятый и забытый сын Морриган приветствует тебя, Малачай.

Ник попытался пожать ему руку, лишь чтобы понять, как неприятно не иметь материальной оболочки. Не удивительно, что Аэрон ненавидел это так сильно.

Фу! Отстой!

Аэрон по-доброму фыркнул и снова поменялся местами с Ником.

Ник заново оценил свою кожу и, более того, нервные окончания, затем посмотрел на тело призрака Аэрона. Кожа пуки была жемчужно-белой и прозрачной, как сверкающий лунный свет. Его бледные глаза напомнили ему водоворот серебряных глаз Ашерона. Даже его волосы были длинными и серебристыми. Он был по-мужски красив, пусть и был бледным, как призрак. На нем была одежда древнего воина, развитая грудь с боевыми шрамами и стилизованная кельтская татуировка ворона.

Ливия ахнула.

— Не могу поверить, что ты сдержал слово и вернул ему тело.

Аэрон бросил на нее недовольный взгляд.

— Данное тебе бы не сдержал, — он уважительно кивнул Нику. — Ты поверил мне, и этого бы я не предал. Доверие, как и любовь женщины и братская дружба святое, их нельзя воспринимать легко, злоупотреблять или недооценивать.

Ник уменьшил свой меч Малачая и убрал его в карман.

— Сколько ты здесь в заточении?

Аэрон пожал плечами.

— Время давно уже ничего не значит для меня, но для тебя да. Идем, парнишка, я отведу тебя в Немед.

Ник сузил глаза.

— Откуда ты знаешь?

На его губах появилась ленивая очаровательная улыбка.

— Пусть я и слаб, но у меня остались мои способности, и я только что побывал в твоём теле, узнал твои мысли и миссию.

Ах, вот оно что.

Лерабет наконец спустилась, чтобы присоединиться к ним.

— Я отведу его. Его миссия не твоё дело, пука!

Нику безумно понравилось, как она только что отказалась сражаться, но не могла не вмешаться с помощью. Как это типично.

Аэрон посмотрел на птицу, раздраженно приподняв бровь.

— Я знаю эту реальность лучше, чем кто-либо, — он перевел взгляд серебристых глаз на Ника. — Но ты должен верить мне, Малачай. Если ты хоть на секунду усомнишься во мне, я исчезну. Это условие моего существования. Не важно, что случится и что ты увидишь, ты должен верить, что я веду тебя к нужному тебе месту. Понял?

— Понял.

— Тогда следуй за мной и игнорируй все остальное, — он многозначительно посмотрел на птицу. — Особенно твякающих собак, которые пытаются отвлечь тебя от цели.

— Я не собака, пука.

— А я не совсем пука, птица. Я был рожден сыном Морриган и Дагды.

Пораженный их перепалкой, Ник хотел выяснить еще одну вещь, которая касалась Аэрона.

— Для начала, можно тебя спросить кое о чем?

— Конечно.

— Зачем ты мне помогаешь?

Он отвернулся, но Ник заметил горечь в светящихся глазах.

— Ты освободил Ксевикана, чего не сделал не один из Малачаев. Я должен тебе за твою доброту.

Ник, нахмурившись, услышав от Аэрона то, чего совсем не ожидал.

— Откуда ты знаешь?

— Ты Малачай. Если бы ты осушил его и вернул его сюда страдать в этом аду за то, чего он не делал, то он немедленно оказался бы со мной. Но этого не случилось.

Так, отменяем последнее утверждение. Этого Ник вообще никак не ожидал услышать. Его глаза расширились от шока.

— Ох.

Аэрон рассмеялся над его удивленным лицом.

— Мы братья и друзья, Малачай. Ничего больше.

— Понял, как скажешь.

Оглядев темный лес, Аэрон тяжело вздохнул.

— Здесь тяжело найти семью и друзей. Когда тебе везет найти кого-нибудь, держишься за него или ее и ценишь. Надеюсь, ты будешь ценить моего брата и дашь ему то, что он заслуживает.

— Я пытаюсь. Но он не всегда помогает.

Аэрон рассмеялся.

— Нам это свойственно, учитывая, что все, кто мог, нанес нам кровавые раны. Просто помни, ты обязан ему своей жизнью. Если бы ты плохо поступил с ним, то я бы оставил тебя на растерзание и позволил бы им повеселиться с тобой, — он подмигнул Нику. — Не важно, что тебе говорят о Ксевикане, он хороший человек и преданный друг. Лучший из всех, кого я знал.

— Я тоже это чувствую.

Аэрон кивнул ему.

— Слушай свое сердце, Малачай, оно не подведет. Все остальные чувства лгут. Особенно слова других, но сердце нет, — он стал голубоватым светящимся шариком, парящим на уровне глаз. — Теперь следуй за мной, я помогу тебе.

Ливия скривилась, глядя на маленький призрачный свет.

— Он похож на феечку.

Аэрон фыркнул.

— В этой форме я фея, женщина. Это и есть пука. Если ты пытаешься оскорбить мое мужское достоинство, то постарайся получше. Я был кельтским воином и богом войны, который сражался, боролся и играл, ходил обнаженным на войну с другими мужчинами,

включая моих братьев и дядей. Я был вполне доволен собой и любым своим выбором. Кроме той глупости, что привела меня сюда. Нужно гораздо больше, чем колкости чудилы, чтобы ранить мои чувства и заставить меня сомневаться в себе.

Ник засмеялся.

— Ты мне очень напоминаешь знакомого Темного Охотника Талона из Морригантов. Должно быть он кельт из Средневековья.

Аэрон ничего на это не ответил.

— Это не дорога в Немед! — предупредила Лерабет, летящая рядом с плечом Ника. — Куда ты ведешь нас, пука?

— Коротким путем в проклятые леса.

Она тихо каркнула и продолжила.

— Это ловушка, Малачай. Ты не можешь ему доверять. Пуки — это иллюзии и ложь. Их работа — уводить путников в леса и бросать там.

Свет Аэрона начал тускнеть.

— Я не сомневаюсь в тебе, Аэрон, — Ник посмотрел на женщин, сузив глаза. — Я верю в людей, так меня учила мать. Пока сам Аэрон не даст мне причину не делать этого, я отказываюсь слушать злобные перешептывания о нем. Я буду доверять его действиям и своему нутру, а не словам тех, кто не знает, что лежит у него на сердце.

Аэрон засомневался.

— Ты не обычный Малачай.

— Так мне все говорят. Хотя я не уверен, комплимент это или оскорбление.

Аэрон тихонько смеялся, ведя их сквозь густой лес.

Пока они шли вперед, Ник обдумывал предыдущую битву с каменными и деревянными людьми и «Аве Марию», которую так и не успел применить. Теперь у него было время, чтобы подумать о том, что он мог бы сделать давным-давно.

Он достал гримуар, на страницах которого, как он думал, был заточен дух, вроде Аэрона.

Калев и Коди сказали, что невозможно освободить Ниширу из книги, но он много об этом думал и решил, что если Малачай пленил йокай, он ее и сможет освободить. Как Ник сделал с Ксевом и Ливией. Книга явно была еще одной тюрьмой в другом измерении, вроде этой. Так?

Это казалось разумным. Если был вход, то был и выход. Инь и янь. Кажется, это одно четкое правило вселенной.

Но, может, они правы, а он нет. Он еще столько не понимал о том, что значит быть Малачаем. О многом вообще понятия не имел. Чаще всего он чувствовал себя малышом, который пытается научиться ходить.

В отличие от других до него, его не вырастила мать-демон или демон-суррогатная мать, которая научила бы с рождения его истинной природе. Его сила была связана и спрятана, ограничена. Он был слабым и болезненным, даже для человеческого ребенка.

До того, как Амброуз рассказал ему, он понятия не имел ни о своем праве по рождению, ни о скрытом мире и своих сверхъестественных способностях.

Об этом он знал всего два года.

Всего лишь два года. До тех пор, пока его не подстрелили парни, которых он считал своими друзьями, не спас Кириан и не дал ему работу, он знать не знал о Темных Охотниках, Даймонах, Вер-Охотниках и всем остальном.

Он и представить не мог Малачая, даже переиграв в Нинтендо. Это все еще взрывало ему мозг, когда он задумывался об этом.

Так мало времени, чтобы привыкнуть, хотя казалось, прошла вечность с тех пор, как он узнал правду. Как будто он всегда знал обо всем в душе.

Может, инстинкты Малачая чувствовали это до того, как все прояснилось. Скрытый мир был под поверхностью человеческого. Всегда прятался в тени.

Наблюдал за ним, как существо в туалете, о существовании которого знали все дети, но которые исчезало, как только родители открывали дверь, чтобы посмотреть, что там в темноте.

Да, этот товарищ тоже был реален.

И теперь, когда он знал, кто он такой, стало еще опаснее. Не только для него, но и для любимых, которых он не мог защитить.

Таких, как его мать, которая все еще не знала правды. Это было плохо и для таких, как Коди и Калев, которые знали. Хотя хуже было тем, кто понятия не имел.

«Мне нужно научиться контролировать и использовать эти способности. Овладеть ими, не использовать во вред».

Использовать, чтобы обезопасить друзей и семью от тех, кто хотел через них достать его.

Он пытался спрятать силы, чтобы враги не нашли его и не причинили им вред, и это не сработало.

Единственным выбором оставалось принять их. Стать тем, кем был рожден — Малачаем.

Были и другие существа, рожденные от темных сил, но не подчинившихся им. Они использовали тьму во благо и оставались на стороне хороших: Ашерон, Ксев, Калев, Дэгон...

— Аэрон?

Свет пуки замер.

— Да, приятель?

— Думаешь, сможешь показать мне, как контролировать Малачая внутри меня? Ну то, что ты говорил мне во время битвы? Все это про боль, а не ненависть? Это все фигня или правда?

Он тихонько рассмеялся и продолжил путь сквозь лес.

— Тебе нужно научиться не контролю.

— Ты о чем?

— Приятель, Малачая не контролируют, он свободен.

Эти слова еще больше смутили Ника.

— Но разве не это мы пытаемся остановить?

Аэрон остановился, чтобы принять человеческую форму и быть наравне с Ником. Он посмотрел ему прямо в глаза.

— Ты готов довериться мне, Малачай? По-настоящему? Не только свою жизнь, но и жизнь дорогих тебе людей? Вложить в мои руки их сердца и души? Матери, любимой, брата, семьи, друга? Подумай над ответом. Если выберешь путь, назад дороги не будет. Ты либо спасешься... либо будешь проклят на веки вечные.

Глава 14

— Зачем ты доверился Аэрону, хотя не следовало бы?

Ник закрыл гримуар, когда к нему подошла Ливия. Они устроили привал, чтобы

отдохнуть и поесть, прежде чем продолжить путешествие в самую глубокую и опасную часть леса.

— А почему нет?

Она недоверчиво нахмурилась.

— Ты его совсем не знаешь.

— Знаю так же хорошо, как и тебя.

Ливия грубо фыркнула.

— Я твоя Сарру-Ниним.

Точно. Как будто от этого она становилась лучше. Будто он должен был безгранично верить одному из генералов, чьей целью жизни было вести армию демонов уничтожать мир.

Ага, вполне разумно. Разбежался.

— Которую выбрал другой Малачай, а не я, — напомнил он мягко.

Но она по-прежнему хмурилась.

— Аэрому не верила собственная семья, его изгнали сюда навечно. Разве это тебя не беспокоит?

— Вовсе нет. С чего бы? — Ник указал на лес вокруг них. — Сюда изгнали одного из моих генералов, когда семья прокляла его.

Он многозначительно посмотрел на нее, чтобы дать понять, каким слабым был этот аргумент.

— Ты и правда хочешь поговорить об этом, Лив? Хочешь, чтобы я спросил почему тебе дали твое место и изгнали? Поверь мне, ты этого не хочешь. Просто подумай.

Она пождала губы и прямо-таки дымились.

— Знаешь, я тоже могу научить тебя использовать твои способности?

Каждая частичка души предупреждала его не делать этого. Почему-то он ей не доверял. Ни капельки.

— Лив, это не соревнование. Ты не выиграешь и не проиграешь, так что расслабься и дыши.

Она оцетинилась.

— А выглядит иначе. Ты всегда заставляешь чувствовать себя на втором месте, будто я не важна. Не важно, по сравнению с Коди, Калобом или Завидом. А теперь и Аэроном. Мне кажется, что все нравятся тебе больше меня.

Она серьезно или сошла с ума?

Или просто ноет?

Ник не мог поверить, что со всеми ее способностями, ей нужно, чтобы он успокаивал ее раненое эго. Seriously?

Но это так. Как она может быть такой неуверенной в себе? А еще такой дремучей и таким ребенком? Он был подростком, а ей были тысячи лет. Он точно не должен был успокаивать ее эго. Так?

Один взгляд на ее лицо дал понять, что это не так. Странно, да?

Ник вздохнул и покачал головой.

— Ну же, Ливия. Не поможет, и ты это знаешь. Ты очень привлекательная женщина, но иногда ты подходишь ко мне слишком близко.

— Что это значит?

— Значит, что я люблю Коди и не хочу, чтобы она неправильно поняла наши отношения, а еще не хочу ранить ее чувства. Я могу весь день сидеть голым на коленях

Калеба, валяться с ним в кровати, есть с его ложечки в школе, а он бы кормил меня с рук, хотя я бы и не стал этого делать, но ей было бы все равно. Ты сядешь рядом со мной за столом, и если она окажется напротив — это война.

— Так не честно.

— Честно или нет, так работают чувства. Мне все равно, если бы она пила из одной трубочки с Брайнной во время ланча или слизывала с ее пальцев шоколадный соус.... Или мылась с ней и ЛаШондой в одной душевой после физкультуры, если честно, я об этом даже пару раз фантазировал. Но если Коди будет держаться с Калемом за руки или поцелует его в щеку, я этой гигантской волосатой заднице устрою.

Он посмотрел на нее сузившимися глазами.

— Как королева ревности, ты прекрасно знаешь, как это работает, так что не изображай, что это не так.

— Она должна доверять тебе.

Ну точно.

— Тут вопрос не в доверии, и ты это знаешь. Вопрос в уважении. Коди доверяет мне, а я ей, потому что мы уважаем чувства друг друга, не важно вместе мы или порознь, и мы не играем эмоциями. Я не пытаюсь заставить ее ревновать, и она тоже. Нам это не нужно. Мне жаль, что ты чувствуешь себя на втором месте, но ты не моя девушка, и иногда немного чересчур распускаешь ручки в моих нет-зонах, когда ты рядом со мной, так что давай установим между нами расстояние в три машины.

А потом она сделала то, что обычно делала, когда была рядом с ним. Вторглась в его личное пространство и положила руку ему на грудь, а затем опустила ее вниз.

— Мы с тобой можем повеселиться, Ник. Если ты нам позволишь.

Он отпихнул ее руку, когда она приблизилась к поясу его джинсов.

— Я не думаю о тебе в этом плане.

— А мог бы.

И в этом вся проблема.

— Ага, но я не хочу быть таким парнем. Это всего лишь шаг от того, чтобы носить бусы за стриптиз на Марди Гра, таскаться по улице Бурбон и приставать к женщинам, которые лучше поменяют сексуальную ориентацию, чем посмотрят на меня. Без обид, но я не хочу быть тем шаблонным парнем, из-за которого женщинам хочется отказаться от мужчин вообще и навсегда. Я уж лучше буду редким парнем, который делает честь моему полу, а не глупой пустышкой.

Она хмуро посмотрела на него и провела взглядом по телу, которое сдалось бы, не имей столь твердых убеждений.

— Ты Малачай! Но ведешь себя иначе! — она сильно пихнула его.

Разозленный ее неожиданным нападением, он споткнулся и упал.

Ливия расправила крылья и приняла демоническую форму. Она стояла над его телом, тяжело дыша и глядя на него.

— Ты жалок, слаб, отвратителен! У тебя силы всей вселенной, ты можешь взять все, что хочешь, но ты их не используешь! Да что с тобой не так?

И в этот момент он понял то, чему пытался научить его Аэрон. Разницу между ненавистью и болью.

Об этой боли говорил Аэрон. Боль от того, что всю свою жизнь Ник чувствовал себя бесполезным и презируемым, ничем. Желание не взорваться и не ранить в гневе чувств

других, доказать, что они судили неверно за вещи, с которыми он ничего не мог поделать. Показать, что он не мусор, который можно выбросить в канаву. Что он не невидимка, что он человек с нормальными чувствами. Что он был важен.

В его сердце не было ненависти, был лишь горький стыд.

И он обжигал его желудок, как огонь. Откинув голову, он позволил гневу воплотиться в яростный, глубокий рев. Он пронесся эхом по лесу и заставил животных улепетывать в ужасе.

Ник оглядел лес напряженным взглядом, который не только видел, но и ощущал воздух вокруг. Впервые он был самим собой в теле Малачая. Больше не было яростного чудовища, желающего поглотить и уничтожить все, до чего дотянется. Не было желания убить или покалечить.

Он был человеком и чудовищем. Гораздо более сильным.

Полностью под контролем, цельным. Существом, понимающим обе стороны своей неистовой природы. Грубым и сострадающим.

Тихо замерев, Ник позволил ненормальному моменту захлестнуть себя. Такое возможно? Он вытянул руку, чтобы посмотреть на красно-черный мрамор кожи, когти на руках.

Ага, он точно был демоном.

— Ник? — снова позвал его Аэрон. — Ты меня понимаешь?

— Ага, и чувствую себя нормально, но странно. Очень-очень странно, — и звучал он еще страннее. Впервые он мог общаться с кем-то в демонической форме.

Аэрон подмигнул ему, засмеявшись.

— Понял, а?

Ник медленно кивнул.

— Вроде, да. Почему ты сказал, что это может подвергнуть опасности всех, кого я люблю? — он вернулся в человеческое тело и провел рукой по волосам. — Ну точно, не делайте это в домашних условиях, детишки. Только с профессиональными водителями и в закрытом грузовике.

На лице Аэрона появилась понимающая улыбка.

— Попробуешь снова? Чтобы наверняка?

Ник так и сделал. И снова сработало. Впервые он полностью контролировал свое тело и способности.

— Я освоил это?

Аэрон не торопился соглашаться.

— У тебя без сомнения выходит. Но нужно практиковаться.

Он гордо улыбнулся Нику.

— Помни, твой характер всегда будет ключом к этим силам, и тебе частенько придется его сдерживать. Ты Малачай и ненависть всегда будет твоей слабостью и погибелью. Тем местом, куда ты захочешь пойти за утешением. Но именно его ты должен избегать любой ценой, если не хочешь сожрать своих соседей и семью.

— Ну нет, я лучше откажусь.

— Мудрый выбор, парнишка.

Ливия выпрямилась и наблюдала за ними с необычным светом в глазах. Ник не был уверен в его значении, но думать об этом было некогда. Пусть побесится попозже. Если честно, он устал разбираться с ней и ее представлениями. Чем дольше он находился рядом с

ней, тем больше ценил Коди, которая никогда не приносила трагедий к нему на порог, только если они не были демонами, от которых не сбежать. Но тут уж не ее вина, она всегда старалась вначале избавиться от них.

А сейчас ему надо спасать маму и Калеба. Насколько он знал, загадочный брат почти закончил свое испытание.

И Нику надо было его обойти. Хотя, если честно, он бы с удовольствием передал Малачая кому-нибудь еще, но не мог позволить матери не проснуться.

Им нужно достать ягоды, чтобы разбудить ее. Вот цель.

Ник расправил крылья, но остался в человеческом теле. И это было круто.

— Так мы полетим к Немеду?

Одобрительно кивнув, Аэрон стал шариком призрачного света и повел его сквозь лес, а Лерабет и Ливия последовали за ними.

Теперь, когда Ник мог обращаться к силе Малачая, не позволяя ей брать верх, они смогли добраться до дерева за считанные минуты.

А еще Ник понял, что его миссия была подстроеной ловушкой Хроноса и Тиамат. Дерево было таким высоким, что без крыльев Малачая он не смог бы дотянуться до ягод. Они весели очень высоко, но была еще одна проблема.

Он нахмурился, глядя на ягоды на ветвях с листьями.

— Мне нужно выбрать черные, зеленые или красные?

— Черные, — ответила Ливия.

— Нет! — крикнул Аэрон, когда Ник потянулся за ними. — Черные ягоды Немед для смерти. Зеленые еще не созрели. Тебе нужны красные, чтобы вернуть любимых, парень.

Ливия хмуро посмотрела на него.

— Он врет, Ник. Послушай меня хоть раз!

Ник низко зарычал, устав от бесконечного нытья Ливии.

— Лерабет, какие?

— Моя задача привести. Ты здесь. Собери ягоды, как тебе и сказали.

Только была одна проблема.

— Никто не сказал цвет ягод, женщина-ворона. Сказали взять шесть.

Нику захотелось свернуть шею этой бесполезной птице. Он посмотрел на Ливию, которая смотрела на него так, будто могла убить.

Пусть она и была его генералом, но часть его говорила послушаться Аэрона.

— Отлично, тогда послушаю того, кто зовет это место домом. Если кто-то и знает, что выбирать, так это Аэрон.

Он потянулся за красными.

Как только Ник собрал шесть, Лерабет открыла черный портал в их мир.

Ник колебался.

— Аэрон может вернуться с нами?

— Я привела двоих, мне сказали увести столько же. Это все, что я могу.

Ник хмуро посмотрел на человека, которому был обязан всем. Без пуки он бы не справился. Неправильно было оставлять его здесь и уходить домой после всего, что сделал для него Аэрон.

— Аэрон...

— Все нормально, парнишка, — он ободряюще улыбнулся Нику, хотя глаз эта улыбка не коснулась. — Передавай привет Ксеву.

Ник угрюмо кивнул, чувствуя себя дерьмово. Так неправильно и нечестно. Хотя жизнь часто такая.

Ник только развернулся, чтобы уйти через портал, как к нему подбежала Ливия и выхватила кинжал Малачая из его кармана. Она перерезала ему горло, прежде чем он успел спросить, что она делает, и исчезла в портале, закрыв его.

От боли Ник упал на колени, пытаясь руками остановить кровь. Бесполезно. Он умрет.

Он не мог поверить, что только что случилось. Его убила Ливия после всего, что он сделал для нее.

«Я спас ее, вытащил из тюрьмы».

И так она ему отплатила. Кириан был прав, никакое доброе дело не остается безнаказанным.

Встав на колени рядом с ним, Аэрон каркнул и призвал небольшую стаю ворон. Он не мог ничего взять, поэтому вороны принесли солому и траву, чтобы сделать Нику подушку.

— Дыши, Малачай, успокойся.

Легче сказать, чем сделать. Над всеми его действиями взяла верх ярость. Ливия предала его самым худшим способом.

Сучка перерезала ему горло и оставила умирать в одиночестве в реальности, где нет ни семьи, ни друзей!

Но ничего не поделать. Через несколько минут он истечет кровью и уйдет из жизни навсегда.

И в это мгновение, когда его гнев и ненависть достигли высшей точки, когда ему захотелось крови и мести, он отпустил их и избавился от всего негативного в теле и сердце.

Не нужно было держаться за них в самом конце жизни. Особенно, когда он о стольком грустил, сожалел, что не провел время более продуктивно с людьми, которые были так важны для него.

Но больше всего он сожалел о том, что не мог спасти мать и Калеба. Не мог быть с Коди в эти последние столь ценные минуты.

Но кое о чем он мог позаботиться до того, как умрет. Хотя это никак не отразится на его близких, но поможет тому, кто столько раз помогал им в прошлом.

По крайней мере он надеялся, что сможет. И если он сможет помочь кому-то перед смертью, то уйдет с миром.

Перед глазами плыло, он достал свой гримуар. Он и кинжал, который украла Ливия, были самыми мощными инструментами Малачая, и он освоил их первыми. В каком-то роде. С гримуаром выходило не очень, потому что он был одержим древним йокай — озорным восточным духом-оракулом, которого заключил в книгу его отец. Единственный способ общаться с ней был предложить Нашире кровь.

«Кровь сильна, особенно твоя. Убедись, что оберегаешь ее и проливай как можно меньше», — в его голове прозвучали предупреждающие слова Калеба.

Поздновато, учитывая, что он залил кровью все вокруг. Она покрывала его уродливую гавайскую рубашки и землю. А еще она покрывала некравитакон, в котором отец заточил оракула несколько веков назад.

«Нашира», — прошептал Ник слабо, надеясь, что сработает и он освободит ее до смерти, — «услышь меня и выходи. В этот раз не в форме слов, а в форме женщины. Пора тебе на свободу. Услуга за услугу. Однажды Малачай забрал тебя из этого мира, но пришло время Малачаю вернуть тебя».

Он прижал книгу к груди и стал молиться, что сработает.

Вокруг него закрутился воздух, как жестокий и яростный ураган. Он отогнал ворон, из гримуара появилось облако фиолетового дыма, который встал, как колонна рядом с Ником и Аэроном.

На него недоверчиво уставилась пара прекрасных лавандовых глаз. Дым превратился в длинные белые волосы с фиолетовыми цветами и лентами. Затем медленно появилось остальное тело.

Белая тенга, которую его отец пленил много веков назад и заставил служить против ее воли, была гораздо стройнее, чем Ник представлял ее себе. Более хрупкой... для такого колючего сарказма. В реальности она была похожа на крошечную, очаровательную пикси. Как у Сими в ее реальной форме, у нее были острые уши и острый подбородок. Она была такой красивой в своем уникальном роде. Он пожалел, что не смог освободить ее в человеческой реальности. Но, может, когда-нибудь она туда доберется.

По крайней мере она снова обрела свое тело.

Недоверчиво ахнув, она уставилась на свои руки, поворачивая их в разные стороны, затем посмотрела Нику в глаза.

— Меня освободили?

Ник кивнул и улыбнулся ей, хотя тьма застилала его взор.

— Со своим последним вздохом освобождаю тебя от рабства. Мне жаль, что я так долго не мог догадаться, как это сделать.

Глава 15

Ник медленно очнулся, вспомнив подлое нападение Ливии на него в Агонии. И он знал, что умер.

«Потому что я идиот».

Он ожидал предательства от любого, но не от того, кто это сделал. От Ксева, Дэгона, Ашерона, Амброуза, Калеба, Аэрона, Лерабет. Даже от Коди и Меньяры.

Но предал человек, на которого он не обращал внимания.

Ага, ну не сволочь ли судьба? Никогда не промахивается. Никогда не приходит с автобусом, который гудит и мигает фарами. Это всегда сукин сын на Тайоте за ним, которого ты не заметил.

Ник сглотнул, желая, чтобы все было иначе, но он знал наверняка, что невозможно получить такую жуткую рану на шее и не чувствовать боли.

Только если ты не мертв.

А он никогда не чувствовал себя лучше. Никакой боли.

Он прикусил губу, боясь открыть глаза и обнаружить, что его больше нет. Он надеялся, что мчится к жемчужным вратам, где его ждет Петр с длинным списком вещей, которые он сделал неправильно за свою жизнь. Но он был Малачаем, поэтому не полагался на это.

«Пожалуйста, пусть там будет не очень жарко».

Жара в августе в Новом Орлеане его вполне устраивала. А еще он не хотел вечность нюхать запах протухших яиц. Ему хватало грязного белья Кириана и переулков улицы Бурбон после Марди Гра.

— Ник? — нежная рука погладила его по щеке. Она не принадлежала ни Коди, ни его матери.

Сбитый с толку, он открыл глаза и увидел Наширу.

— Я умер?

На ее красивом хрупком личике появилась улыбка.

— Нет, мы тебя спасли.

— Мы?

Она кивком головы указала на другую сторону комнаты.

Ник перевернулся, чтобы посмотреть... твою ж. Аэрон. И он больше не был пукой и тоже освободился.

Как это произошло?

Никакой бледной кожи, Аэрон сверкал загаром. А еще был очень высоким. Он был близок к огромной фигуре Ашерона. Хотя, возможно, он лишь казался высоким из-за мощной ауры и напряженного пугающего выражения лица.

— Что с тобой произошло?

Щеки Аэрона медленно покраснели, это смягчило его ауру крутого парня. Он завозился на стуле.

— Помнишь о том, что тебе надо сдерживать взрывной характер, Малачай?

— Ага?

— Держи себя в руках.

Ника посетило нехорошее предчувствие.

— Зачем ты мне это говоришь?

Встав, Аэрон увеличил расстояние между ними. Достаточно, чтобы если что удрать.

Ой, как нехорошо...

Ник нахмурился еще сильнее от того, что такой сильный и опасный, как Аэрон, побаивался его.

Если честно, он сомневался, что сможет ударить его с его-то навыками. И учитывая его состояние, он вряд ли догонит Аэрона. Так в чем же дело?

— Чтобы спасти твою жизнь, мне пришлось позаимствовать немножко твоей крови.

Ник замер от слов, завернувших три его последних извилины в голове.

— Ты пил мою кровь?

— Да.

От этого Ник скривился.

— Приятель, это гадко. Надеюсь, ты потом почистил зубы, сходил к дантисту и выпил галлон жидкости для полоскания рта.

Аэрон рассмеялся.

— Я же говорила, он не рассердится, — Нашира взяла руку Ника и склонилась к нему. — Не могу поверить, что твоей последней волей перед смертью было освободить меня.

— Ну, я только недавно догадался, как это сделать, но не был уверен, что сработает. Я хотел спросить Калеба, но он заболел. А потом случилось все это дерьмо. И раз уж я умирал, то решил, что стоит попытаться. Зачем вечность держать тебя в ловушке.

Ее лавандовые глаза наполнили слезы, она сжала его руку.

— Именно поэтому мы работали сообща, чтобы спасти твою жизнь. Именно поэтому следили за тобой и боялись, что ты не выживешь.

Ник, тронутый их беспокойством, не знал, что сказать.

Аэрон наконец подошел и протянул Нику свернутый платок.

Ник раскрыл его и увидел ягоды, которые собрал для матери и Калеба.

— Отлично, но как открыть портал, Лерабет ведь ушла?

Аэрон пожал плечами.

— Это не проблема. Ты Малачай. В 11:34 ослабевают завесы. Легко открыть портал и пройти сквозь него.

— 11:34? Почему в это время?

— Переверни и прочитай в обратном порядке.

Ник заморгал, глядя на Аэрона.

— Я идиот с очень тяжелым ранением. Не хочешь помочь братцу и объяснить?

Нашира фыркнула.

— Поверь мне, нашему Малачаю плохо даются загадки. Он даже не любит играть в Зельду.

— Ага, у меня синдром дефицита внимания.

Аэрон тяжело вздохнул.

— Это цифровой шифр слова «hell»[1]. Прежде чем оно стало означать «вечное проклятие», оно просто значило «скрыто за завесой» или просто «скрыто». Даже такое понятие как «адова пасть», такое древнее, что его использовал мой народ еще до того, как к нашим берегам прибыли миссионеры.

Нашира кивнула.

— В 11:34 у адовой пасти или адских врат завеса становится такой тонкой, что можно пробиться из одной реальности в другую. Всегда есть шанс, что кто-то пройдет сквозь нее. Именно поэтому ты видел столько зайттигеров. Атмосферные явления дали сигнал всем стражникам о том, что доступны порталы.

Аэрон скрестил руки на груди.

— Даже я знал, что Нойр пытался перейти из Азмодеи в человеческую реальность.

— У него получилось?

Нашира колебалась с ответом.

— Мне жаль, Ник. Его не смогли остановить.

Внутри него зародился страх. Если Нойр смог пробиться, тогда он пошел за близкими Нику людьми. И скорее всего Ливия сейчас спешила к нему.

Хватит игр.

Ник медленно поднялся, игнорируя боль.

— Что мне нужно сделать, чтобы провести нас?

Аэрон высокомерно фыркнул.

— Ты Малачай, преобрази свое тело, открой портал, пробейся через него.

Звучит так легко.

Нашира положила руку Нику на плечо.

— Но отключи ненависть во время этого.

Ник рассмеялся над ее предупреждением.

— А где все твои загадки, которыми ты мучила меня раньше?

Она улыбнулась ему.

— Я лишь хочу помочь тебе и отблагодарить за освобождение.

— Да пожалуйста, — Ник пошевелил плечами и встряхнул руки. — Ладно, давайте попробуем.

Аэрон встал рядом, чтобы направлять его.

Глубоко вдохнув для храбрости, Ник призвал свои силы Малачая и позволил им пробежаться по его телу. На мгновение вспомнив, что сделала Ливия, он почувствовал, что

становится чудовищем и теряет контроль.

Но силой воли он изменил себя. Ливия не стоила того, чтобы из-за нее терять будущее или Никоду и его маму. На кону стояли они.

Надеясь, что Аэрон и Нашира не предадут его, как Ливия, Ник сделал, как ему сказали и пробил дыру из Агонии назад в человеческую реальность, которую он называл домом.

В течении самой долгой и страшной минуты в его жизни он думал, что не справится. Но спустя несколько напряженных секунд он смог сделать дыру нормальной.

Он позволил Нашире и Аэрону пройти первыми, затем последовал за ними и закрыл портал.

— Где мы? — прошептал Аэрон, глядя на кровать и шкаф.

— В моей комнате, — на всякий случай едва различимо произнес Ник.

Используя телепатию, он потянулся к Коди, чтобы узнать, где они все. Она не ответила.

Он запаниковал. Они должны быть здесь, в доме, в безопасности. Почему их здесь нет?

Нашира дотронулась до его руки, чтобы успокоить.

— Дыши, Малачай, не паникуй, не злись, пока не узнаешь побольше.

Благодарный за ее присутствие Ник прикрыл глаза и использовал способности, чтобы обыскать квартиру.

Она была пустой.

Гнев раздирал его, когда он увидел кровь и сражение, записанные заклинаниями Меньяры. Здесь был Нойр, он напал на них.

— Ник, успокойся.

Если честно, ему не хотелось успокаиваться. Он хотел добраться до глотки Нойра. Малачай в нем был яростным и требовательным чудовищем. И сейчас он был голоден, жаждал крови, жаждал вырвать глотки и сердца врагов и всех, кто хочет причинить ему вред.

Тяжело дыша и борясь за контроль, он открыл глаза и уставился на Аэрона.

— Мир выглядит для тебя так же?

— Знаешь, что значит мое имя?

Ник покачал головой.

— Побоище и резня. Когда правили Дагда и Морриган, по всему их королевству для меня стояли алтари. Перед битвой мне в жертву приносили трех молодых воинов — двое мужчин и одну женщину, чтобы убедиться, что я буду благоволить и дарую победу.

— И что я должен уяснить из этого?

— Что я не жаждал собственной крови. Я мечтал добраться до глоток врагов. Их кровь разжигала мой голод, и я хотел, чтобы она омывала мою кожу и кости, пока я не напьюсь ей. Так что, да. Я понимаю, что ты видишь и чувствуешь. Как ты желаешь разорвать их на части и наслаждаться каждым криком и мольбой о пощаде и смерти.

Ник сделал шаг влево.

Аэрон схватил Ника за рубашку и притянул ближе, чтобы тот увидел каждую унцию яростного ужаса в бледных глазах древнего существа.

— Но как твой брат по смертельному искусству говорю тебе, парнишка, не поддавайся ненависти. Помни, что я тебе сказал, спаси себя, пока можешь. Не теряй душу ради мести. Думай о своей Никоде и позволь ей увести тебя от пути жестокости. И если нужно убивать, позволь мне сделать это, я итак уже проклят и потерян. Но для тебя еще есть надежда.

Аэрон отпустил его и отступил. Он похлопал Ника по щеке.

— Лучше?

Не на много, но запуганный богом войны Ник кивнул и несколько секунд пытался совладать с эмоциями.

Наконец он обрел равновесие настолько, чтобы воспользоваться заклинаниями Меньяры и посмотреть, что же произошло и чем все закончилось. Да, его гнев хотел взять верх, но он крепко держал его в узде.

Он не станет своим отцом.

«Я Амброуз Малачай».

И он пойдет своим путем, не важно, верным или нет.

Он глубоко вдохнул и посмотрел на Аэрона и Наширу.

— Они у Калеба.

И у них шла страшная кровавая битва.

[1] — ад.

Глава 16

— Мы не сможем сдержать их! Они прорываются! — крикнула Коди, предупреждая Сими, которая находилась в спальне Калеба с ним и Чирайз.

Демоны, вороны, насекомые... Нойр бросил на них все, что можно было представить.

Коди никогда такого не видела со времен битвы против Амброуза много веков спустя. Они проигрывали, и она была напугана.

После того, как Нойр завладел Завидом, Дэгон выгадал им достаточно времени, чтобы перенести Чирайз сюда, подальше от него.

Но это не продлилось долго. Нойр нашел их, и они снова сражались.

Неожиданно в фойе вспыхнул яркий свет и появилась Ливия в демоническом виде. Высоко подняв голову, она самодовольно оглядывала воюющих.

— Сдавайся, Никода! — крикнула она, стоя у подножия лестницы. — Ник мертв. Я новый Малачай!

Она подняла меч над головой, доказывая свое заявление.

Сердце Никоды, стоящей на балконе наверху, застыло от ее слов. Нет, не правда! Не может быть!

Слезы слепили ее, она вставила стрелу в лук матери.

— Ты лжешь! Я тебе не верю! Ты недостаточно сильна, чтобы убить Ника, — Коди выпустила стрелу в голову Ливии.

Та пригнулась и послала в нее волну, но промахнулась, и та разбила окно над головой Коди.

— Как ты думаешь, чья кровь покрывает меня? — спросила Ливия. — Я перерезала ему горло его же мечом!

Хотя у Ливии и был меч Малачаев, Коди отказывалась верить, что Ник мертв. Она бы почувствовала, это уловка.

— Ты лжешь! — прорычала она. Ник был слишком умен, чтобы умереть от ее рук. Она бы не простила его за это. Никогда!

Здание содрогнулось, когда столкнулись Нойр, Торн и Меньяра.

У Коди заканчивались стрелы. На нее напирали, она устала так, как не уставала с тех пор, когда сражалась с братом против Ника. Мелькали молнии, лил дождь и вокруг раздавались крики демонов.

Но она продолжала сражаться. Так учили ее родители. Сражаться, не смотря на боль и усталость. Никогда не сдаваться.

Ливия подняла меч.

— Вы все! — закричала она яростно. — Слушайте! Теперь вы должны подчиняться мне! Я Малачай! У меня его силы! Я забрала его кровь и меч!

С этими словами битва прекратилась.

Даже Нойр перестал сражаться.

Весь покрытый кровью, он вернулся в комнату, чтобы встать рядом с Ливией.

— Что это?

Она протянула ему меч.

— Я использовала меч Малачая, чтобы перерезать ему горло и забрать его силу. Я лидер усумгаллу! Услышите меня Хронос и Тиамат — бог порядка и богиня хаоса. Теперь я ваша главная слуга, та, кто увидит последнюю битву.

Рядом с Коди на балконе появились Торн и Меньяра вместе с раненым Ксевом и Дэгоном.

— Что это за безумие? — прорычал Ксев.

Слезы наполнили глаза Меньяры.

— Невозможно. Только не мой Ники.

Рядом с Ливией появилась Тиамат и протянула руку.

— Покажи мне меч.

Ливия протянула его, сложив крылья.

Богиня изучила его и кивнула.

— Это и правда меч Малачая, на нем кровь Амброуза.

Не способная дышать, сдерживающая рыдания Коди упала на колени, с горечью принимая эти слова. Ее единственным утешением было то, что Чирайз спала и не слышала их. Ее убила бы смерть Ника.

Ксев поднял ее и прижал к груди, но он не мог уменьшить ее боль. Только если перережет глотку Ливии.

Коди горела жадой мщения, она отодвинулась и пошла вперед.

Ксев поймал ее за руку.

— Не смей, они убьют тебя.

— Ну и пусть! Он все, что у меня было, — ее тело сотрясали рыдания, боль и горе наполнили каждую частичку ее тела. Казалось, что у нее вырвали сердце. Она не могла потерять еще кого-то. Она устала хоронить любимых, устала прощаться.

Тиамат протянула меч Ливии.

— Выбирай себе генералов, Малачай.

Грим и Лагерр вышли вперед, нагло ухмыляясь.

Ливия прошла мимо них.

Она была готова выбрать случайных демонов, когда в комнате раздался глубокий каджунский голос.

— Ну уж нет! Положи мой меч. Ты его заляпала, не знаю, смогу ли оттереть твои следы с рукоятки, мымра.

У Коди перехватило дыхание, глаза затуманили слезы, она осматривала толпу, пока не наткнулась на высокого и гордого, крылатого Малачая, с черно-красной кожей.

Амброуз!

Она ненавидела это тело всей душой, но сейчас...

Она хотела поцеловать его.

— Ник, — выдохнула она и ее затопило облегчение.

Он влетел в комнату с двумя незнакомцами. Но по тому, как Ксев замер, было ясно, что он знает по крайней мере одного из них.

Ливия, взвизгнув, повернулась к Нику.

— Нет, я убила тебя! Ты мертв! Я видела!

Ник в свойственной только ему манере высокомерно нахмурился.

— Как видишь, нет. Нам нужно поговорить о твоём косоглазии. Хорошо, что ты не мужчина, потому что тебя бы все время выгоняли из туалетов по всему городу. Как же у тебя плохо с прицелом.

Когда она попыталась напасть, Ник вырвал у нее меч. Затем отбросив ее к стене своей силой, он повернулся к Тиамат.

Ник не был настроен играть с древней богиней. Хотя он знал, что она может разнести его на кусочки, ему было плевать.

— Я так понимаю, что прошел испытание?

Она лишь кивнула.

— Хорошо. Это значит, что я могу выбрать генералов?

И она снова кивнула.

Ник не отрывал от нее глаз, с легкостью перечисляя имена:

— Нашира, Ксев, Дэгон, Аэрон, Коди, Калев.

— Ты не можешь сделать этого! — запротестовали Грим и Лагерр в унисон.

Тиамат усмехнулась.

— Он может выбрать кого угодно, чтобы вести его армии. Это его прерогатива.

Она повернулась к Нику.

— Но знай Малачай, что ты выбрал самую сильную из когда-либо существовавших групп. Вместе они могут убить тебя однажды.

Ник кивнул ей.

— На это и рассчитываю.

Тиамат и Хронос встали рядом с Нойром.

— Пора тебе вернуться в твою реальность.

— Нет! — рявкнул он. — Мы так не договаривались.

Хронос пожал плечами.

— Баланс сохранен, Амброуз доказал, что достоин своей крови. Он победил в соревновании, прошел испытание и воскрес. Он даже подавил своих старых генералов и выбрал новых. Порядок восстановлен, он заявил о своем праве по рождению.

Тиамат сморщила носик.

— Смирись.

Во взгляде Нойра, направленного на Ника, появилась ненависть.

— Теперь я знаю, кто ты, мальчишка. Это только начало.

Ник скрестил руки на груди и задрал подбородок со всей своей каджунской гордостью.

— Пусть ты и знаешь мое имя и лицо, но меня ты не знаешь. И это твоя ошибка. Иначе ты не стал бы угрожать мне и ничему моему, — он с усмешкой оглядел тело Нойра. — Если думаешь, что справишься со мной, то лучше не приходи один.

Он посмотрел на тела на полу.

— И не забудь запастись мешками для тел.

Нойр испарился, издав яростный рев, и забрал кричащую Ливию с собой.

Грим обменялся яростными взглядами с Лагерр, затем подошел к Нику ближе. Жнец стоял нос к носу с Ником в форме Малачая.

— Мальчик, это легкое пренебрежение сегодня не будет забыто. Позволь мне облачить чувства Нойра в слова, понятные тебе и твоим демонятам... — он оглядел их всех. — Считайте себя полезными. Еще посмотрим, сучки.

По щелчку его костлявых пальцев он, Лагерр, Боль и Страдания исчезли из комнаты.

— На что? — спросил Дэгон.

Фыркнув, Коди объяснила ему, а Ник оглядывался в поисках Завида.

Меньяра грустно покачала головой.

— Завид умер, Ник. Мне жаль. Ливия принесла его в жертву, чтобы привести Нойра к этой реальности.

— Нет... — Ник не мог поверить, боль за друга захлестнула его. — А что с Калебом?

— Он наверху, все еще без сознания. Она пыталась сделать это с ним, но он слишком могущественный. Он боролся с ней даже во сне.

Слава богу.

— А мама?

К нему медленно приблизилась Коди.

— Она с Калебом, их обоих охраняет Сими.

Вздыхнув от облегчения, благодарный своим друзьям, он наконец-то принял человеческий вид.

Как только он перестал выглядеть, как создание, хладнокровно убившее ее и ее брата, Коди запустила руку ему в волосы.

— Можно спросить о новом тебе-Малачае?

Он глуповато улыбнулся, затем притянул ее к себе, и зарылся лицом в ее шею, чтобы вдохнуть сладкий запах ванили, от которого всегда кружилась его голова.

— Я узнал, как контролировать его. По крайней мере пока.

Она прижала его сильнее.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

— Никогда не знаю, — фыркнул он и поцеловал ее.

К Нику подошел Торн и тяжело вздохнул, глядя на него.

— Молюсь богу, что ты знаешь, что делать с этой новой группой, которую ты выбрал, парень.

По тому, как он смотрел на Аэрона, Нику показалось, что между ними произошло что-то серьезное. Но оба никак это не объяснили.

То же самое с Торном и Дэгоном.

Ник, прижимавший к себе Коди, пожал плечами в ответ на предупреждение Торна.

— По крайней мере я кое-что узнал о сарра и их преданности.

Торн фыркнул.

— Дружеское расположение порождает неуважение, — и с этим предупреждением он оставил их.

Ник наблюдал, как Ксев недоверчиво пялился на Аэрона. Он ходил вокруг него, будто боялся дотронуться.

— У тебя тело? Как?

— Я позаимствовал немножко крови, — Аэрон посмотрел на Ника с улыбкой.

Ксев ахнул.

— Он тебя не убил за это?

— Пока нет.

Ксев, качая головой, протянул руку Аэрому, который, поколебавшись, взял ее. Ксев притянул его к себе и обнял по-мужски.

— Спасибо, братец.

Аэрон кивнул.

Ксев поцеловал его в макушку, затем отпустил. Отступив, он встретился с удивленным взглядом Ника.

— Я так обязан ему своей жизнью, что ты даже представить не можешь.

Ник поднял руки, защищаясь.

— Эй, я не осуждаю. У меня для этого слишком безумная жизнь.

Все потихоньку возвращалось к нормальному, Ник и Коди пошли наверх с Аэроном и Ксевом, чтобы дать ягоды его маме и Калебу и вернуть их к жизни.

— Уверен, что сработает? — спросил Ник, осторожно выдавливая сок из ягод.

Аэрон посмотрел на него, как на идиота.

— Ты же не серьезно, да?

Он едва договорил, как проснулся Кaleb, кашляя и жадно хватая воздух. Как только он увидел их в комнате, тот начал ругаться на Ксева.

— Что он делает в моем доме?

Ксев тяжело вздохнул.

— Рад, что ты вернулся, брат, — и сразу же исчез.

Ник тяжело вздохнул.

— Знаешь, а ведь сегодня он спас тебе жизнь.

Кaleb хмуро посмотрел на него.

— Нет, Ник. Он забрал мою жизнь, когда позволил врагам убить мою жену. И как бы я хотел, чтобы ты не освобождал его.

— Именно поэтому ты пытался торговаться за свою свободу?

Кaleb нахмурился.

— Ты чего нанюхался?

— Ливия сказала, что ты призывал силы, стараясь освободиться от меня.

Кaleb прижал руку к голове, будто у него разыгралась мигрень.

— Что? Ты совсем дурак? погоди, ты точно знаешь ответ.

Он медленно выдохнул, потом снова заговорил.

— Слушай, придурок... Мне плевать какими глупостями забила твою голову Ливия. Единственный человек, который может освободить меня от тебя, что влечет за собой смертельную опасность и проклятие, с которыми я лучше не стану сталкиваться, это мой отец. И ему я не доверяю. Хотя вряд ли он станет что-то делать, ведь он правая рука Нойра. Я уверен, что за свободу он потребует выпустить тебя в этот мир, и тогда нет смысла от тебя освобождаться. Так что нет, я не пытался сделать это, потому что нет смысла, — Кaleb почесал лицо. — Кроме того, я слишком привязался к твоей раздражающей глупости. Ты как питомец, который жуёт мою любимую обувь.

Наверное, ему стоило бы обидеться, но со стороны угрюмого Калеба это было выражением любви.

— Я рад, что ты сегодня не умер, — Ник покинул комнату и услышал, как Кaleb орет, спрашивая как и почему здесь оказался Дэгон.

Игнорируя его и оставив Меньяру объяснять, Ник присоединился к Сими в комнате для гостей, ожидая, затаив дыхание, когда его мама откроет свои голубые глаза.

Она хмуро посмотрела на него, затем обвела взглядом комнату.

— Где я? Как я сюда попала?

— Ты не помнишь, ма?

— Хм... нет.

— У нас отключили электричество, и мы пошли к Калебу. Ты была на лестнице, когда шторм разбил окно и его куски ударили тебя. Ты упала, — Ник запомнил, что в этой лжи ему надо будет признаться священнику в воскресенье. Ему много о чем стоит поговорить с ним. И скорее всего отец Джефффри решит, что он пишет книгу.

Но ничего. Он был просто благодарен за то, что выжил, и что мама была с ним.

Что напомнило ему о еще одной важной вещи, которую надо сделать.

Эпилог

Ник, Сими, Коди и Дэгон стояли в глубине Тартара, где находилась «страшная» комната Сими. Она была права — в месте, где держали Глаз Ананке было грязновато.

Но в кои-то веки они легко до не добрались, раз уж их провожатым был сын богини Гекаты.

Выходит, если ты друг друга Аида, а его мама лучшая подруга и фрейлина Персефоны, тебе более чем рады в этой реальности. Геката потребовала лишь поцелуй и объятия сына.

Сими подняла темно-зеленый драгоценный камень и протянула его Нику.

— Ой какой блестященький. Так что это?

— Не уверен.

Дэгон посмотрел на руки Ника и прижал его к его лбу.

— Он работает, как третий глаз. Ставишь сюда и можешь видеть будущее.

Ник замолчал, когда увидел не просто будущее, а несколько вариантов. Было похоже на альтернативные вселенные.

Только в этот раз он видел все вселенные, включая эту.

Теперь он понял, о чем говорил Амброуз. Не удивительно, что его будущий я так бесился.

Сейчас он отчетливо видел каждую их будущую ошибку, которая будет приближать конец света. Это пугало.

Но оставался еще один вопрос...

Можно ли все остановить, пока не стало слишком поздно?

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net